

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 7-8(73-74), 2019

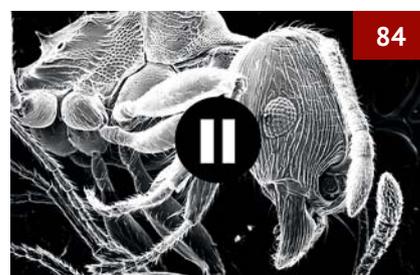
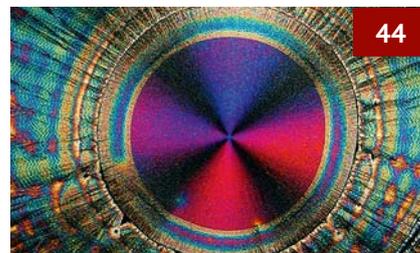
*Неолиберальный
апокалипсис*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Последняя ночь либерализма
- 6** Сергей ГЛАЗЬЕВ.
Культ Золотого тельца и Россия
(экспертный доклад Изборскому клубу)
ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ДОКТРИНА (стр. 7)
КОМУ ВЫГОДНО? (стр. 9)
ЛИБЕРТАРИАНСТВО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РОССИИ (стр. 13)
НАУЧНЫЙ ПОДХОД ВМЕСТО ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ МИФОЛОГИИ (стр. 16)
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ДОКТРИНЕ (стр. 19)
- 24** Сергей БЕЛКИН.
Либерастия на марше
- 44** **Свобода, развитие, справедливость...**
(круглый стол Изборского клуба)
- 54** Сергей БАТЧИКОВ.
Гниль либерализма
- 62** Александр ДОМРИН.
«Прогрессизм», бессмысленный и беспощадный
- 74** Вардан БАГДАСАРЯН.
Либерал-онтология и либерал-антропология
- 84** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Глобализация не закончилась, но взяла паузу
- 90** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Идеологические самозванцы
- 100** Елена ЛАРИНА.
Капитализм: два пути к одной пропасти
- 106** Александр ЛЮБИНИН.
Со щитом и на щите
- 114** **Время не сеять, а пахать**
(беседа с Александром ИВАНОВЫМ)
- 124** **Неолиберальный апокалипсис:**
деньги, энергия, информация, человек
(доклад группы экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО)
- 142** **Библиотекарь**
- 143** **Хронология мероприятий клуба**
- 144** Иван КОНОНОВ.
Гиперборейцы. Воскрешение
(Поэма)

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №7–8(73–74), 2019 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 24.10.2019

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1480

/ Александр ПРОХАНОВ /

Последняя НОЧЬ либерализма

Поздней ночью 26 июня 2019 года президент Путин дал интервью редакторам британской газеты «Файнэншл таймс», в котором заявил о несостоятельности либерализма — о том, что либерализм устарел, его время прошло, диктатура либерализма рухнула...

Почему эти заявления Владимир Владимирович сделал ночью? По милосердию своему. Он хотел, чтобы либералы провели свою последнюю ночь спокойно. Мы же, патриоты, ночью — совы, а утром — соловьи.

Но эпохальное заявление Путина сделано с опозданием на десятилетия, ибо патриоты-государственники гораздо раньше, уже в 1991 году, видели в либерализме чудовище, разрушающее великие советские и русские ценности. Тогда либералы разрубили на части великое красное царство, отпуская «на свободу» пространства и народы. И эта свобода обернулась чудовищной бойней, колоссальным, невиданных масштабов распадом. Либералы Гайдар, Немцов и Чубайс были не более чем скальпелем в руках заморского патологоанатома, который рассекал умирающее государство.

Либерализм — страшное для русских людей слово. Десятилетиями Россия, как рыба, плавала в серной кислоте либерализма. Горбачёвский либерализм привёл к гибели великого красного царства СССР. Либерализм расскёл территории и перессорил народы. Либерализм разгромил великую советскую индустрию, уничтожив тысячи изумительных технологий. Либерализм испепелил великую армию и оставил от советского флота обломки кораблей. Либерализм отверг великие ценности, которые питали Россию во всю её историю, и заставил русских поклоняться «золотому тельцу». Либерализм ввёл в моральный кодекс человечества гомосексуализм, людоедство, суицид, ненасытное потребление, ядовитую иронию и нигилизм.

Либерализм установил господство либерально мыслящего меньшинства над всем остальным народом, создав узкий класс миллиардеров, помышляющих о своём бессмертии, и миллионы обездоленных, страдающих людей, обречённых на унылую жизнь и скорую смерть.

Главный тезис либерализма состоит в том, что государство должно находиться в подчинении у отдельно взятой личности. Либерализм провозглашает превосходство личности над государством. Государству отводится роль слуги, чистильщика сапог, полотёра — того, кто улаживает человеческие прихоти. Когда

этот взгляд восторжествовал в СССР, от страны стали немедленно откалываться территории с населяющими их народами. А в местах разлома забурлила, закипела кровь. Распад СССР перекинулся и на Россию, в которой царствовали либералы, превратив страну в стихию разнузданных, осатанелых политиков, журналистов и шоуменов.

Сегодня Россия горит. Уже стгорело пол-Сибири. Пожар подбирается к региональным столицам, рабочим посёлкам и деревням. Либералы винят в этих страшных пожарах государство, которое не в состоянии организовать защиту лесов, не умеет тушить пожары, не может заранее обнаруживать очаги возгорания. Но ведь это они, либералы, в своё время продавливали через Думу Лесной кодекс, ломая упорное сопротивление коммунистов. Утверждали новый Лесной кодекс, который упразднял лесную охрану, ликвидировал службы, защищающие лес от огня и вредителей.

Они отдали русский лес, когда-то воспетый Леонидом Леоновым, в руки частнику, который, по мнению либералов, должен был ухаживать за отведёнными ему участками вырубки, аккуратно вывозить срезанный лес и тут же высаживать деревья благородных пород. На деле же частник превратился в чёрного лесоруба, резал без зазрения совести все деревья подряд, оставляя после себя горы древесного гнилья, превращая кедровые и сосновые угодья в заросли ольхи и осины. И лес, который в советское время служил интересам страны, теперь в виде кругляка бессовестно, нарушая все таможенные правила уводили за границу, не принося в российский бюджет ни копейки.

Сегодня дымит и Москва. Разъярённая молодёжь собирается толпами, движется, как низовой пожар, от Пушкинской площади по Тверской, расплывается через Камергерский переулок на Кузнецкий мост, Лубянку, атакует мэрию. Государство гасит этот пал, не давая ему распространиться на всю Москву. Какое счастье, что не может повториться девяносто первый год! Не могут повториться чудовищные кавказские войны, капризные суверенитеты Поволжья и Якутии. Россия сохраняет свою целостность, не превращается в груды тлеющих углей.

Что было бы, если бы президентом России стал Ходорковский, который взял бы страну в свои ежовые рукавицы — те, что он в течение десяти лет шил в колонии под Краснокаменском? Что было бы, если бы премьером стал Михаил Касьянов? Наверняка он провёл бы

ещё одну пенсионную реформу, принуждающую граждан выходить на пенсию в возрасте ста лет. А Шендерович, эта крошка Цахес? Если бы он стал главой ФСБ, сколько репрессий обрушилось бы на головы патриотов? Такая лютая ненависть сверкает в его глазах — чёрных, как у мохнатого паука. Любовь Соболь стала бы министром обороны. И горе тогда российским самолётам, кораблям, танкам, космическим группировкам. Она сидела бы верхом на белом пони и на Красной площади принимала гей-парад.

Министром юстиции стал бы Илья Яшин — и запретил все патриотические организации, проведя закон, не позволяющий патриотам занимать государственные должности, учинив по всей России политические расправы над патриотами. А матерщинница Ксения Собчак, став министром культуры, показывала бы молодым либералам свои обнажённые ляжки.

В этой новой либеральной власти место нашлось бы всем. Шахматист Гарри Каспаров, эта политическая пешка, оседлав ладью, стал бы грести обратно в Россию, превратив шахматную доску России в одну большую чёрную клетку — чёрный квадрат Каспарова.

Евгения Альбац стала бы строить свой «третий храм» среди вологодских васильков и ромашек. А Глеб Павловский вместе с мистером Паркером стали бы создавать новую российскую идеологию под контролем Бильдербергского клуба. Леонид Радзиховский возглавил бы министерство внутренних дел и роздал полицейским вместо дубинок хризантемы.

Всему этому безумию мешает осуществиться государство Российское. Оно сбрасывает с себя гнилые либеральные покровы, взрастает в муках, в дымах, в наводнениях, среди ропота и клеветы отступающих либералов.

Государство Российское неопалимо среди пожаров. Непотопляемо среди наводнений. Несокруσιμο среди фронды мелкотравчатых либералов.

Теперь президент Путин отказывается от религии либерализма, и нам предстоит понять, что придёт на смену этому идолопоклонству. Мы откажемся от либеральной экономики, которая остановила развитие России, привела её к постоянному кризису и сделала сателлитом транснациональных монополий. Эту экономику сменит плановая, рациональная, основанная на цифровом регулировании. Искусственный интеллект станет управлять отраслями и производствами. Либерализм уйдёт из внешней политики, которая оставила руины от Советского Союза, пепелища Ирака и Ливии, бомбовые воронки в Сирии.

Россия, избежав страшных искушений Запада, будет укреплять свой суверенитет, будет

отстаивать свои национальные интересы, основанные на ядерных ракетах, молитвенных песнопениях, обожании всего человечества.

Русская мечта не станет частью американской мечты, а вознесётся своими белоснежными сияющими храмами над поднебесными кручами русской истории. Движущей силой народа станет не безумный эгоизм отдельно взятой аморальной личности, не свирепое стяжательство, не поклонение чудовищному божеству, во имя которого совершаются злодеяния, насилие, разворовывание несметных богатств России. Труд вновь вернётся в сердцевину человеческих отношений. Государство вновь обретёт своё русское мистическое значение, сохранившее русский народ среди бесчётных войн и напастей.

Консервативные ценности, которые мы сберегли от расхищений либерализма, являются драгоценным ресурсом, используя который, русские люди сложили государство из одиннадцати часовых поясов. Оно строилось военной силой, хозяйственными трудами, переселениями. Но оно строилось также с использованием великих духовных представлений, которые вдохновляли народ не в меньшей степени, чем суворовские возгласы, посылающие солдат на штурм Измаила, не меньше, чем указы и уложения царей, строивших дороги до Тихого океана, спускающих корабли то в Чёрное, то в Белое моря. Эти духовные постулаты сделали Россию неповторимым содружеством народов, языков и верований, где каждый народ является государствообразующим, столпом, поддерживающим звёздное небо государства Российского.

Русская мечта, русское чудо, пасхальный смысл русской истории, философия русского мира, религия русской Победы, святость русского оружия, русская история как эхо Херсонеса — эти и другие сокровенные представления лежат в глубинных основах нашего сознания, обеспечивали в прошлом, сохранили в настоящем, повлекут в будущее нашу российскую суверенность и мощь. Об этом писал поэт Николай Гумилёв:

*Но тихо в мире, тихо так,
Что внятен осторожный шаг
Ночного зверя и полёт
Совы, кочевницы высот.*

Нас ждёт утренняя свежесть русского возрождения — утренний кошмар проснувшегося либерала.

/ Сергей ГЛАЗЬЕВ /

Культ Золотого тельца и Россия

Приверженность правительства и Банка России либерал-монетаристскому, а в нынешней ситуации — даже либертарианскому курсу определяется не установленным Конституцией страны понятием социального государства и не целями повышения общественного благосостояния, которым такое государство должно следовать. И даже не целями роста экономики или повышения её эффективности, хотя сторонники данного идеологического выбора постоянно этим оправдываются.

Как показано результатами многочисленных исследований, выбор этого курса, принятого разными странами ради получения кредитов и кредитных рейтингов, как правило, приводит к снижению темпов экономического роста, росту социального неравенства, деградации общего потенциала страны. Темпы экономического развития стран, следующих рекомендациям МВФ, в среднем вдвое хуже государств, которые проводили свою собственную суверенную политику вопреки этим рекомендациям (график 1)¹.

В России следование этим курсом обернулось социально-экономической катастрофой в начале 90-х годов, банкротством государства в 1998 году, глубоким кризисом экономики в 2008 году, а также продолжающейся до сих пор стагнацией. При этом объективных причин для столь плачевной деградации экономики не было и нет — имеющиеся производственные, интеллектуальные, трудовые, научно-технические ресурсы позволяли производить продукцию и обеспечивать доходы населения на уровне вдвое выше фактического.

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ДОКТРИНА

Результаты принятого либертарианского курса для экономики нашей страны и для российского общества

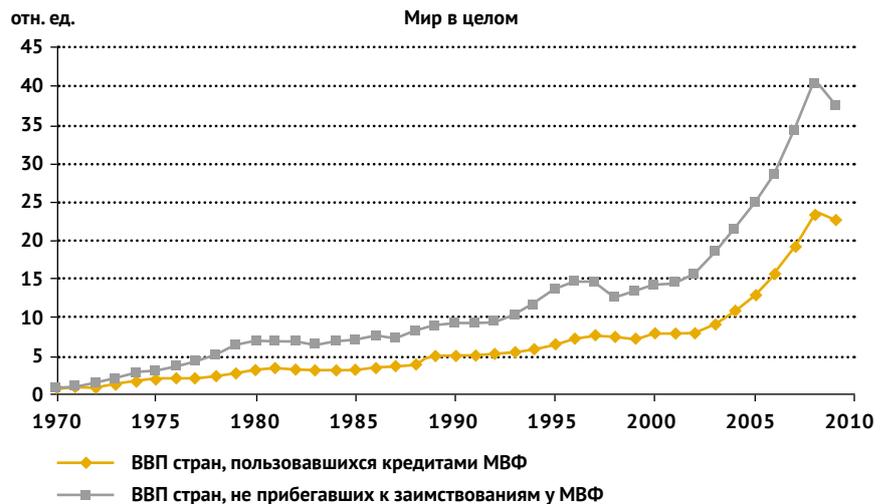

График 1.
ВВП стран, прибегавших и не прибегавших к заимствованиям у МВФ

в целом можно назвать катастрофическими. Согласно данным того же МВФ, за период 1990–2018 гг. внутренний валовой продукт России по паритету покупательной способности вырос всего в 2,36 раза, в то время как среднемировой по-

казатель составил 3,7 раза. При этом реальный сектор экономики вот уже 30 лет топчется на месте (график 2), а инвестиционная активность сегодня вдвое ниже, чем была в РСФСР.

Тем не менее финансово-экономический блок российской «властной

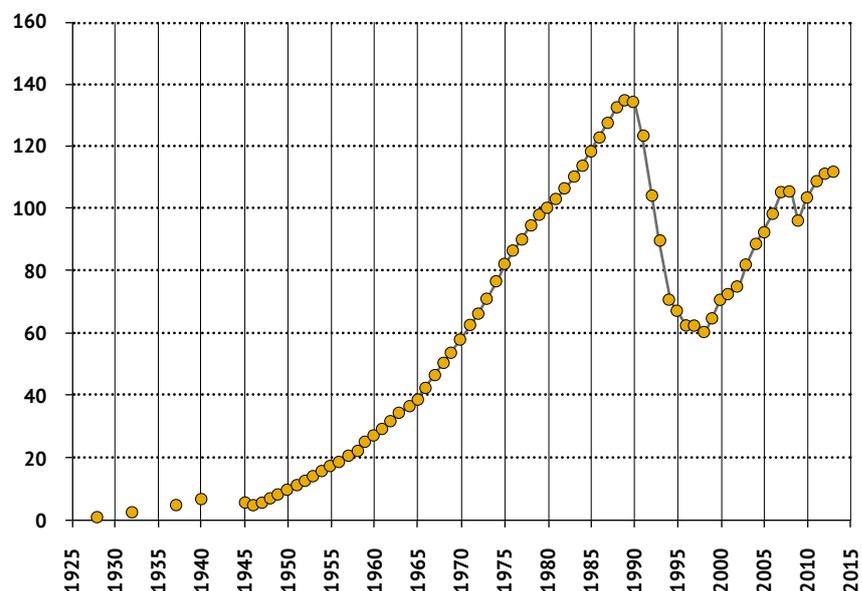

График 2.
Объем производства промышленной продукции в РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1980 г. = 100)

(Источник рис. 11.4–11.6: Гражданкин А., Кара-Мурза С. Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы: 1950–2013 гг.)

¹ Политическое измерение мировых финансовых кризисов / Под ред. В. Якунина, С. Сулакшина, И. Орлова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Век глобализации. 2013. Выпуск № 2 (12).

вертикали» этот факт ничуть не смущает, а отсутствие позитивного практического эффекта прикрывается ссылками на авторитет мировой экономической мысли: мол, всё делается «по науке», но «материал» (народ, общество, государство и т.д.) некондиционный, поэтому имеем то, что имеем. В результате возникает ситуация, описанная ещё И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Золотой телёнок», где Шура Балаганов пилит украденные у Корейко гири под возгласы Паниковского: «Пилите, Шура, пилите — они золотые!» Конечно, рано или поздно выяснится, что гири — простые, чугунные, но затраченных на выяснение этого обстоятельства времени и сил будет уже не вернуть.

Конечно, эта аналогия, как и все аналогии, сильно хромает: ведь Паниковский искренне верил в реальность своих фантазий, чего про лидеров финансово-экономического блока России не скажешь: они-то прекрасно знают, что и с какими целями делают.

Экономическая теория, будучи очень важной составляющей общественного сознания, несёт в себе функции не только гносеологические, познавательные, но и политические, которые определяются интересами властвующей элиты, далеко не всегда идентичными с общенациональными социально-экономическими интересами и целями развития страны. При этом для достижения и сохранения политической стабильности она должна позитивно восприниматься обществом. В современном обществе знаний для этого требуется наукообразное объяснение того, что, говоря словами Гегеля, «всё действительно разумно, все разумное действительно». Или, как иронически перефразировал Вольтер «монадологию» Лейбница, «мы живём в самом лучшем из возможных миров». Поэтому «мейнстрим» экономической науки призван обосновывать правильность и безошибочность проводимой государством политики — вне зависимости от практиче-

ских результатов. Точно так же СССР 1970–1980 годов в теории строил коммунизм, а на практике — жил в условиях тотального «дефицита» и готовился к «рыночным реформам».

Либертарианский «мейнстрим» (англ. *mainstream* — основное течение) экономической науки основывается на классических постулатах о рациональности и оптимальном поведении хозяйствующих субъектов, а потому именуется «неоклассическим». Несмотря на явное несоответствие реальным экономическим процессам, эта неоклассическая парадигма лидирует как по числу публикаций, так и — особенно! — по весу в структуре преподавания экономических дисциплин, объёму финансирования (грантам) и престижным премиям всех уровней вплоть до нобелевской.

Как итог именно она формирует соответствующий образ мыслей в головах подавляющего большинства современных лидеров, задавая экономический и политический курс зависимых от международного капитала национальных элит, включая российскую.

Поэтому необходимо отдельно остановиться на анализе сущности этой весьма популярной и влиятельной концепции, получившей статус едва ли не «священной коровы» современной экономики.

Чтобы понять суть той или иной теории, следует разобраться в содержании составляющих её фундамент аксиом. В «неоклассической» либертарианской парадигме к таковым относятся:

- представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, мотивация которых сводится к максимизации текущей прибыли;
- предположение, что эти экономические агенты действуют абсолютно рационально и способны учитывать все имеющиеся технологические возможности, свободно конкурируя друг с другом в институциональном вакууме.

Неизменной целью любых «неоклассических» интерпретаций экономического поведения хозяйствующих субъектов является установление ситуации рыночного равновесия, которое характеризуется наиболее эффективным использованием ресурсов с полным балансом спроса и предложения, — ситуации, которая никогда не наблюдается на практике. Хотя в современных интерпретациях неоклассической теории её аксиомы усложняются включением разнообразных оговорок и уточнений, в основе они остаются неизменными, порождая соответствующие искажения в представлениях об экономических процессах.

Последние полвека основополагающие классические постулаты экономической теории являются предметом острой научной критики. Эмпирические исследования поведения фирм на реальных рынках позволили установить, что мотивация хозяйствующих субъектов отнюдь не ограничивается стремлением к максимизации прибыли или какого-либо другого показателя экономической результативности. Был доказан факт неполной информации о рыночной конъюнктуре и технологических возможностях, доступной реальному хозяйствующему субъекту, а также раскрыто значение трансакционных издержек и других затрат, связанных с получением прибыли. Сомнению была подвергнута также сама возможность достижения экономического равновесия в результате решений, принимаемых реальными хозяйствующими субъектами.

Но, пожалуй, главный удар пришёлся на постулат о рациональности поведения хозяйствующего субъекта на рынке. В многочисленных исследованиях была установлена ограниченная способность хозяйствующих субъектов к проведению расчётов, необходимых для оптимального выбора. В разработанной более 70 лет назад концепции ограниченной рациональности Герберта Саймона фирмы ориентируются не на опти-

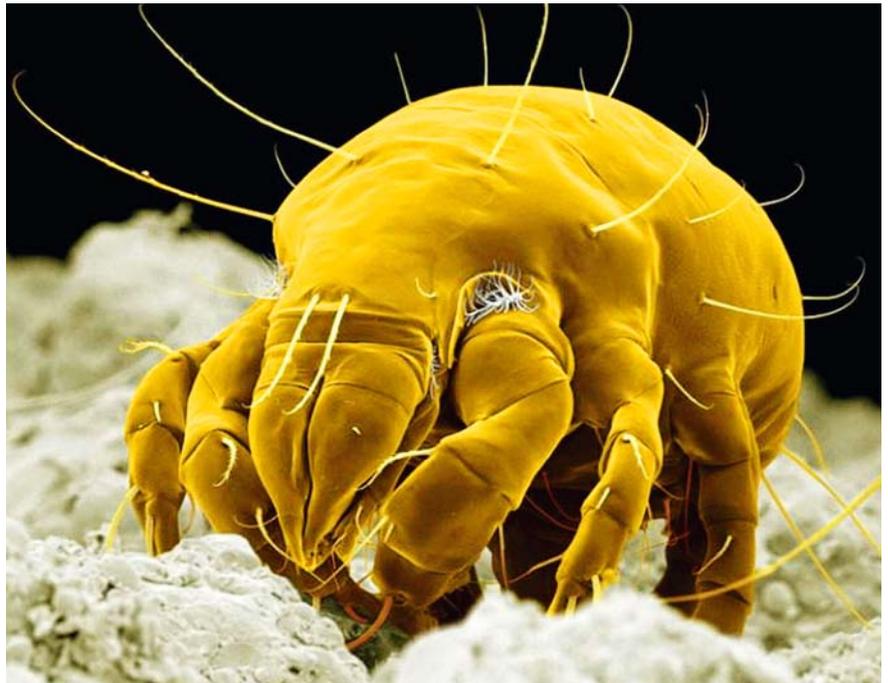

мальный, а на приемлемый выбор варианта своего поведения².

Сегодня на адекватности неоклассической теории могут настаивать только самые зашоренные апологеты рыночного фундаментализма, к числу которых, увы, относится большинство лиц, определяющих экономическую политику во многих странах мира, включая Россию.

Принципиальная неопределённость множества производственных возможностей, экономической эффективности новых технологий, различия в способностях хозяйствующих субъектов к усвоению нововведений, получению и обработке рыночной информации — вот далеко не полный перечень свойств экономической реальности, не нашедших адекватного отражения в неоклассической экономической теории. В концепции экономического равновесия существенно упрощается содержание экономических процессов, игнорируется ряд важных свойств реальной конкурентной борьбы разнообразных фирм в условиях неопределённой рыночной конъюнктуры.

Несоответствие теории рыночного равновесия реальному поведению хозяйствующих субъектов не позволяет рассматривать её как адекватную теоретическую основу ни для исследования процессов экономического развития, ни — тем более! — для формирования экономической политики. Характерная для «неоклассического» подхода интерпретация экономического роста как изменения равновесного состояния экономики во времени под влиянием реакции фирм на увеличение предложения производственных ресурсов в рамках заданного множества технологических возможностей неадекватно описывает механизмы современного экономического роста, в основе которого лежит научно-технический прогресс, имеющий прямо противоположные свойства: прежде всего,

неравновесность и неопределённость, — и для оценки их эффективности в практике хозяйственного управления нельзя применять критерий максимизации прибыли.

В сущности, «неоклассическая» парадигма экономической мысли имеет квазирелигиозную функцию, убеждая в непогрешимости «свободного рынка» с культом золотого тельца, определяющего экономическое поведение и оправдывающего сложившуюся в западных странах систему распределения национального богатства и дохода. В этой наукообразной квазирелигии есть свои догмы, облечённые в математически строгие теоремы свойств рыночного равновесия, задающие соответствующие табу и принципы принятия решений в экономической политике. В качестве «Символа веры» этой религии выступает догма о невмешательстве государства в «рыночную стихию», а также примат права частной собственности, которое именуется не иначе как «священным». Адепты этой квазирелигии в России ориентируются на своих «пророков» из США, где хорошо налажена под-

готовка неофитов из периферийных стран. Эта подготовка ведётся на основе схоластических исследований несуществующих в реальности абстрактных моделей рыночного равновесия. Смысл этих изысканий носит чисто идеологический характер обожествления «невидимой руки рынка» и не имеет отношения к реальной хозяйственной практике.

КОМУ ВЫГОДНО?

Уже один этот факт даёт подсказку для ответа на ключевой вопрос: «Кому выгодно?» Удивительная живучесть «неоклассической» парадигмы и её популярность в кругах крупного наднационального капитала объясняется соответствующими экономическими и политическими интересами. Либертарианская «неоклассика» играет роль теоретического обоснования идеологии рыночного фундаментализма и либеральной экономической политики, в проведении которой заинтересованы как ТНК, стремящиеся минимизировать государственное регулирование своей деятельности, так и ряд

² Simon H.A. Administrative Behavior. — NY: Macmillan C°, 1947.

государств, получающих от этих ТНК своё «роялти»: США, Великобритания, Швейцария и другие.

Эта концепция обосновывает претензии крупного капитала на господство в национальных обществах и во всём мире, так как сводит все социальные отношения в конечном счёте к власти денег. Она оправдывает и современные формы неокOLONиализма, позволяющие эмитентам мировых валют (прежде всего, американского доллара) эксплуатировать человечество путём неэквивалентного обмена необеспеченных денежных знаков на реальные богатства. Поэтому она энергично навязывается Вашингтоном посредством как прямого политического давления, так и косвенно: через международные институты (МВФ, Всемирный банк, ВТО и т.д.) и через финансирование экспертного сообщества национальных властвующих элит в целях эксплуатации управляемых ими стран.

Так, проводимая в России системная политика погружения экономики в «стихию свободного рынка» регуляр-

но встречает самые положительные отклики со стороны МВФ, рейтинговых агентств, крупнейших аналитических структур. В действительности либеральная идеология является ширмой, за которой все эти годы скрывается присвоение государственного имущества и национального богатства страны правящей олигархией и крупным мировым капиталом.

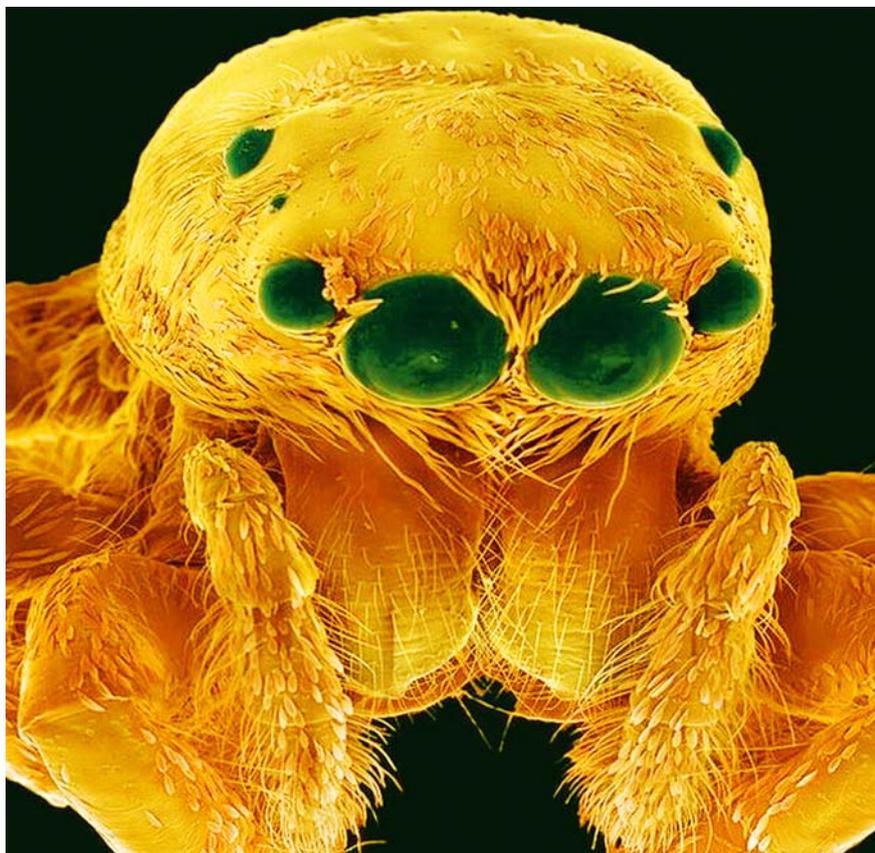
Если бы это было не так, либертарианская «неоклассическая» догматика давно бы стала достоянием истории науки — таким же, как астрономическая система Птолемея или теория «теплорода» в физике, нигде и никогда не применяясь на практике государственного управления. Но это так — и поэтому она положена в основу политики того же МВФ по отношению к странам третьего мира с целью лишения их возможностей самостоятельного экономического развития. Навязывая своим «клиентам» жёсткую денежную политику, МВФ лишает их возможности расширения внутреннего кредита и делает зависимыми от внешних

источников финансирования, подчиняя тем самым интересам иностранного капитала.

Конечным результатом проводящегося в России по рекомендациям МВФ уже более четверти века финансово-экономического курса стал вывоз из страны более триллиона долларов, перевод в иностранную юрисдикцию контроля над прибыльными предприятиями, подчинение финансового рынка интересам иностранных спекулянтов. В отсутствие внутренних источников кредита развивались только те отрасли и виды деятельности, которые представляли интерес для иностранного капитала: экспортно-ориентированные производства сырья и торговля импортными товарами. Ориентированные на внутренний рынок производители инвестиционного оборудования и высокотехнологических товаров конечного потребления в отсутствие кредита вынуждены были уступить рынок иностранным конкурентам и свернуть производство.

По сути, реализуемая МВФ либертарианская доктрина «вашингтонского консенсуса» (предписывающая либерализацию внешней торговли и валютного регулирования, ограниченную денежную политику и отказ государства от ответственности за развитие экономики) является когнитивным оружием, парализующим способность России к проведению самостоятельной денежной политики.

Под предлогом независимости Центробанка от правительства эта политика искусственно отделяется от целей развития национальной экономики и подчиняется задачам обеспечения свободного движения международного капитала. Вводимые одновременно ограничения на расширение внутреннего кредита ставят экономику в крайне зависимое положение от внешней конъюнктуры и делают её уязвимой от спекулятивных атак. Из-за этой зависимости в кризис 2008–2009 гг., как и в 2014-м, российская экономика пострадала больше других стран «Группы двадцати».

Результатом навязанной финансовыми институтами «вашигтонского консенсуса» политики закономерно стала деградация и дезинтеграция отечественной экономики, её офшоризация и втягивание в неэквивалентный внешнеэкономический обмен, разрушение научно-технического потенциала. Ущерб от этой политики намного превышает экономический ущерб СССР от фашистской агрессии и продолжает увеличиваться на 100–150 млрд долл. в год.

Эта политика продолжается вопреки интересам отечественных товаропроизводителей и позиции научного сообщества. Несмотря на постоянную критику со стороны учёных, протесты предпринимателей и профсоюзов, растущее возмущение широких слоёв населения, власти продолжают следовать рекомендациям своих западных «партнёров» и кураторов, уклоняясь от публичного обсуждения принимаемых ими решений.

Поскольку на мировом финансовом рынке доминируют эмитенты мировых валют, США и ЕС, благодаря следованию Банка России и правительства РФ либертарианской доктрине, получают возможность определять состояние российской экономики и манипулировать проводимой макроэкономической политикой. Так, нанесённый России ущерб от введённых США в 2014 году экономических санкций был многократно усилен действиями ЦБ, выполнявшего рекомендации МВФ по повышению ставки процента и отпуску рубля в «свободное плавание» при отсутствии ограничений транзакционных валютных операций, что привело к двукратной девальвации обменного курса рубля к доллару.

Произошедшее в результате этих действий втягивание нашей экономики в стагфляционную «ловушку» состоялось на фоне начавшегося в большинстве стран мира экономического подъёма. Потери российской экономики от этой политики ЦБ оце-

ниваются в 25 трлн рублей произведённой продукции и свыше 10 трлн рублей несделанных инвестиций. Её продолжение ведёт к нарастающему отставанию российской экономики от передовых стран современного мира, выходящих на «длинную волну» роста нового глобального технологического уклада.

Практически ни одна из целей, которая ставилась на уровне государства в области экономической политики начиная с 80-х гг. XX века не была реализована.

В качестве примеров, подтверждающих данный тезис, можно привести наиболее значимые реформы, проводившиеся в нашей стране за постсоветский период под влиянием либеральной идеологии. Тотальная приватизация государственных предприятий была навязана обществу исходя из умозрительной предпосылки о якобы заведомо большей эффективности частной собственности по сравнению с государственной. В реальности основная часть приватизированных предприятий была разорена новыми собственниками, неподготовленными к управлению этими производствами: крупные индустриальные города превратились в «кладбища заводов», на месте которых выросли торгово-офисные и складские помещения. А созданный в СССР передовой научно-технический потенциал сохранился почти исключительно в госкорпорациях. Самыми же эффективными оказались предприятия, созданные их собственниками с «нуля», на свои средства и своими силами. Но такие «субъекты рынка» с трудом выживают в криминально-коррупционном деловом климате, ориентирующем бизнес на лёгкую наживу путём присвоения чужого имущества.

Характерным примером здесь является осуществлённая под руководством Чубайса «реформа», а точнее — «приватизация», самой эффективной в мире системы генерирования и рас-

пределения электроэнергии и тепла. После раздробления РАО «ЕЭС России» и распродажи входивших в неё генерирующих мощностей вместо обещанного повышения эффективности произошёл взрывной рост тарифов, подорвавший конкурентоспособность российской экономики. Никуда не делась и их инвестиционная составляющая, которую реформаторы обещали упразднить: своеобразный налог на потребителей электроэнергии, используемый для финансирования инвестиций в эту отрасль, теперь уже — в частных интересах.

Вместо рачительных хозяев, денно и нощно работающих над повышением эффективности принадлежащих им предприятий, бесплатная приватизация государственной собственности породила криминально-хищнический тип «рейдерского» псевдопредпринимательства, ориентированный на «сбыт краденого». Разграбление многих эффективно работавших и хорошо оснащённых предприятий, передача значительного числа стратегически важных научно-производственных структур под контроль иностранных конкурентов — всё это стало нормой для «новой российской экономики». В результате эффективность промышленного производства, измеряемая показателями производительности труда, энергоёмкости и другими общепринятыми параметрами, снизилась более чем на треть, вдвое сократился общий объём производства³.

Приватизация 90-х, названная в народе «прихватизацией», во многом сформировала стереотипы российской бизнес-этики на годы и даже десятилетия вперёд. Создав возможности для лёгкого обогащения путём присвоения государственного имущества и последующих спекуляций с акциями приватизированных предприятий, реализованная правительством технология массовой приватизации сориентировала наиболее активных и энергичных

³ Глазьев С. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: Экономическая газета, 2011.

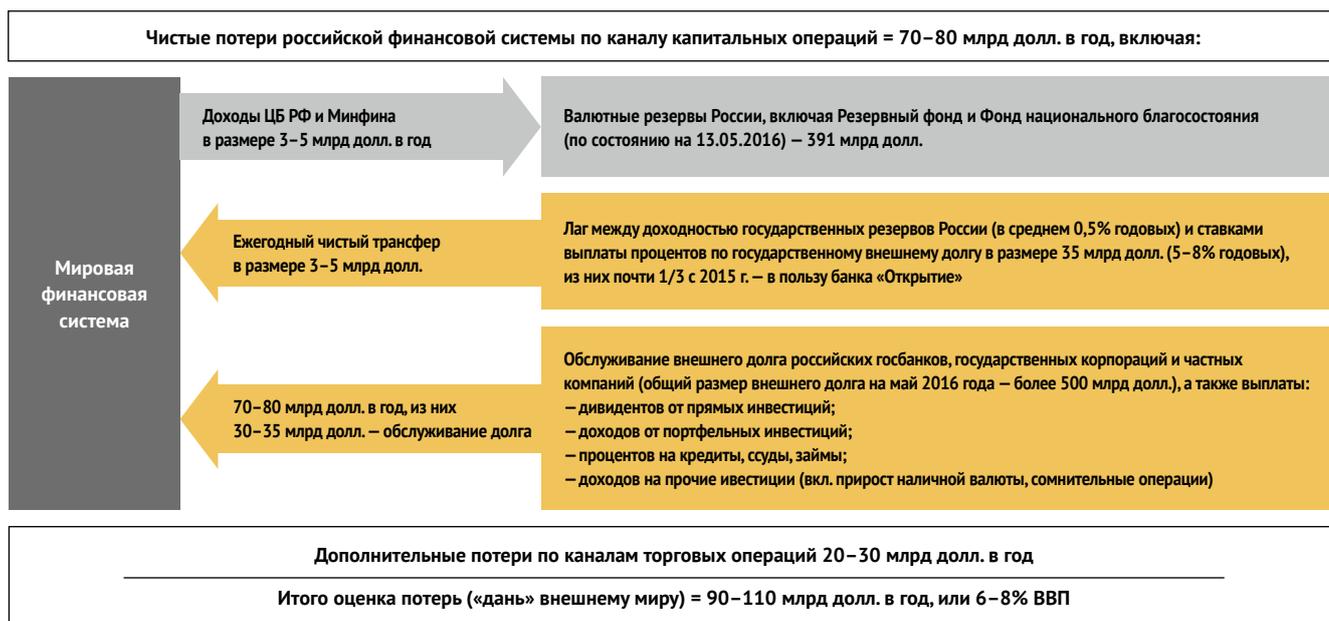

График 3.

Оценка трансферта России в пользу мировой финансовой системы

предпринимателей не на создание новых благ и удовлетворение общественных потребностей, а на раздел незаработанного богатства и присвоение ранее созданных обществом источников дохода.

Соответственно, вместо экономического роста за счёт активизации созидательной предпринимательской энергии в результате приватизации государственных предприятий был получен колоссальный спад и взрыв криминальной активности, спровоцированный легализацией разграбления государственной собственности.

Точно так же и другие структурные «реформы», предусмотренные либертарианским «мейнстримом», обернулись для общества гигантским ущербом. Передача лесов в частную эксплуатацию Лесным кодексом — массовыми пожарами вследствие нарушения арендаторами норм лесопользования. Приватизация сельскохозяйственных земель Земельным кодексом — обезземеливанием крестьян, запустением земель и реинкарнацией латифундистов. Реформа технического регулирования путём приватизации функций сертификации продукции — резким падением качества товаров и ростом

контрафакта. Монетизация социальных льгот повлекла не сокращение, а рост расходов госбюджета и массовое недовольство широких слоёв населения. Либерализация валютного регулирования вместо притока прямых иностранных инвестиций привела к уже отмеченным выше колоссальному вывозу капитала, офшоризации экономики и манипулированию финансовым рынком иностранными спекулянтами.

Перечень неудачных по отношению к заявлявшимся целям реформ под флагом «свободы рынка» можно продолжать почти до бесконечности. Но и в странах с развитой рыночной экономикой налицо множество примеров катастрофических действий в том же духе. Так, проведённая по инициативе известных американских учёных-экономистов либерализация банковского регулирования стала одной из причин глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Важным действующим фактором последнего стало «схлопывание» финансовых «пузырей» деривативов, случившееся вопреки предсказаниям либеральных учёных, незадолго до того получивших Нобелевскую премию за «доказательство»

меньшей рискованности производных финансовых инструментов. А миллионы рядовых американцев потеряли свои пенсионные накопления и взятые в ипотеку дома.

Экономическая политика — это всегда результирующая суммы интересов. В отличие от абстрактных моделей рыночной конкуренции экономикой управляют реальные люди, имеющие свои материальные интересы. Чьи интересы сегодня обслуживает либертарианская доктрина и «мейнстрим» экономической науки, навязываемый общественному сознанию в системе экономического образования?

В «неоклассическом мейнстриме» экономической мысли, самым известным воплощением которого является доктрина рыночного фундаментализма, утверждается, что государство не должно являться активным участником экономической деятельности и вредно любое вмешательство государства в экономику — за исключением тех видов госрегулирования, которые необходимы для существования рыночной конкуренции и свободного предпринимательства: защита частной собственности, антимонопольная

политика, субсидирование расходов на науку, образование населения.

Тем самым доктрина рыночного фундаментализма защищает капиталистов от вмешательства государства в управление экономикой и распределение общественного продукта. Фактически она обслуживает интересы крупного частного монополистического капитала, не нуждающегося в государственном регулировании и поддержке. А монетаризм, обожествляющий деньги, обслуживает интересы финансовой олигархии. Он сводит государственное регулирование экономики к обеспечению свободы движения денег и максимально благоприятных условий для эксплуатации национальных ресурсов собственниками денег.

ЛИБЕРТАРИАНСТВО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РОССИИ

Попробуем подсчитать эффект проводимой Банком России либертарианской макроэкономической политики. В нулевые годы правительство РФ сужало деньги российских налогоплательщиков иностранным заёмщикам под 4–5%, а российские заёмщики вынуждены были занимать за рубежом фактически изъятые у них денежные ресурсы под 8–15% годовых. После глобального финансового кризиса ставки уменьшились до 1–2% и 6–9% соответственно, но разница осталась той же. Ущерб от такого нелепого финансового обмена оценивается в десятки миллиардов долларов ежегодно. Российская экономика кредитовала американскую и европейскую под низкие процентные ставки, а занимала под высокие. При этом чем больше был приток иностранной валюты в страну, тем меньше становился спрос на кредиты национальной банковской системы и тем активнее российские предприятия занимали за рубежом.

Неэквивалентный внешнеэкономический обмен между Россией и мировой финансовой системой по каналу текущих доходов от инве-

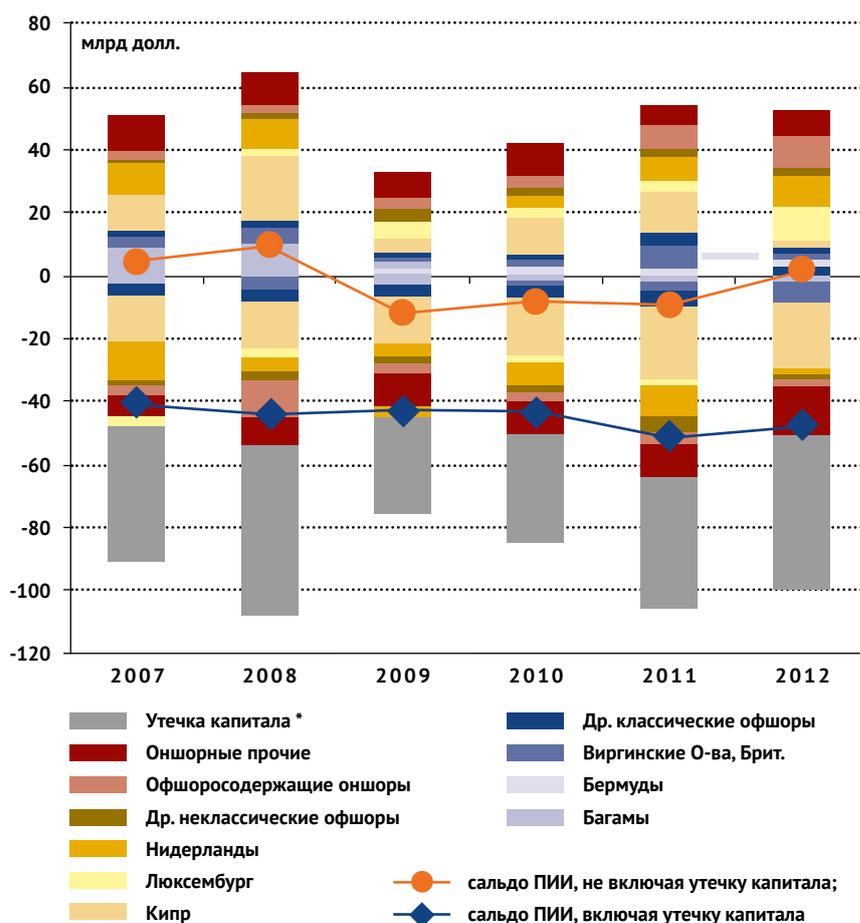

График 4.

Офшоризация российской экономики. Поток** инвестиций в Россию (+) и за границу (-) по странам и типам юрисдикций (офшорам и оншорам), млрд долл.

(Источник: Петров Ю. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? // Российский экономический журнал. 2013. № 4).

Примечания: * В состав ПИИ из РФ включена утечка капитала (объемы в соответствующие годы).

** Поток ПИИ в РФ – привлеченные ПИИ за вычетом погашенных (репатриированных нерезидентами); поток ПИИ из РФ – ПИИ, направленные за рубеж за вычетом погашенных

стиций составляет в среднем около 50 млрд долл. ежегодно начиная с повышения нефтяных цен с 2000 года. В целом финансовый трансфер из российской экономики в мировую в рамках проводимой эти годы денежными властями монетаристской политики достигал 90–110 млрд долл. ежегодно. На графике 3 представлены основные потоки неэквивалентного обмена российской финансовой системы с внешним миром.

Этот неэквивалентный обмен предопределяется офшоризацией российской экономики, ставшей следствием переключения спроса

на кредиты на зарубежные источники, что потребовало перемещения туда же залоговой и расчётной баз. Денежные власти не препятствовали данному процессу, оправдывая его ещё одной либертарианской догмой: о либерализации внешнеэкономической деятельности, включая отмену валютного контроля. Следование этой догме обошлось вывозом капитала в объёме свыше триллиона долларов, из которых половина осела в офшорах, ставших важным элементом воспроизводства российской экономики (график 4). Большая часть инвестиций её частного сектора про-

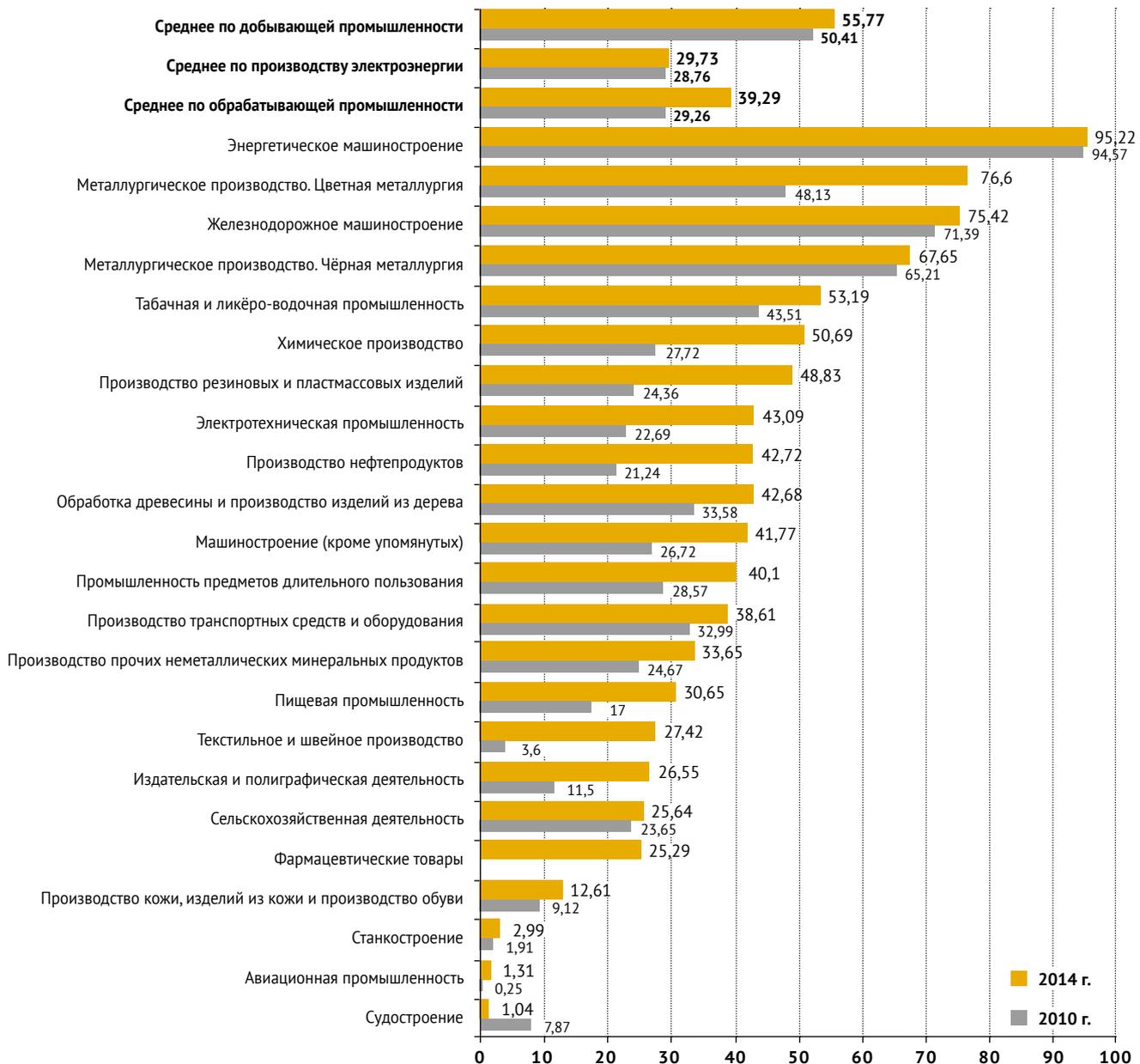

График 5.

Доля иностранного капитала в отраслях промышленности России за 2010–2014 гг.

(Источник: Цыпин А.П., Овсянников В.А. Оценка доли иностранного капитала в промышленности России // Молодой учёный. 2014. № 12. С. 195–198. URL <https://moluch.ru/archive/71/12215/> (дата обращения: 05.04.2018).

ходит через офшоры. При этом половина вывозимых в них денег безвозвратно теряется для российской экономики, растворяясь в иностранных юрисдикциях. Другая половина возвращается в Россию под видом иностранных инвестиций, пользуясь льготным налогово-правовым режимом и правом на репатриацию получаемой прибыли за рубеж.

Отсутствие валютного контроля в условиях кризисного «сжатия» об-

щей балансовой стоимости российского фондового рынка ведёт к угрозе перехода заложенных активов российских компаний в собственность их иностранных кредиторов. Она уже реализовалась по отношению к половине российской промышленности, многие отрасли которой перешли под контроль нерезидентов (график 5).

Эта угроза усиливается по отношению ко всей отечественной

экономике вследствие нарастающей монетизации финансовой пирамиды американских долговых обязательств, сопровождающейся одновременно резким ростом эмиссии и вывозом долларов за пределы США для приобретения реальных активов. В отсутствие мер по защите собственной финансовой системы российская экономика поглощается иностранным капиталом и лишается способности к самостоятельному раз-

виту, что обрекает её на ухудшение позиции при любом из сценариев дальнейшего развёртывания глобального кризиса.

Именно к таким результатам приводило следование подобной политике, насаждаемой МВФ, в ходе предыдущих финансовых кризисов. В условиях привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты приток спекулятивного капитала сначала влечёт вздутие капитализации финансового рынка, а затем отток иностранного капитала вызывает схлопывание финансовых пузырей и неконтролируемую девальвацию национальной валюты, утрату значительной части валютных резервов, спад производства и галопирующую инфляцию. Многократно подешевевшие активы затем вновь скупаются иностранным капиталом, национальная экономика теряет самостоятельность и колонизируется связанными с зарубежными эмиссионными центрами транснациональными корпорациями. Так, на кругообороте искусственного «вздутия» и прокалывания «пузыря» на финансовом рынке в 90-е гг. иностранные спекулянты, поучаствовав в «раскрутке» финансовых пирамид, на каждый вложенный в приобретение приватизационных ваучеров доллар получили активы стоимостью в сотни долларов, скупленные после дефолта 1998 г.⁴

Проводимая в России либертарианская денежно-кредитная политика объективно влечёт за собой колонизацию российской экономики иностранным капиталом, лишая её возможностей самостоятельного развития. Как обосновывается в аналитическом докладе А. Отырбы и А. Кобякова «Политика, проводимая уже четверть века Банком России и правительством, заключается в создании

благоприятных для иностранного капитала условий освоения российской экономики и национальных богатств России»⁵. В рамках проводимой ЦБ РФ политики «валютного правления» преимущество получает иностранный капитал, связанный с эмиссионными центрами мировых фиатных валют.

Следует заметить, что апологетическая функция «неоклассического мейнстрима» несовместима с такими принципами научных исследований, как стремление к объективности, истинности, практичности. Подчинение экономической мысли интересам властвующей элиты обрекает её на наукообразную мифологичность. Выполняя социальный заказ, популярные экономические доктрины не требуют доказательства своей истинности. Достаточно поддержки со стороны государственной власти и властвующей элиты. А то, что практическое применение вытекающих из экономической теории знаний не даёт нужных результатов, не беспокоит ни псевдоучёных, ни заказчиков многочисленных официальных форумов, призванных доказать правильность проводимой государством политики. Результаты провальных с точки зрения социально-экономического развития страны реформ могут вполне удовлетворять интересы властвующей элиты. Как уже указывалось, продвинутые российскими либералами реформы лесного, земельного, социального законодательства, технического регулирования и электроэнергетики существенно расширили и укрепили образованную в ходе тотальной приватизации государственных предприятий современную российскую «элиту». Хотя повлекли за собой соответственно: массовые пожары лесов, обезземеливание крестьян,

ликвидацию заслуженных миллионами людей социальных льгот, обилие контрафактной продукции, резкое повышение цен и тарифов. Надо, впрочем, признать, что и постигший банковско-финансовую систему США кризис, унесший сбережения и дома миллионов граждан, сопровождался концентрацией капитала в руках финансовой олигархии, функционеры которой благополучно покинули рухнувшие банки Уолл-стрита на «золотых парашютах»⁶.

Заметим также, что учинённый под либертарианскими лозунгами погром российской экономики объясняется не только и не столько теоретическими заблуждениями, но, прежде всего, — вполне материальными интересами самих «реформаторов». В экспертном заключении Счётной палаты РФ указывалось: «Приватизация государственной собственности сопровождалась многочисленными нарушениями как со стороны федеральных органов государственной власти, их уполномоченных представителей, так и руководителей приватизируемых предприятий, что приводило, в частности, к незаконному отчуждению объектов государственной собственности, в том числе имеющих стратегическое значение, в пользу российских и иностранных лиц по заниженным ценам...»⁷.

Формальное разгосударствление и передача контроля над собственностью в частные руки не привели к достижению целей, которые были определены в государственной программе приватизации: формированию института «эффективных собственников» и созданию социально ориентированной рыночной экономики. Наоборот, способ проведения приватизации создал благоприятные возможности для коррупции и рентоориентированного поведения, забло-

⁴ Глазьев С. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: Экономическая газета, 2011.

⁵ Отырба А., Кобяков А. Как побеждать в финансовых войнах. Альманах «Однако». Июнь-июль 2014 г. № 174.

⁶ См.: Стариков Н. Кризис: как это делается. СПб: Питер, 2010; фильм-расследование «Инсайдеры» (*Inside job*, 2010 г.).

⁷ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / Доклад Счётной палаты. М., 2004.

кировав формирование нормальных для рыночной экономики производственных отношений. В общественном сознании приватизация чётко получила эпитет «криминальная». Это повлекло долгосрочные негативные последствия в стереотипах предпринимательского поведения.

Вопреки ожиданиям «реформаторов», убеждавших в превосходстве частной собственности над государственной, массовая приватизация предприятий сопровождалась резким падением объёма производства промышленной продукции и ростом доли убыточных предприятий. Спустя несколько лет после начала приватизационной кампании можно было констатировать разорение подавляющего большинства (87%) приватизированных предприятий.

Зато организаторы приватизации весьма преуспели, став весьма богатыми собственниками бывшего общенародного имущества — так же, как их иностранные «консультанты». Любопытно отметить, что стремление нажиться на государственной собственности, по-видимому, является «родовой чертой» российских либералов. Почему-то наиболее яркие из них маниакально любят рулить государственными активами: корпорациями, банками, институтами развития и образования. И практически нет ни единого примера, чтобы какой-то выдающийся глашатай либеральной идеологии организовал свой успешный частный бизнес. Связано это с тем, что либеральная идеология мало вдохновляет настоящих частных предпринимателей, которые понимают значение государственной поддержки бизнеса, особенно — инновационного. А захватившие руководство госкомпаниями и госбанками либералы очень любят порассуждать о невмешательстве государства, поскольку оно даёт им возможность распоряжаться государственными деньгами и активами как своими собственными. В их устах либеральная идеология служит оправданием банального хищения государственной собственности.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД ВМЕСТО ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Конечно, бывают и успешные реформы — так же, как и успешная экономическая политика. Но они, как правило, проводятся исходя из здравого смысла государственных деятелей, не обременённых экономическим образованием. Между тем для успешного развития экономики нужна правильная научная теория. Как известно, «нет ничего практичнее хорошей теории». Но теория должна соответствовать научным критериям истинности, объяснять причинно-следственные связи, раскрывать реальные закономерности процессов воспроизводства экономики и давать достоверные прогнозы. То есть проверяться на практике.

Если поставить перед наукой задачу выработать рекомендации для развития экономики в целях подъёма общественного благосостояния, то предметом такого исследования должен стать не поиск условий достижения «рыночного равновесия», а, наоборот, изучение закономерностей нарастающего отклонения от него в направлении всё более сложных и разнообразных видов экономической деятельности, развивающихся как целостный организм. Именно *процесс развития хозяйственной деятельности, а не обремена её результатами* должен стать главным предметом экономической науки. Соответственно должна поменяться и методология.

Процесс развития характеризуется усложнением и повышением внутреннего разнообразия системы. Поэтому, в отличие от теории обмена, которая ориентировалась на поиск состояния равновесия и редукцию от сложного к простому в целях выявления всеобщего эквивалента, теория развития должна ориентироваться на поиск механизмов поддержания нарастающей сложности в рамках воспроизводящейся целостности. Как уже говорилось, эволюция

живых систем имеет негэнтропийный характер, развиваясь по пути усложнения. Главным предметом экономической науки должно стать изучение закономерностей развития экономики, а соответственно — и механизмов её усложнения, поддержания целостности и устойчивости в процессе повышения разнообразия хозяйственной деятельности и её результатов.

Сегодня не нужно никого убеждать в том, что главным фактором развития экономики является научно-технический прогресс. Постоянная разработка и внедрение новых технологий находятся в центре внимания управления развитием экономики на всех уровнях. ***Чтобы разобраться в закономерностях развития хозяйственной деятельности, необходимо понять процессы изменения и смены технологий.***

Хозяйственная деятельность не сводится к производству, она погружена в социальную среду, обитатели которой ведут, организуют, обеспечивают хозяйственную деятельность и используют её результаты в своих интересах. Эта среда состоит из людей, которые вступают во взаимоотношения между собой по поводу хозяйственной деятельности и её результатов. Эти отношения обеспечивают воспроизводство хозяйственной деятельности при постоянных изменениях в составе популяции участвующих в них людей. Сами производственные отношения определяются институтами, удерживающими в них людей и задающими формы реализации мотивов их поведения. Поэтому, ***чтобы разобраться в закономерностях развития экономики, необходимо понять и процессы изменения социальных институтов.***

Социальные институты регулируют поведение людей в той мере, в которой последние склонны соблюдать задаваемые ими нормы. Эта склонность поддерживается положительными и отрицательными связями между человеком и обществом, действенность которых

определяется соответствием моральных ценностей индивида и господствующей идеологии. Чем выше это соответствие, тем эффективнее работают институты, определяющие производственные отношения. И, наоборот, с ростом доли людей, отвергающих господствующую идеологию, сужается способность институтов поддерживать соответствующие производственные отношения. Поэтому **для понимания закономерностей развития экономики необходимо принимать во внимание эволюцию систем ценностей людей во взаимодействии с господствующей в общественном сознании идеологией.**

Следовательно, необходимо рассматривать любую экономическую систему как сложное множество людей: с их идеологией, интересами и мотивами поведения, связывающими их производственными отношениями и регулируемыми эти отношения институтами, а также средствами и предметами производства, связанными определёнными технологиями. Эта сложная система состоит из бесчисленного числа элементов и связей между ними, которые постоянно меняются. Её характеризуют: принципиальная сложность, которая не позволяет редуцировать все её составляющие к некоторому базовому элементу; нелинейность взаимозависимостей, не отражающихся простыми функциями; неопределённость состояний, которая затрудняет построение прогнозов и разработку практических рекомендаций.

Исходя из изложенного *центральным вопросом экономической науки должно стать изучение взаимосвязи технологических, институциональных и идеологических изменений.* Именно такой подход характерен для учёных Изборского клуба, в работах которых выявлены реальные закономерности современного социально-экономического развития и обоснованы рекомендации по их использованию в управлении развитием российской экономики.

ПРОВЕРКА НА ПРАКТИКЕ

Эволюция разных государств распавшейся мировой системы социализма продемонстрировала на практике большое разнообразие траекторий перехода от директивной к рыночной экономике. Экономической теории редко удаётся экспериментально проверить ту или иную гипотезу, следствием чего является схоластичность и умозрительность многих её направлений. Период конца прошлого — начала нынешнего века дал богатейший эмпирический материал, значение которого до сих пор экономической наукой недооценено. Фактически был поставлен глобальный эксперимент по проверке на истинность основных экономических теорий.

Либертарианская доктрина была взята в качестве «руководства к действию» в России, Украине, Прибалтике и восточноевропейских государствах — членах СЭВ. При этом эксперимент был поставлен при разных условиях — Россия и Украина осуществляли переход самостоятельно, а другие восточноевропейские государства были быстро поглощены Европейским союзом. В свою очередь, в рамках каждого

из этих экспериментов были свои дополнительные различия. В России переход осуществлялся в условиях авторитарного политического устройства, в Украине — в условиях парламентской демократии. Среди восточноевропейских государств особый случай — ГДР, поглощённая своим западным соседом.

Переход к рыночной экономике в Китае, Вьетнаме, Белоруссии и Узбекистане представляет собой экспериментальную проверку другой экономической теории, известной в литературе как теория хозяйства, или физическая экономика. Эту теорию отличает прагматический подход к изучению экономических явлений, не обременённый умозрительными абстракциями вроде моделей рыночного равновесия. И в этом случае эксперимент был проведён при двух различных условиях: переход от директивной к рыночной экономике и поглощение рыночной открытой экономики Гонконга социалистическим Китаем.

Наконец, осталось две страны, в которых сохранились основные институты социалистической экономики — Куба и КНДР. При оценке результатов эксперимента их можно использовать в качестве «кон-

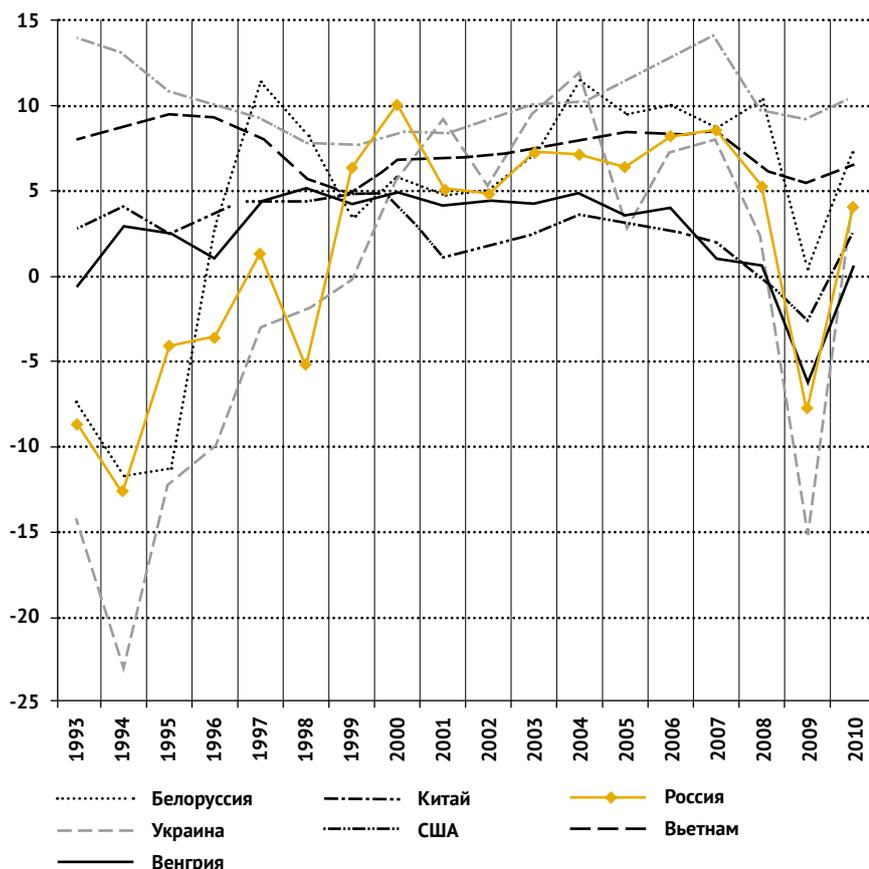

График 6.

Темпы прироста ВВП ряда стран в 1993–2010 гг., % к предыдущему году

трольной группы». Любопытно, что, несмотря на серьёзный удар, обрушившийся на эти сравнительно малые экономические системы с развалом СССР и мировой системы социализма, они не только выстояли, но и сохранили немалый потенциал развития. Куба демонстрирует уверенный экономический рост, а Северная Корея ухитряется выживать, несмотря на экономические санкции и колоссальное политическое давление извне. Более того, Куба оказывает мощное политическое влияние на страны Латинской Америки, многие из которых в настоящее время успешно развивают социалистические институты государственной собственности и планирования.

На графике 6 показаны темпы прироста ВВП в некоторых странах с переходной экономикой на фоне США, считавшихся до последнего

времени наиболее стабильной рыночной экономикой. Здесь наглядно видны провалы в экономической динамике постсоветских государств, избравших либертарианскую модель перехода к рынку, и успехи государств, сохранивших систему централизованного планирования, сочетая её с эволюционным развитием рыночных отношений.

Адепты либертарианской доктрины не смогли дать убедительного объяснения разительных различий в результатах перехода к рыночной экономике разных стран. Объяснения успехов Китая и неудач России, как правило, сводятся к несерьёзным рассуждениям о непоследовательности политики шоковой терапии в последней и к абсурдным гипотезам о последовательной реализации доктрины рыночного фундаментализма в первом. Аналогичным

образом относительно успешное развитие Белоруссии пытаются объяснить энергетическими субсидиями со стороны России, хотя соседние с ней Смоленская и Псковская области, получая энергоносители по более низким ценам, демонстрируют плачевные результаты⁸.

На самом деле скачкообразная либерализация экономики, столкновение с конкуренцией высокоразвитых экономик и закономерное ухудшение инвестиционного климата вызвали резкое сокращение инвестиционной активности. Это особенно сильно ударило по наиболее современным отраслям, производящим технически сложные изделия. Отсутствие инвестиционных ресурсов для модернизации послужило причиной их развала и деградации.

Большинству европейских стран пришлось заплатить высокую цену за либерализацию хозяйственного механизма. Реакция экономики на форсированное разрушение привычных механизмов управления при отсутствии или слабости новых рыночных институтов и неотлаженности косвенных рычагов макроэкономического регулирования оказалась крайне болезненной. В результате большинство стран в первые годы «рыночной» трансформации были охвачены глубоким экономическим кризисом. Его главными проявлениями стали стремительное нарастание инфляции, угрожавшее в некоторых странах развалом государственных финансов, и падение объёмов производства. Возникли также серьёзные проблемы в социальной сфере.

Наиболее интересным для экономической науки является сравнительный анализ рыночной трансформации российской и китайской экономик, осуществлявшейся принципиально разными способами в одно и то же время, одновременно со структурным кризисом мировой экономики. В этих условиях результат

⁸ Федосов Е. Инновационный путь развития как магистральная мировая тенденция // Вестник Российской академии наук. 2006. № 9.

любой трансформации экономики определялся сочетанием её результатов с технологическими сдвигами, закладывающими будущую траекторию экономического развития.

В России переход к рыночной экономике сопровождался разрушением институтов, обеспечивавших воспроизводство научно-производственного и интеллектуального потенциалов. В Китае эти институты не разрушались, а модернизировались, приспособившись к функционированию в условиях рыночной конкуренции наряду с выращиванием новых институтов рыночной экономики. При этом государственная политика была направлена на сохранение и развитие научно-производственного потенциала, ориентировалась не на формальные преобразования, а на практические результаты.

Создание условий для активизации творческого потенциала личности и предпринимательских способностей путём планомерной деятельности государства позволило Китаю с момента начала реформ на порядок увеличить объёмы производства. В России и в большинстве других постсоциалистических стран переход к рынку на основе присвоения государственной собственности небольшой группой приближённых к власти лиц не мог обеспечить экономический успех.

В итоге сравнительного эксперимента по практическому применению двух разных теоретических доктрин были получены диаметрально противоположные результаты: если в России произошло более чем двукратное падение основных показателей научно-технического потенциала, то в Китае налицо их многократный рост (график 7). Это доказывает неадекватность либертарианской доктрины, на основе которой реализовывалась политика шоковой терапии в России, закономерностям современного экономического развития. Доктрина рационального хозяйствования, соответствующая эволюционной парадигме, положенная в основу китайской политики пере-

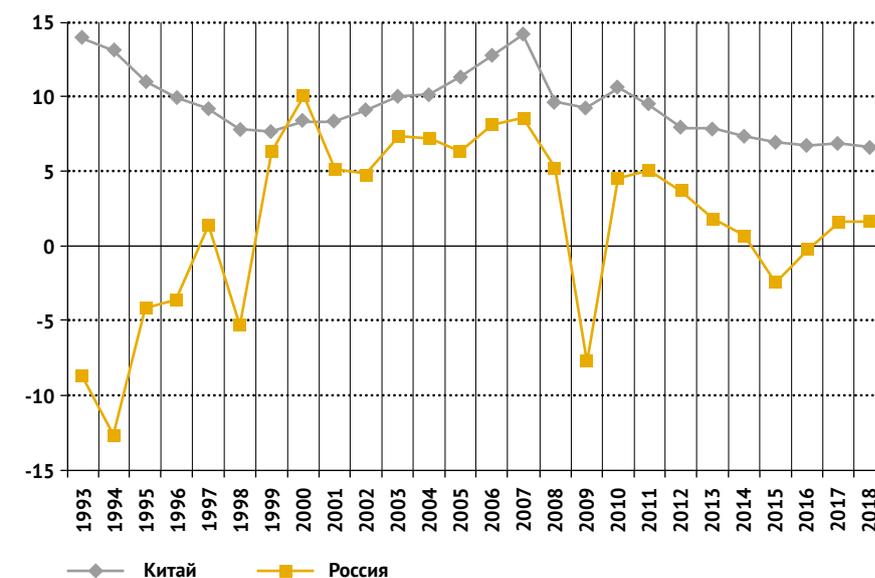

График 7.

Динамика ВВП в постоянных ценах, % изменение

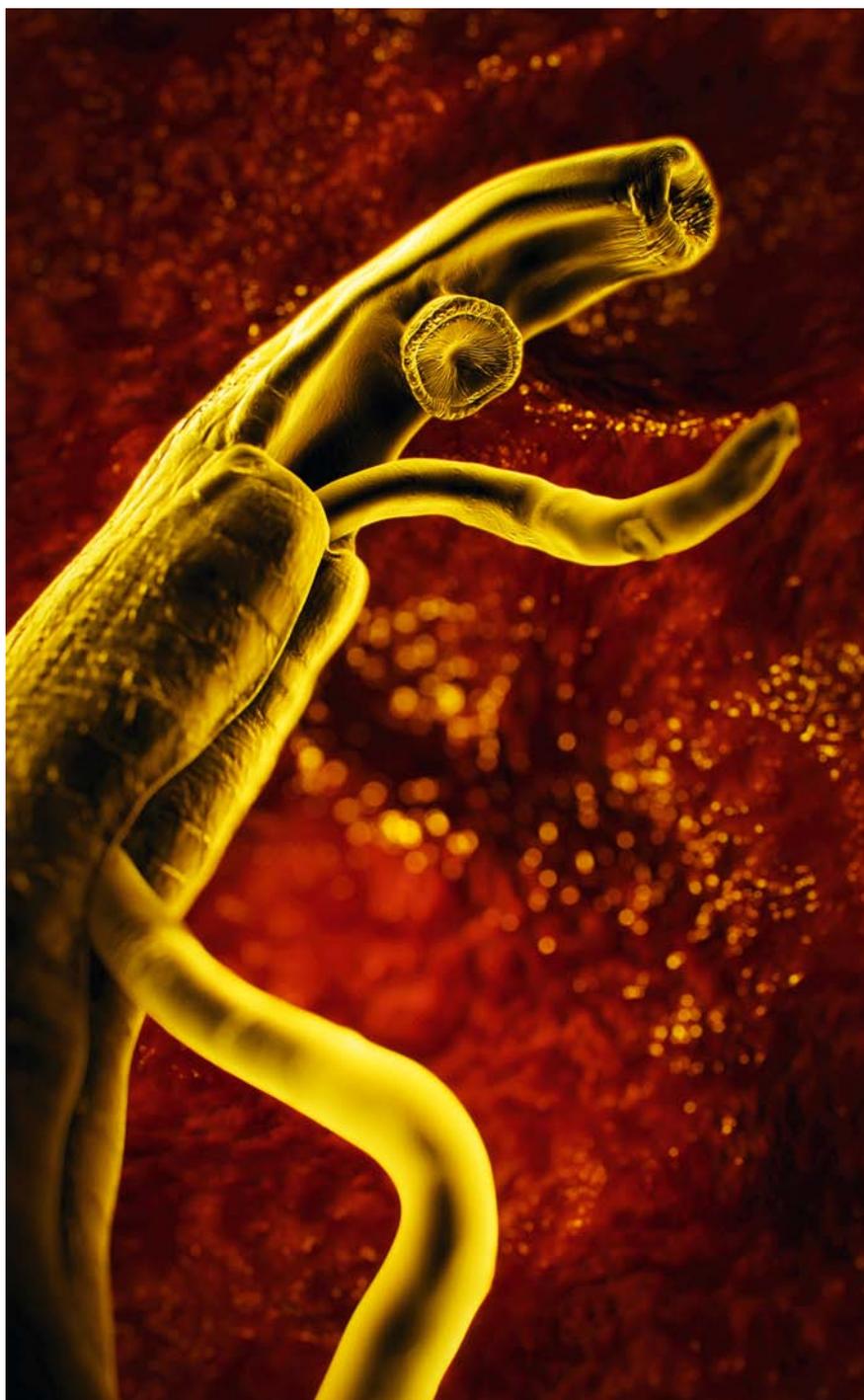
(Источник: World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. October 2018)

хода к рыночной экономике, напротив, позволила учесть и использовать эти закономерности. Их понимание является необходимым условием оценки правильности проводимой экономической политики.

В России, вопреки не только научным рекомендациям, но и элементарному здравому смыслу и международному опыту, в жертву идолам рыночного фундаментализма были принесены сбережения граждан, высокотехнологические отрасли промышленности и природная рента — сотни миллиардов «нефтедолларов» ушли на подпитку долларовой финансовой пирамиды, оставив отечественный научно-производственный потенциал без необходимых для модернизации ресурсов. Вместо постепенного выращивания институтов рыночной конкуренции и осторожной трансформации гигантов социалистической экономики в конкурентоспособные корпорации, создания национальной финансово-инвестиционной системы, ориентированной на долгосрочное кредитование модернизационных проектов, в результате приватизации был выхолощен научно-производственный комплекс страны.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ДОКТРИНЕ

Причины резкой деградации российской экономики целиком лежат в сфере управления хозяйством, сложившейся в результате «рыночных реформ» по лекалам либертарианской экономической модели. Объективное состояние научно-производственного, человеческого и сырьевого потенциала российской экономики не предвещало столь резкого падения экономической активности и инвестиций, уровень которых до сих пор остаётся ниже дореформенного. Вывоз триллиона долларов капитала, эмиграция нескольких миллионов квалифицированных кадров за рубеж свидетельствуют о неспособности созданной реформаторами системы управления экономикой страны реализовать имеющиеся возможности экономического роста. Вместо формирования созидательных мотивов общественно-полезной хозяйственной деятельности государственная политика нацеливала предпринимателей на присвоение чужого, не на производство нового, а на перераспределение ранее созданного богатства. Это исключало возможность

формирования интеллектуального стиля управления и, соответственно, перехода на инновационный путь развития.

В первоначальном накоплении капитала, происходившем в России путём «прихватизации» государственного имущества, конкурентным преимуществом обладали люди, не обременённые моральными принципами: способные дать взятку

чиновнику, запугать директора, расправиться с трудовым коллективом, при необходимости уничтожить конкурента. Коммерчески успешные и поэтому доминирующие в ходе реформ образцы предпринимательского поведения определялись не столько созидательными мотивами, сколько криминальным опытом.

Традиционная русская хозяйственная культура, образцы доре-

волюционного предпринимательства оказались не только не востребованы, но и дискредитированы либеральными реформаторами. Быть честным, ответственным, законопослушным, справедливым и добросовестным оказалось не просто невыгодно, а абсолютно недопустимо с точки зрения успешного ведения бизнеса. В выигрыше оказались беспринципные, алчные и, как правило, невежественные авантюристы, подкупавшие чиновников, обманывавшие государство, «кидавшие» партнёров, шантажировавшие руководителей предприятий, презиравшие трудовые коллективы и неспособные к управлению высокотехнологическим производством. В итоге произошла глубокая криминализация управления хозяйством, позитивные качества русской хозяйственной культуры были вытеснены лагерно-бюрократической криминальной контркультурой. Согласно классической классификации Платона, возникший в России стиль управления следует определить как тимократию (правление худших и корыстных). Перейти от этого строя к демократии, понимаемой в русской политологической традиции как народовластие, куда сложнее, чем раньше, так как для этого предстоит преодолевать сопротивление криминализованной, циничной и противоположной народу по своим интересам властвующей элиты.

В криминализации и деградации культуры хозяйствования заключаются фундаментальные причины резкого падения конкурентоспособности российской экономики. Действительно, если к сверхдоходам ведут не повышение эффективности производства и качественное удовлетворение общественных потребностей, а разграбление предприятий, обман партнёров и ликвидация конкурентов, то о каком экономическом развитии может идти речь? Неудивительно, что вместо него на протяжении вот уже более четверти века мы наблюдаем нарастающую деградацию, вывоз капитала, эмиграцию не находящих применения

своим силам специалистов, беспощадную эксплуатацию природного и человеческого потенциала страны, присвоение национального богатства криминальными структурами.

Таким образом, в результате проводившейся либертарианской политики в российской экономике сложилась крайне неэффективная система хозяйствования, неадекватная как современным закономерностям экономического роста, так и ценностно-смысловым мотивам и стереотипам поведения подавляющего большинства населения. Эта система хозяйствования ориентирует предпринимателей не на созидательную общественно-полезную деятельность, а на присвоение чужого, провоцируя бесконечную «войну всех против всех». Она дискредитирует традиционные нравственные ценности и провоцирует криминализацию хозяйственной деятельности. Она подавляет творческую энергию граждан, вызывает их отчуждение от государства, влечёт за собой разрушение научно-производственного и деградацию человеческого потенциала страны, снижение конкурентоспособности национальной экономики.

Но этап паразитического присвоения социалистического наследия завершается, и возникает критически важный для разработки антикризисной политики вопрос: какой духовный стержень будет направлять экономическое поведение людей? Едва ли культ Золотого тельца станет новой религией нашего народа, большинство которого исповедует либо возрождающееся православие, либо коммунистическую доктрину. Если исходить из тенденции возрождения православной самоидентификации всё большей части населения России, для моделирования соответствующего ей экономического поведения следует обратиться к анализу влияния православного мировоззрения на мотивы и ограничения

этого поведения. В качестве его фундаментальной основы можно использовать Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, разработанный группой учёных и богословов под эгидой Московской патриархии РПЦ и одобренный Всемирным русским народным собором⁹. Он представляет собой системное обобщение духовной составляющей экономического поведения, регламентируемого российской религиозной традицией. Как нетрудно заметить, мотив максимизации прибыли в них существенно ограничен требованиями соблюдения общего блага: не допускать дискриминации работников, стремиться к отношениям сотрудничества, взаимопомощи, выполнять взаимные обязательства, обеспечивать социальные гарантии.

Соответствующий российской мировоззренческой традиции духовный стержень экономического поведения принципиально отличается как от либеральной доктрины, так и от её криминализованного воплощения в современной российской действительности. Этим во многом объясняется неприятие подавляющим большинством российского народа ультралиберальных, либертарианских «рыночных реформ», которые легализовали аморальные и, в значительной части, преступные формы обогащения за счёт присвоения чужого. Подавляющее большинство российских граждан отказались от билета в «рыночный рай», продав за бесценок приватизационные ваучеры и не соблазнившись на посулы «народного» капитализма. Они это сделали не по недомыслию, а по неприятию предложенных либеральными реформаторами способов обогащения за счёт присвоения государственного имущества.

Русская духовная традиция наполнена содержательным смыслом, важнейшими составляющими которого являются созидательная

деятельность на общее благо, воплощение принципов правды и справедливости. Привнесённая из-за рубежа и с энтузиазмом подхваченная олигархами и коррупционерами доктрина вульгарного либерализма в корне этой традиции противоречит. Общество не приемлет как воровские способы обогащения, так и издевательски низкую оплату труда, олигархическую вакханалию приближённых к власти лиц на фоне массовой бедности трудящегося населения. Следствием этого диссонанса укоренённой в общественном сознании духовной традиции и повседневной практики стали эпидемии социально обусловленных болезней, резкое падение продолжительности жизни, аномально высокий уровень преступности и психических расстройств.

Разрешение противоречия между духовной традицией и практикой возможно двумя способами. Либо духовная традиция будет сломлена доминирующей хозяйственной практикой, либо последняя будет приведена в соответствие с духовной традицией.

В первом случае завершится подмена приведённых выше нравственных принципов хозяйствования культом Золотого тельца с характерными для него войной всех против всех, социальной безответственностью, доминированием аморальных и преступных способов обогащения за счёт присвоения чужого. Примеры такого рода стереотипов экономического поведения дают слаборазвитые страны Африки и Латинской Америки с характерной для них низкой эффективностью как рыночных механизмов, так и поражённых коррупцией институтов государственного регулирования. В этом случае Россию ждёт дальнейшая деморализация и вырождение населения, деградация производственного потенциала, превращение экономики в сырьевую колонию более развитых стран.

⁹ «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании». Итоговый документ VIII Всемирного русского народного собора. Принят на итоговом пленарном заседании Собора 5 февраля 2004 года.

Во втором случае возможно построение эффективной экономической системы, работающей на созидательной мотивации десятков миллионов образованных трудоспособных граждан. При этом в условиях перехода мировой экономики на инновационный путь развития и доминирующего значения научно-технического прогресса как главного двигателя экономического роста специфика российской духовной традиции даёт принципиальные конкурентные преимущества. Прежде всего, это характерные для русской культуры доминирование духовного над материальным, поиск истины, тяга к творчеству и способность к коллективному интеллектуальному труду. Эти качества как нельзя лучше отвечают вызовам современной экономики знаний, в которой основой успеха является способность создавать и осваивать новейшие прорывные технологии. Сохраняющийся в стране научный и интеллектуальный потенциал может стать основой быстрого подъёма российской экономики при создании благоприятных условий его активизации. Для этого должна проводиться соответствующая социально-экономическая политика, ориентированная на активизацию имеющихся сравнительных преимуществ национальной экономики.

Разрыв между доминирующим стилем управления и общепринятыми нравственными ценностями влечёт за собой падение эффективности управления как в государственном, так и в частном секторах. Для построения эффективной экономической системы, работающей на созидательной мотивации десятков миллионов образованных трудоспособных граждан, необходимо приведение доминирующей хозяйственной практики в соответствие с духовной традицией.

Как уже неоднократно указывалось выше, выход на траекторию устойчивого роста экономики и благосостояния общества возможен только на основе многократного повышения инновационной и инвести-

ционной активности, кардинального улучшения качества государственного регулирования, подъёма трудовой, творческой и предпринимательской энергии людей. Для этого проводимая в России социально-экономическая политика должна иметь определённый духовный стержень, соответствующий национальной культурной традиции. По меньшей мере эта политика должна быть осмысленной и понятной гражданам, ориентированной на достижение разделяемых ими социально значимых целей. Активизация интеллектуального потенциала страны предполагает формирование соответствующего нравственного климата. Фундаментальное значение для русского человека имеет ощущение правильности общественного устройства, его соответствие понятиям справедливости, разумности, целесообразности. Без восстановления справедливости в распределении национального богатства и дохода, преодоления коррупции государственной власти, очищения экономики от организованной преступности новый хозяйственный подъём не удастся.

Для построения эффективной системы управления экономикой, соответствующей духовной традиции и нравственным ценностям, принятым в российской культуре, должны быть пересмотрены фундаментальные принципы государственной социально-экономической политики. В том числе в экономической политике необходимо отказаться от рыночного фундаментализма, в кадровой политике — от круговой поруки и кумовства, а в практике управления — от культа вседозволенности и самообогащения. Должны быть восстановлены ключевые для русской культуры нормы социальной справедливости в распределении национального дохода и богатства. В частности, это означает:

— ревизию итогов приватизации с отменой незаконных сделок и уплатой прогрессивного компенсационного налога, пропор-

ционального приросту рыночной капитализации приватизированного имущества в момент его передачи на вторичном рынке;

- восстановление дореформенных сбережений граждан;
- переход к гибкой денежно-кредитной политике, ориентированной на потребности экономики в долгосрочном кредитовании развития производства, поддержание высокой инновационной и инвестиционной активности;
- проведение жёсткой антимонопольной политики, кардинальное повышение эффективности контролируемых государством естественных монополий;
- восстановление прогрессивной шкалы подоходного налога;
- приведение минимальной оплаты труда в соответствие с реальным прожиточным минимумом;
- переход к нормативному планированию социальных расходов исходя из общепринятых в развитых странах стандартов и национальных традиций;
- обеспечение прав граждан на бесплатное высшее образование;
- возвращение в общенародную собственность природных ресурсов;
- введение механизма рационального природопользования с научно обоснованной системой штрафных санкций за загрязнение окружающей среды и изъятием природной ренты в доход государства;
- введение персональной ответственности чиновников за должное исполнение своих обязанностей, включающей право каждого гражданина добиваться отставки недобросовестных чиновников в судебном порядке;
- введение политической ответственности федеральной исполнительной власти за уровень жизни народа.

Разумеется, реализация этих принципов потребует политической воли и последовательной политики следования общественным интеле-

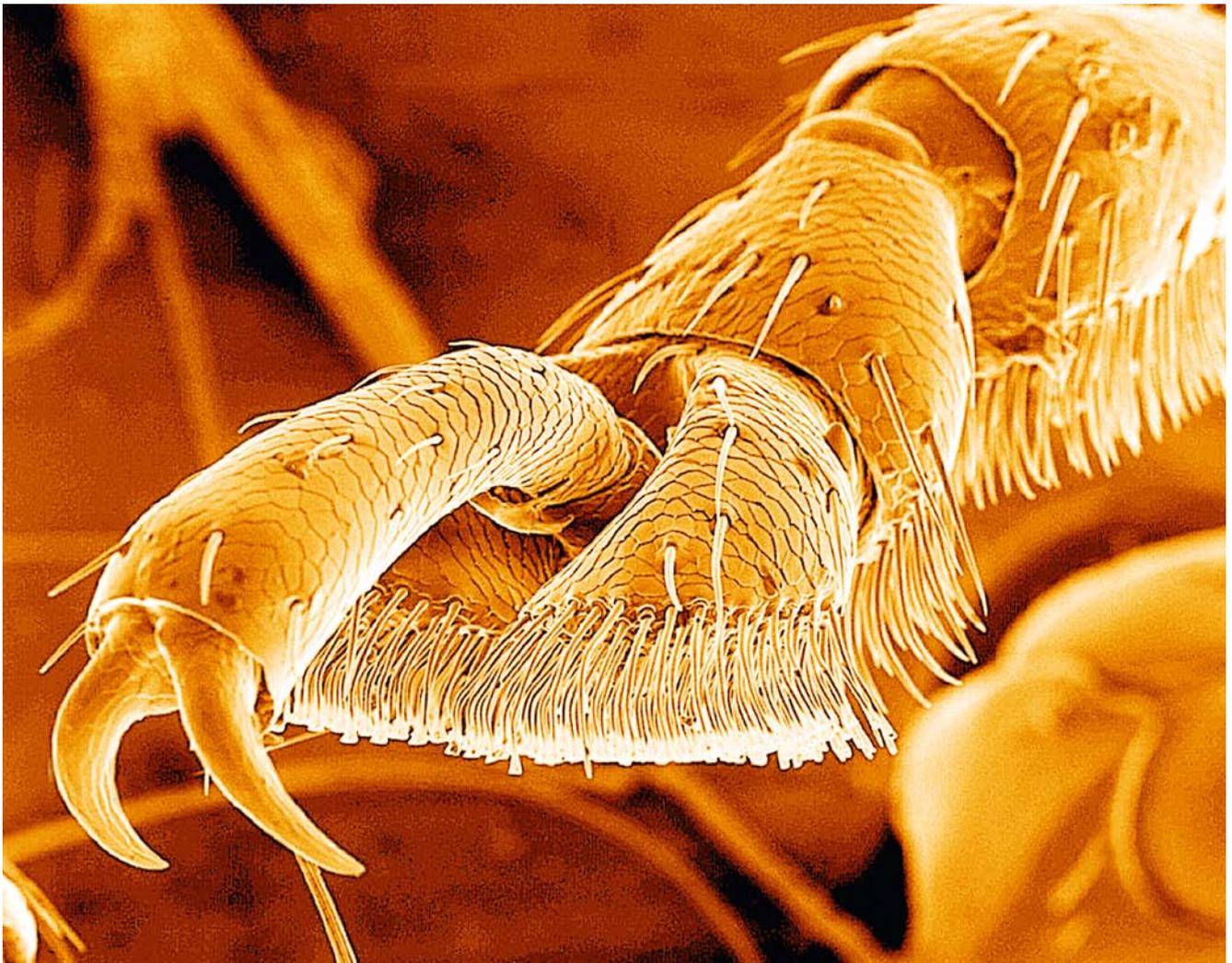
ресам, которой выросший на вседозволенности олигархически-бюрократический симбиоз будет изо всех своих сил противодействовать. Преодоление такого сопротивления невозможно без вовлечения в процессы управления хозяйством и государством граждан, восстановления их избирательных прав, реализации демократических форм политического устройства и создания механизмов ответственности власти перед обществом.

Вследствие несоответствия проводившейся либертарианской политики фундаментальным для русской культуры ценностям справедливости, разумности и целесообразности, реакцией народа на разграбление страны и чудовищную несправедливость сложившейся в результате «либеральных реформ» социаль-

но-экономической системы стало повальное пьянство, наркотизация молодежи, резкое повышение уровня преступности и самоубийств. Люди предпочитают спиваться, чем соглашаться на низкооплачиваемый труд для обогащения присвоивших себе общенародную собственность новых русских. Десятки миллионов образованных и квалифицированных людей оказались на социальном дне, утратив смысл своего существования.

Сложившаяся в России система хозяйствования бесперспективна. Её сохранение обрекает страну на бесконечные внутренние конфликты и внешнюю зависимость, общество — на деградацию, а народ — на вымирание. Чтобы избежать этого, необходимы кардинальные изменения во всём комплексе хозяйственных отношений и государственной экономической

политике. Эти изменения должны привести систему хозяйствования в соответствие как с традиционными нравственными ценностями, активизировав «человеческий фактор», так и с закономерностями современного экономического роста, активизировав научно-производственный и интеллектуальный потенциалы. Возможность решения такой задачи определяется тем, что традиционно присущие русской культуре хозяйствования нравственные ценности и стереотипы предпринимательского поведения соответствуют требованиям и условиям современного экономического роста. Сохраняющийся в стране научный и интеллектуальный потенциал может стать основой быстрого подъёма российской экономики при создании благоприятных условий его активизации.

/ Сергей БЕЛКИН /

Либерастия на марше

Откуда он взялся на нашу голову, этот либерализм? Когда он проник в Россию — не просто как идея, а как власть, как система государственного устройства? Чем это было вызвано?

Либерализм манифестирует себя как комплекс принципов, отстаивающих различные свободы: духовные, политические экономические. Классический либерализм возник в Европе в XVIII веке, и причины его возникновения известны. Отметим, что Россия не была в стороне от борьбы за «разные свободы». Идеи свободомыслия (вольномыслия) всегда присутствовали и проявляли себя в различных формах. И в интеллектуальной сфере, и в политической: от Радищева и декабристов до народовольцев и революций. Свобода — в самых разных областях жизни — привлекала, за неё боролись. После Февральской революции 1917 года Россия была провозглашена «самой молодой демократией Европы». Октябрьская революция и строительство социализма тоже оправдывались стремлением перейти «из царства необходимости в царство свободы».

Достижения социализма впечатляют, как впечатляет и цена этих достижений. Строительство социализма и коммунизма в СССР столкнулось не просто с проблемами, а с глубокими противоречиями: как внутри самой идеологии, так и способов её реализации на практике. Проблемы ощущались во многих сферах жизни. Казалось, что причина этих проблем заключается в комплексе тормозящих ограничений: и в политической, и в экономической, и в идеологической сферах. Лозунги «перестройки» были призывами к «свободам»: больше демократии, больше гласности, больше прав человека и так далее. То есть либерализм проникал в страну в благоприятный для его восприятия момент: в процессе борьбы с системой ограничений, характерных для СССР в заключительной фазе его бытия. Дальнейшее развитие страны требовало отказа от этих ограничений, и в конце 80-х многие из них были сняты: и в политике, и в культуре и в экономике. Ожидалось, что страна, освобождённая от этих цепей, стремительно пойдёт вперёд, но «что-то пошло не так». Начался развал страны, экономическая деградация, культурное падение, обнищание населения, криминализация всех сторон жизни. Оказалось, желанные «свободы» и «либеральные ценности» — далеко не одно и то же.

Результатом «перестройки» стал не только перехват системы власти, но и глубочайшая смена мировоззренческой парадигмы: базовый тезис «человек человеку — друг» был заменён на «человек человеку — волк»; социализм решено было умертвить, а капитализм — построить заново. Группировке, захватившей власть в СССР и в России, лозунги о «либерально-демократическом устройстве» и «рыночной экономике» подошли идеально. А за оболочкой этих лозунгов, разумеется, таилось их онтологическое ядро — неолиберализм, который наш народ, всё-таки разобравшись в конце концов, «кто есть ху», метко назвал «либерастией».

Либерализм — сложное и влиятельное явление мировой истории. Классический либерализм XVII–XIX веков сформировался в связи с проблемой индивидуальных свобод. Обсуждались такие вопросы, как «естественные права человека», «верховенство права», «частная собственность», «ограничение власти» и др. Очень важным в становлении классического либерализма было его противостояние с властью церкви, в связи с чем велась борьба за «свободу совести» и «приоритетность разума», отстаивались идеи эволюционизма и науки вообще.

Причины последующей трансформации классического либерализма в сторону либерастии — переход от феодализма к капитализму и развитие капитализма. В центре внимания оказались принципы конкуренции и невмешательства государства в экономику (*laissez faire*). Стремление капитала к власти рождало призыв к политическому плюрализму и демократии. После прихода капитала к власти возникли заботы об укреплении и удержании властных рычагов. Либерализм превратился в неолиберализм. Появились новые направления дискурса: рост значимости социальной сферы; дальнейшее расширение избирательного права; возрастание роли государства в экономике; признание необходимости модернизации либерализма и существования его национальных особенностей¹.

Стремление к свободе — естественная потребность человека. Но если у вас есть потребность — значит, вами можно управлять. Всякая потребность — рычаг управления человеком, людьми, обществом. Вопрос лишь в том, как сделать её доминантной, как «заикнуть» общественное сознание на этом, сделать «свободу» *idée fixe*, золотым ключиком решения

¹ Куц Г.М. Классический и современный либерализм: сравнительный анализ // PolitBook: ежекварт. науч. журн. — Москва, 2013. — № 4. — С. 109–119.

всех проблем. Подчеркнём важный элемент неолиберализма как политической технологии: сформировать дискомфорт от осознания и ощущения «несвобод» и внушить народу потребность в свободе.

И это удалось проделать. Те величайшие свободы, которые справедливо считали завоеванием социализма, — отброшены, забыты, «не приняты в учёт». Советское общество к ним привыкло и воспринимало как данность, а потому и не насторожилось, когда их «выносили из дома»: оно уже было заиклено на тех «несвободах», которые стали восприниматься как корень всех проблем. Свободные выборы, гласность, возможность выезда за границу, свобода частного предпринимательства и пр. — вот что было возведено в ранг высших ценностей. И трудно винить народ, который на это «повёлся»: всё это действительно важные возможности, которых люди в СССР были практически лишены. А в ходе «демократических рыночных реформ» всё это было действительно «даровано» народу. Но за это пришлось заплатить лишениями иного рода — о чём тогда не думали и даже подумать не могли. А когда всё это произошло — было уже поздно: ценностная платформа бытия государства сменилась.

Были ли реформы 90-х либерально-демократическими? В какой-то мере — были. И выборы, и свобода СМИ, и «заграница», и бизнес — все закружилось-завертелось. Но при этом — практически мгновенно — у всех этих процессов появилось общее «лицо»: харя алчного циничного негодяя, готового на всё ради власти и денег. Ничего либерально-демократического в приватизации 90-х, в захвате СМИ, в рейдерстве, в «семибанкирщине», чеченских войнах и прочих достижениях «святых девяностых» — уже не было. Откуда она взялась — либерастия, современный российский мутант либерализма, вобравший

в себя худшие его черты, развивший вдобавок ещё и свои собственные, специфические дегенеративные свойства? При рассмотрении государства как живой системы, — что на наш взгляд является обоснованным, — становятся оправданными многие витальные метафоры: наряду с общепринятым «развитием» можно говорить о заболевании и лечении. В этой связи оправдана и морфология предложенного термина: «либерастия» — это тяжёлое социальное заболевание. Соответственно, носители и распространители этой заразы — либерасты.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ СЕЙЧАС

Современный либерализм существует в форме неолиберализма. Поэтому когда в публицистике или на бытовом уровне говорят о либерализме как актуальном явлении, имеют в виду неолиберализм, укорачивая это слово для простоты и доходчивости речи. Мы тоже будем так поступать или делать специальные оговорки.

Неолиберализм в своём развитии прошёл разные фазы. Призывы неолиберализма конца XX века: больше рынка, больше демократии, меньше государства, меньше социальных программ. Теоретики неолиберализма награждались нобелевскими премиями по экономике: Ф. фон Хайек, М. Фридман, Дж. Бьюкенен, Г. Беккер. Образцами неолиберализма становятся рейганомика и тэтчеризм. Впоследствии неолиберализм, оставаясь либерализмом по концептуальной сути, сместил акценты в своих взглядах.

После кризисов рубежа тысячелетий, после провалов рекомендованных неолиберальным МВФ «шоковых терапий» в разных странах нарастала критика неолиберализма. Ширилось движение антиглобалистов, протесты сопровождали почти все заседания и встречи Всемирного банка, «Большой семёрки», Всемирного экономического форума, Евросоюза. В некоторых странах возникли «правые неолибералы», оперирующие понятиями «национального интереса». «Нобеля» стали давать уже критикам неолиберализма: А. Сену и Дж. Стиглицу, настаивающим на привнесении этического измерения в либеральную экономику. Всё это привело к рассуждениям о закате неолиберальной гегемонии и даже к заявлениям о его конце, крахе и предпосылкам для «поствашингтонского консенсуса»². Следует, однако, ясно осознавать: крах неолиберализма — иллюзия.

² Пек Д., Теодор Н., Бреннер Н. Постнеолиберализм и борьба за него // Прогнозис, № 1, 2010.
URL: [http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/1\(20\)_2010/5.pdf](http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/1(20)_2010/5.pdf)

Неолиберализм крепок, здоров и продолжает развиваться.

Почему так? Прежде всего, потому, что неолиберализм как инструмент, как орудие и оружие достаточно хорош для тех, кто им оперирует. Во-вторых, в мире нет антилиберального влияния (и интеллектуального, и организационного), сопоставимого по мощи с неолиберальным. Неолиберализм создал беспрецедентно мощную, широкую и первоклассно оснащённую мировую сеть интеллектуальных, стратегических, исследовательских и образовательных центров. Не углубляясь в этот вопрос, перечислим некоторые широко известные названия: общество «Мон-Пелерин», Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия, фонд «Херитэдж», фонд Карнеги, корпорация РЭНД и т.д. Что касается России, то во всех вузах страны преподается только и исключительно курс либеральной «экономики», да и в образовательных стандартах гуманитарных дисциплин, а также всей школьной педагогики превалирует либерально-ценностный подход. Существуют и мощные центры либеральной мысли, такие как ВШЭ, Институт Гайдара, Центр стратегических разработок, Горбачёв-Фонд, во многих институтах РАН доминирующей идеологией является либерализм. Мировой неолиберализм обладает огромной сетью СМИ — во всех странах и на всех языках. Не является исключением и Россия, в которой действуют хорошо организованные сети поддержки и координации своих сторонников. Так что неолиберализм обладает исключительным интеллектуальным ресурсом, оказывающим влияние на все стороны жизни во всех странах. Либералы очень высоко ценят роль интеллектуальных центров. В своё время, когда эту интеллектуальную мощь ещё предстояло создать, фон Хайек подчёркивал особую роль интеллектуалов, институтов и идей в становлении социализма, анализируя весь период от становления марксизма и развития социал-демократических идей в Европе до победы социалистической революции в России и её последующего беспрецедентно мощного экономического и политического развития. Фон Хайек фиксирует, как «социалистические идеалы определяли мышление более активных индивидуумов». Как только интеллектуалы обратились к социалистическим идеям, пишет

Рисунок 1.

Неолиберализм в координатах диаграммы Нолана

Хайек, ничто уже не мешало «взглядам, которые разделялись интеллектуалами, стать решающей политической силой»³. Увы, но мы свой собственный опыт в становлении и развитии интеллектуальных ресурсов отбросили, став эпигонами чужой парадигмы.

Есть ли у нас в России антилиберальный интеллектуальный центр, способный оказывать влияние на политику государства? Увы: такого у нас ни в формате think tank, ни в формате института или фонда — нет. Вероятно, единственное, о чём можно говорить, это о формате клуба и назвать в этой связи, быть может, единственный: «Изборский клуб».

Неолиберализм как стратегия весьма гибок. Широтой отличаются и сферы жизнедеятельности, в которых можно достаточно определённо распознать либеральные принципы. В этой связи говорят о либерализме политическом, экономическом, культурном, а также социальном и др. Мерой «либеральности» является степень свободы от чего-то или для чего-то. Основная точка отсчёта — роль государства, мера свободы от влияния государства, установления им норм, уровня контроля за соблюдением этих норм. Удобной для визуализации этих характеристик представляется так называемая «диаграмма Нолана»⁴ (рисунок 1).

По одной оси откладывают влияние государства на личную свободу: от тотального контроля

³ Плева Д., Вальпен Б. Между сетевой структурой и комплексной организацией: от неолиберальных знаний к неолиберальной гегемонии // Прогнозис, № 1, 2010. URL: [http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/1\(20\)_2010/6.pdf](http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/1(20)_2010/6.pdf)

⁴ Диаграмма Нолана. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nolan_Chart

Рисунок 2.
Пирамида потребностей по Маслоу

всех сфер жизни до полного невмешательства ни во что. По другой оси — степень экономической свободы, предоставленной государством. Современный неолиберализм на этой диаграмме занимает область по диагонали. Левые и правые (консерваторы) неолибералы достаточно отчетливо проявлены, например, в США: нам следует не путать и помнить, что американские консерваторы — либералы до мозга костей и в этом смысле противоположны нашим консерваторам, выступающим против либерализма. В левом нижнем углу — авторитарные режимы, в правом верхнем — несуществующее в реальности либертарианство.

А теперь я эту благостную картинку закрасю чёрным цветом — да так, что почти ничего и видно не будет. Я просто напомню, что радикальным и бескомпромиссным попранием свобод, прежде всего — экономических, стало объявление Евросоюзом, США и другими «либеральными» странами санкций против России. При этом под санкции попали не только «Россия Путина», но и свои собственные бизнесмены и компании со всеми работниками и членами их семей, под санкции попали и бюджеты этих стран, не досчитывающиеся налоговых поступлений от сотрудничества с Россией, денег не досчитались и многие социальные программы... И всё это — авторитарным росчерком пера «либеральных» политиков. Неолибералы у власти сами решают: кому тут «свобода», а кому — «санкции» и «дисциплина».

Так что диаграмма — полезная для понимания, но реальность намного более интересна и сложна.

Задача экономического либерализма — заботиться о расширении (во всех смыслах) рынка в связи с неустранимым свойством западной (неолиберальной) модели экономики: т. н. «модели экономического роста». Основные инструменты роста: расширение рынков и стимуляция спроса. Эти цели стоят выше неприкосновенности либеральной догматики. Как только возникают более или менее влиятельные протестные движения, принципы и лозунги, мировой неолиберализм готов их рассмотреть, учесть, принять во внимание и сделать своими. Более серьёзные проблемы неолиберализма — в самой его сути. Среди них есть и неустранимые, которые рано или поздно приведут его к настолько кардинальной трансформации, что у явления появится новое имя. Возможно, его назовут «постнеолиберализмом» или как-то иначе. А пока с большим или меньшим успехом удаётся трансформировать систему, видоизменять её, сохраняя при этом жизненно важное ядро. Скажем, фундаментальные противоречия между мировой финансовой системой и глобальной экономикой, между глобализацией по-американски и стремлением к формированию валютно-экономических зон (многополярный мир) пытаются разрешить, не отказываясь при этом от собственной доминирующей роли. Мировые финансово-экономические кланы готовы перейти от корпоративно разделённой карты мира к карте с относительно сильными государствами, которые будут «наводить порядок» на своих территориях — при условии проведения ими скоординированной с глобальными кланами внешней политики. В этом смысле борцы с либерализмом почти всегда бьют мимо цели, вступая, скажем, даже не в дискурс, а в борьбу с неолиберализмом за роль государства, за право на национальное своеобразие и сохранение традиций. Современный неолиберализм совсем не против этого, но признавать это вслух — невыгодно: то, что неолибералы могли бы безо всякого для себя ущерба отдать даром, будет куплено борцами с ним по сильно завышенной цене.

Неолиберализм по-настоящему опасен не проповедью индивидуализма (вместо коллективизма), не манией «прав личности». Он страшен и опасен тем, что он и этого не даёт. Он заманивает в пространство, где якобы каждый — неповторимая личность, где права каждого — защищены, где реализуются все возможности

развития, творчества — любой свободной деятельности, где все окружающие также свободны, защищены, развиваются и самореализуются. А на самом деле неоллиберальное общество этого всем как раз и не даёт — причём не потому, что «на всех свободы (и творчества) не хватит», а потому, что не хочет этого, боится этого и цинично пресекает любую возможность построения чего-то подобного. Либералы-застывалы, либералы-субъекты заманивают простодушных. Простодушный человек, пошедший на поводу у либеральных ценностей и призывов, получит суррогаты свободы, суррогаты развития и суррогаты роста. Но каждый либерал-объект уверен, что уж он-то — избранный и уж его-то ждёт успех. На самом деле, подлинный рост и расцвет запланированы для либерал-проекта, отчасти — для либерал-субъектов, но ни в коем случае — для либерал-объектов, чей удел — эрзац-свободы, эрзац-ценности, эрзац-развитие... Либерал-объекты должны удовлетворяться в пределах нижних слоёв пирамиды потребностей Маслоу (рисунок 2).

ФИЛОСОФСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

Либерализм и неоллиберализм являются не только определённой практикой и движением, но и философским течением. Это довольно обширная область знаний, и ни рамки, ни цели этой статьи не призывают нас к попытке составления соответствующего обзора. Поэтому коснёмся лишь некоторых частных вопросов, имеющих отношение к нашим задачам.

Самая глубокая и самая накалённая сфера дискуссий о либерализме относится к противопоставлению либерализма и религии. Третьей «осью» этой системы координат является гуманизм. В центре внимания либерализма находятся свободы человека, и в этом смысле он выступает одним из аспектов гуманизма, являющегося по определению антропоцентрической системой взглядов и ценностей. Что касается религиозной — и не только христианской — традиции, то в её центре находится не человек и не человечество, а Бог, Создатель. Попытки приравнять человека и Бога, и тем более возвысить человека над Богом, отнести к нему как к высшей ценности, — не могут быть приняты религиозным мировоззрением. Но призывы «к свободе» — манят. В этой связи предпринимались и предпринимаются попытки снять возникающие противоречия. Гуманизм (и либерализм) сформировали такие концепты, как теистический и атеистический

гуманизм, а также некоторые виды прагматического гуманизма, выводящего свою систему ценностей за рамки этого противопоставления и сводящие всё к набору норм и правил поведения в обществе. Теистический гуманизм и либерализм основаны на признании возможности сотрудничества человека и Бога в движении к спасению. Атеистический гуманизм зачастую принимает форму латентной религиозности, квазирелигии без Бога; близкой к этому была коммунистическая идеология в СССР. Вся критика, которой на протяжении столетия подвергались гуманизм и либерализм со стороны русских философов, исходила из христианского неприятия «человекобожия», а также трагизма революции и богоборческой практики строительства социализма. Этот глубокий ценностный раскол никуда не делся, он столь же актуален сегодня, как и сто лет тому назад. Неприятие современных российских либералов той частью нашего общества, которая в той или иной форме опирается на православную или любую иную традиционную религиозную систему ценностей, проистекает в том числе и отсюда. Но если для религиозных консерваторов никакая идеология, в центре которой не находится Бог, — неприемлема в принципе, то у светских традиционалистов дискомфорт вызывает смещение иерархии ценностей в сторону индивидуализма и существенного понижения ценностного статуса государства. Но политический либерализм (и неоллиберализм) — очень гибок: оставаясь антропоцентричным в основе своей, он предлагает идеологические гаджеты с различными наборами опций и отличающимся дизайном. Неоллиберализм не догматичен и не строит свой интерфейс на отрицании чего-либо, он

«клиентоориентирован» и обращается с привлекательными призывами «к свободе», в том числе — к религиозной и внутрирелигиозной. При этом каждый, кто взыскует какой-то личной или общественной свободы (свободы «от» или свободы «для»), может приписать либерализму свои ожидания и соотносить себя с ним.

В пространстве публичной политики, предельно загаженном отравой, предназначенной для промывания мозгов, эти глубокие мировоззренческие расхождения перестают работать с той заданностью, с которой они должны и могли бы работать.

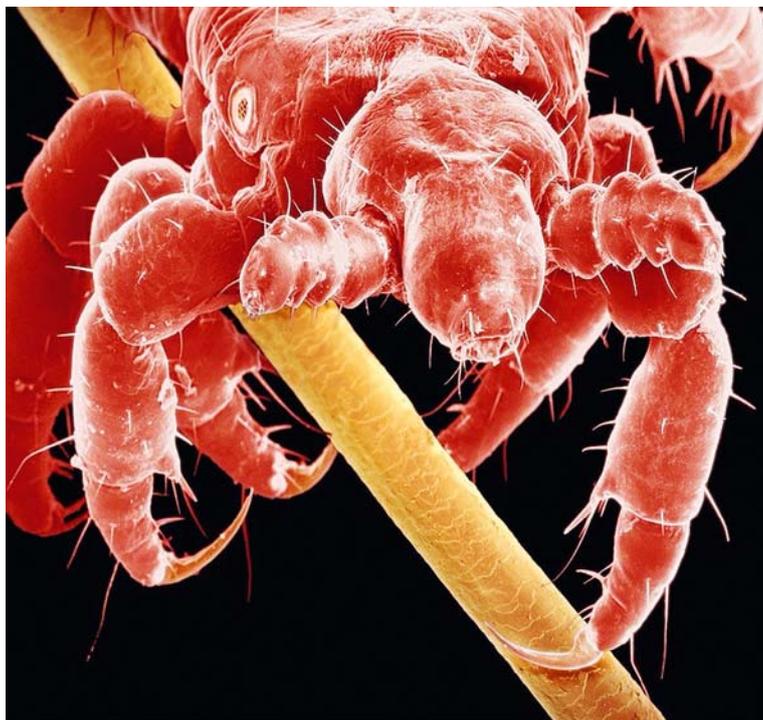
Не станем погружаться в дальнейшее обсуждение философской проблематики либерализма. Позволим себе лишь некоторые уточнения. В частности, утверждение С. Кургиняна, что неолиберализм «ушёл из модерна в постмодерн», — не совсем точно. Никуда он не ушёл! Да, его пропагандисты и промоутеры уводят туда своих ведомых, но это совершенно другой вопрос. Неолиберализм как технология — гибок, но точен. Аналогией может служить, скажем, вор или мошенник, находящийся «при исполнении»: он оперирует предельно конкретными категориями и доверяет лишь измеряемым оценкам в виде сигналов своих пяти чувств. Он при этом может использовать и использует приёмы обмана, но сам он, как инструмент, —

по возможности точен и однозначен. Так и неолиберализм. Никакого постмодернистского смешения и перепутывания ценностей в неолиберализме: и как в доктрине, в системе ценностей, и как в технологии управления — нет; всё очень чётко распознается и отслеживается. Другой вопрос, что иллюзию моральной аномии и ценностного равноправия следует, с точки зрения неолибералов-практиков, внедрять в менталитет потребителей и обслуживающих их интеллектуалов и шаманов.

Напомню анекдот про «постмодерниста Моню». Мальчик Моня считался в классе дурачком. Он не умел различать монеты по их номиналу, и когда ему предлагали взять себе на выбор любую, он выбирал пятак — потому что он самый большой. И совершенно игнорировал лежащие рядом десяти- и двадцатикопеечные монеты. Дети любили потешаться над Моней, регулярно предлагая ему выбрать монетку. Один мальчик пожалел Моню и решил рассказать ему правду, объяснить, что на 20-копеечную монету можно купить в четыре раза больше, чем на пятак. На что Моня ответил: «Я знаю, но если я начну брать 20 копеек, они перестанут предлагать, а так я почти каждый день имею свои пять копеек».

Так что те, кто «ведёт игру», кто в стратегии неолиберализма является субъектом, а не объектом, никакого постмодернистского хаоса в самой стратегии и в собственных головах не допускают. Хаос внедряется и поддерживается только в среде потребителей, работников и электората, то есть «в народе», «у пипла», как его идентифицируют неолибералы. Поэтому философское рассмотрение неолиберализма в системе координат «модерна-постмодерна» можно считать не слишком удачным подходом.

Представляется перспективным анализ в координатах «классика-неклассика-постнеклассика». Триада «классика-неклассика-постнеклассика» предложена для описания трёх этапов развития науки, вернее, — видов и способов познавательной деятельности⁵. Либерализм и неолиберализм как парадигмы деятельности соответствуют стадиям «классика» и «неклассика» — как по сути, так и по времени появления. Либерализм (классика) описывает и конструирует мир как «механический механизм», в котором следует установить определённые правила (принципы либерализма) — и тогда «всё будет хорошо». В либерализме

⁵ Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура/СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf

чётко определены позиции и роли субъекта и объекта, установлены неизменные правила их взаимодействия. Неoliberalизм, возникший как протест и против замороженных статусов объекта и субъекта, и против незыблемых правил, являет собой типичную «неклассику». Реальный мир не механистичен, он — сложнее, он саморегулируем; изменчивы и субъект-объектные статусы и связи и отношения. Неклассический neoliberalный подход является одновременно и реакцией на изменчивость мира, и средством, участником этих трансформаций. Neoliberalный мир фрагментарно, локально саморегулируем. Однако его расширение, глобализация уже привели к противоречиям, которые могут быть познаны лишь при постнеклассическом подходе, каковой пока в этой области знаний пока не сложился. Мир в ожидании постнеoliberalизма. Вернее, как парадигма деятельности он уже наступает, но не описан, не отрефлексирован. Этот подход с неизбежностью возникнет, потому что учёт ценностно-целевых и мировоззренческих параметров экономических и политических связей и отношений — насущная необходимость.

Современный мир сложен из многих моделей, одни из которых «ближе к капитализму», другие — «ближе к социализму», но в целом налицо та или иная степень конвергенции. Разнообразие neoliberalных подходов (левые, правые и т. п.) отражает этот процесс и влияет на него. При этом neoliberalизм — это не то, что можно «построить» (как социализм, например). Neoliberalизм — это набор стратегий и тактик, позволяющих оказывать влияние на людей и на правительства с целью подчинения их собственным интересам. Главное при этом не конкретные детали, а общее следование объекта воздействия neoliberalным курсом на основе либеральной онтологии, либеральной философии бытия. При этом временные отклонения от курса, политические и идеологические компромиссы не просто допускаются, а составляют основу тактики neoliberalного воздействия.

Подчеркнём: не только в России нет «овеществлённого» либерализма в его идеальной сути — его нет и в других странах, включая те, которые позиционируют себя в качестве источников, защитников, хранителей и распространителей либерализма. То же самое происходит и с другими великими идеями: так, например, в отношении социализма приходится оговаривать его «специфику» («китайская», «европейская» и пр.). Сказанное означает,

что мы не можем апеллировать к какому-либо образцу «канонического» либерализма (равно как и социализма): его не существует. Ценностный и идеологический комплексы — это одно, а построенное на их основе общество и государство — это совсем другое. Причём не только культурно-исторические и цивилизационные факторы модифицируют общие исходные принципы в особенное политическое устройство, но и временные, почти случайные причины, к которым относится персональный состав тех, кто на практике осуществляет властные полномочия. Именно этот фактор мотивации и этический базис пришедших к власти социальных групп стал главным в России, именно он и породил либерастию как феномен. Будущие либерасты могли прийти к власти и под флагами «улучшения социализма» (так всё и начиналось) или с какими-нибудь религиозными лозунгами и т. п. Не так давно путеводной звездой наших реформаторов (ставших либерастами) были лозунги строительства социализма-коммунизма. Они же призывали строить «социализм с человеческим лицом», но вскоре, когда их глубинные мотивации победили, стало ясно, что лозунги, призывающие к «свободам», — наиболее эффективны для достижения их подлинных целей! Лозунги лишь апеллируют к ценностной матрице, но вовсе не обеспечивают её практической реализации. Мошенник всегда приравнивается к мотивациям и «чаяниям» объекта обмана, а для этого хороши именно лозунги и политические мантры.

ЛИБЕРАСТИЯ

Либералом можно стать по убеждениям, либерастом — в силу обстоятельств. Как тепло говорил о казнокрадстве один из авторитетных либерастов-златоустов: «Сидеть у ручья и не напиться? — да вы что!..» Человек, готовый стать либерастом, размышляет просто: если для прихода к деньгам и власти, для их удержания и обретения поддержки (внешней и внутренней) нужно провозглашать приверженность либеральным ценностям, то почему бы и нет?..

Причины и генезис формирования либерастии в России — переход от социализма к капитализму путём уничтожения первого; приход алчных авантюристов («реформаторов») к власти; присвоение собственности государства путём уничтожения государства; забота об укреплении и удержании власти. Либерастия не является развитием либерализма в какой-либо его форме. В лучшем случае можно

говорить об эпигонстве, но не о локализации либерализма в России.

Для либерастии характерно отношение ко всем принципам и категориям либерализма как к симулякрам, как к лозунгам прикрытия. Например, неолиберализм считает важным и нужным более или менее активное, но неперемнное государственное вмешательство в экономику, отдавая предпочтение совокупности государственных мер по инвестированию различных сфер экономики, расширению объёмов правительственных заказов, закупок, налоговому регулированию и т.д. — с целью развития (роста) экономики. Либерасты же, повторяя все эти слова как мантры, добиваются их внедрения с иными целями: сесть на «потоки» и «распилы». «Развитие экономики» (в чём бы это ни выражалось) — не есть подлинная цель либерастов. Их подлинная цель — личное обогащение, а модель государственного управления должна быть такой, чтобы у персон власти не возникало никакой ответственности ни за что, а уж само понятие «конечный результат» (как нечто, достигнутое в экономике и других сферах жизни страны) должно просто исчезнуть из обихода. Результат — это то, что оказалось в кармане либераста. Поскольку либерасты завладели имуществом ими убитого Советского Союза, то они не жалеют ни сил, ни красок в описании того, какой плохой была их жертва: типа — жалеть-то не о ком! Ну убили... Ну имуществом завладели... Так мы же каждому предлагали пожить! Вот вы тоже — квартиру приватизировали... Так что не надо на нас наезжать. «Ничего у вас не украли — у вас ничего и не было» (Е. Ясин).

Мы часто используем понятия «демократы» и «либералы» как близкие по смыслу, чуть ли не синонимы. Это, конечно, не так, и важно понимать, что лозунг демократов — за «власть народа», а либералов — за «свободы для всех». То есть «чистый либерал» готов «дать» народу свободы, избирательное право, выборы, — но не власть. Народ это чувствует и охотно воспринял афоризм: «демократия — это не власть народа, а власть демократов». Добавим: не демократов, а либерастов.

Либерастов беспокоит не избирательное право само по себе, а ход и результаты выборов. До тех пор, пока инструменты манипуляции сознанием (посредством системы образования и пропаганды) удерживают народ от бунта и создания угрозы власти, пока удаётся заполнять выборные органы «своими», то и отношение к этому принципу либерализма со стороны

либерастов — пассивное. Как только где-либо возникают нежелательные лица или явления — в дело вступает как репрессивный аппарат, так и все способы интерпретации происшедшего в нужном ключе и шельмования неугодных.

В период захвата власти и собственности либерасты и думать не думали о признании существования национальных особенностей либерализма (чем озабочены европейские и американские неолибералы). Сейчас в самых светлых головах светочей либерастии такая забота появилась: «Я считаю, что нам удалось привнести или принести в Россию либерализм, но нам не удалось создать российский либерализм. Наш либерализм по-настоящему российским не стал, и это очень глубокая вещь, которая касается самых основополагающих ценностей либеральных, которые имеют отношение к истории, к экономике, к пропаганде, к политике, к правам человека, демократии и так далее. Мне это кажется очень важным вопросом, который никто пока ни в каком виде не сформулировал» (А.Б. Чубайс).

Анатолий Борисович — прав. Более того, он, анализируя путь, проделанный им и его подельниками, видит даже более глубокие вещи: «мы в основном в экономике жили, а экономическая наука — она либо наука, либо не наука. В этом смысле либо ты по науке делаешь, что мы и пытались сделать, и это, конечно, и была либеральная экономическая наука. А если мы говорим не про экономику, а выходим шире, в гуманитарную сферу, в права человека, в этнические вопросы, вопросы национальной политики, демократии — вот здесь, конечно же, российский либерализм обязан иметь фундаментальные особенности, которых никто не придумал, которых никто не создал. Перевели, но корни не появились». Снова скажем: Анатолий Борисович прав!.. Интересно, какой либерастический симулякр под названием «российский либерализм» родит эта раковая опухоль на теле страны?

Как социальный тип — Homo Liberastis не нов: к нему очень близок, например, известный персонаж Достоевского Смердяков из романа «Братья Карамазовы». В предреволюционные десятилетия XX века либерасты разных сортов имелись в количестве немало, были весьма заметны и влиятельны в самых разных стратах общества. В советское время они тоже никуда не делись, и не просто дожили до конца социализма, а, пройдя стадию «низкопоклонства перед Западом», взросли

до уровня диссидентов и обрели, наконец, бонусы от гибели своей страны.

Ценностный мир либерастов состоит из материальных благ, заграницы, безмерно тщеславной демонстрации богатства... Либерасты — все как один, включая тех, кто во власти, — не стыдятся красть и стремятся вывезти награбленное/заработанное вместе со своими семьями за рубеж.

Либераст лишь размахивает лозунгами индивидуализма, но на самом деле он — стадное животное с признаками роевого самоорганизующегося интеллекта (Swarm intelligence) и ощущает себя органической частью своего сообщества. Его псевдоиндивидуализм и убежденность в собственной избранности ярко и пошло проявляются в отношениях с теми, кто «вне стаи»...

Отметим, что у либераста может, например, не быть родного языка. Вернее, он, конечно, есть (родная мать с ним как-то же разговаривала во младенчестве), но этот язык не является очень уж высокой ценностью. И страна рождения — тоже не бог весть какая ценность. И страну, и язык он меняет легко и не заморачиваясь: соображения «уровня потребления» перевешивают любые сантименты. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — это про них, про либерастов.

Что касается каких-либо неудач либерального покорения России, то либераст видит причину, прежде всего, в населяющем страну народе. Самих себя и всех вокруг они уверяют в том, что проблема заключается в особой генетической неприспособленности нашего народа к свободам. И не упустят возможности обосновать это исторической ретроспективой: нация рабов, тоскующая по сильной руке, которая без западного учительства вовсе пропадет...

В общем, вы узнали этот тип и не только уже опознали их в своём окружении, но и мысленно дополнили перечень признаков.

Понятие «либерасты» — наше, российское. Не слышал, чтобы, скажем, в Польше это слово использовалось. Но похоже, что подобный феномен существует и там. Вот что о неолиберализме пишет министр финансов и вице-премьер правительства Польши на рубеже тысячелетий Гжегош Колодко: «Неолиберализм — это не только экономическое доктринёрство и идеологический догматизм. Это, прежде всего, эффективный метод обогащения немногих за счёт большинства. В этом его суть».

То есть неолиберализм обладает схожими свойствами повсюду — как его при этом ни на-

зывай. Недавно в одной дискуссии об экономических проблемах было — не без иронии — сказано следующее: «В мире более двухсот стран, почти все демократические и рыночные. Из них семь — преуспевают, 20 живут более или менее сносно, а остальные, видимо, не читали учебников по экономике, не знакомы с этой наукой». Я не удержался и безо всякой иронии ответил: «Современная экономика — наука именно о том, как семи странам преуспевать, двадцати — жить сносно, а остальным — выучить, почему это так». Экономика не может сама себя вылечить. Это могут сделать идеология и политика: они задают цели. Через экономику проявляются симптомы заболевания, и она же предоставляет свой инструментарий. Великая депрессия в США опознавалась через экономику, однако лечилась не только экономическими мерами, но и американской мечтой.

СУММА ИДЕОЛОГИЙ

Россия — страна с богатейшей историей и насыщенной интеллектуальной жизнью, поэтому в нашем обществе не могут не присутствовать многие идеологии одновременно.

«Идеология — это система взглядов и идей». Казалось бы, с чем тут спорить: «идео» плюс «логос» и есть знание об идеях, то есть «система взглядов и идей». Спорить, вернее — уточнять, однако, есть что. Скажем, то, что идеология (любая) говорит не столько об «идеях», сколько об идеалах, то есть — высших ценностях. А это

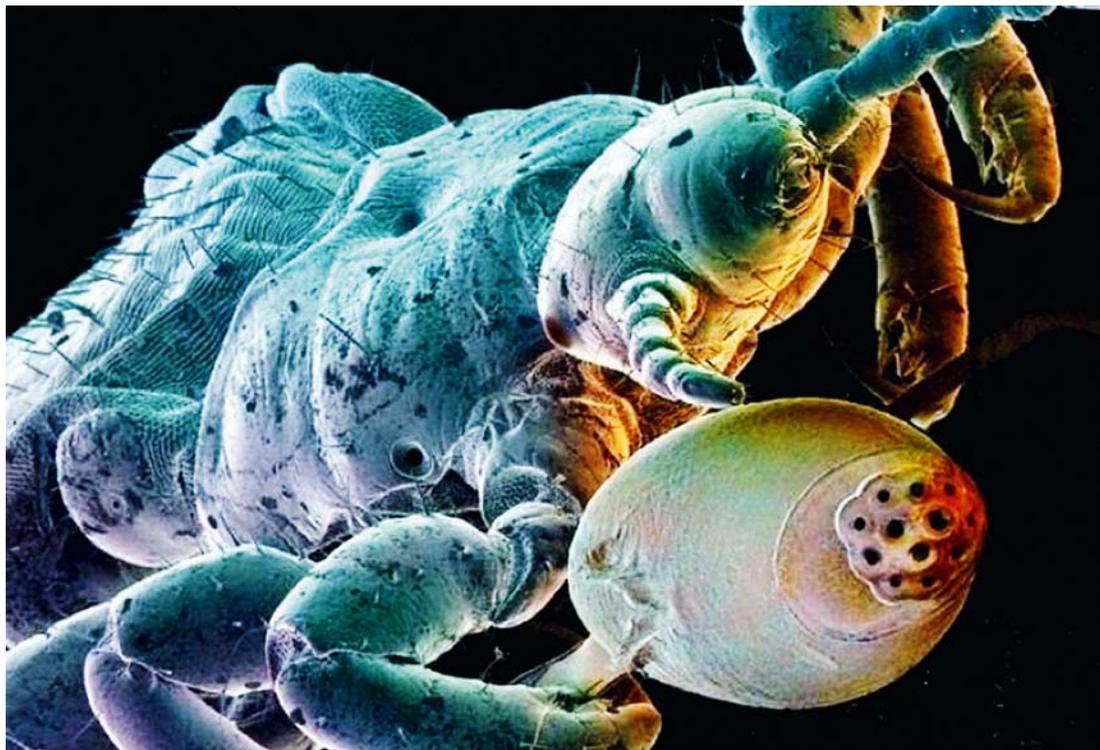
означает, что идеология не просто собрание идей, «игра ума», а — «идеалология». В ней содержится и программа действий: если осознаны высшие ценности, стало быть, наличествуют и цели и пути их достижения.

Перечни «основных идеологий», существующих в современной России, отличаются в зависимости от того, кем они составлены. Тот же Чубайс, например, в цитированном интервью говорит о трёх идеологиях в России: либерализм, «левая» идеология и национализм. С его мнением о национализме — как одной из трёх «главных» — соглашаться не следует.

В России, конечно, есть националисты. Наиболее отчётливо они проявлены в наших «национальных» субъектах Федерации. Есть и люди, называющие себя русскими националистами. Их несколько разновидностей, отличающихся между собой пониманием категорий «нация» и «русские». Одни апеллируют к этничности, другие — к историческим формам государства («имперцы»), третьи — к религии (православие, язычество и т. п.). Русского этнического национализма в России, в сущности, нет совсем. Т. н. «русский фашизм» мелькнул в 90-х, затем исчез, но создал долговременную основу для страхов (у Чубайса и ему подобных) и получения компенсаций (пожалуй, даже — ренты) как от своих, так и от зарубежных спонсоров за переживаемые фантомные боли и на борьбу против «русского фашизма».

Выделив национализм как самостоятельную идеологию, Чубайс осуществил очень важную «операцию прикрытия», поскольку национализм может быть и либеральным, и антилиберальным, и каким угодно. Национализм без указания на конкретную специфику (субъекта, места и времени) чаще всего — ещё не идеология, а лишь один из параметров, один из элементов матрицы ценностей. Опираясь на этот элемент, возводя его на уровень высоких приоритетов, можно выстроить любую идеологию: хоть либеральную, хоть «левую» (чаще, конечно, — «правую») и любую модель государственного устройства: от капитализма и фашизма до социализма. Как организованное явление, национализм (хоть русский, хоть нерусский) пока маловлиятелен, но либерастам важно не только указывать на его существование, но и «вести с ним борьбу». Поставив вопрос: а есть ли среди наших либерастов националисты? — следует ответить: да, есть. Причём среди них есть и плохо распознаваемые (в этом качестве) «этнические нелегалы». Но в первую очередь именно они и сформировали это чудо-юдо: либерастию.

Если уж выделять три наиболее влиятельных идеологии в России, то наряду с либерализмом и «левыми» течениями (коммунисты, социал-демократы и т. п.) следует говорить не о национализме, а о комплексе условно консервативных течений, объединённых по признаку патрио-

тизма, а также по неприятию доминирующей идеологии и близости этических оценок происходящего во многих сферах жизни страны. Этот комплекс не слишком точно описывается, его границы и его ценностная суть размыты, по многим частным вопросам перекрываются и с «левыми», и с либерастами, но тем не менее они есть и, несмотря на аморфность, являются важным «центром силы» российского общества, которое нуждается и в осмыслении, и в надлежащем управлении.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

А надо ли уточнять использование слов «либерал» и «либеральный», надо ли отделять некий «либерализм вообще» от «нашей либерастии»? Ведь уже привычным стало всех их называть либералами, и все понимают, кто тут у нас либерал, что такое либеральная экономика и либеральные СМИ. Однако от научной точности словоупотребления зависит всё-таки многое, в том числе — и в публицистике: в результатах её воздействия. Тем более что отличный «уточняющий» термин «либераст» весьма образно помечает «наших либералов». Благодаря этому нам легче «развести» эти понятия и избежать путаницы. При этом либерализм: и как сумма идей и принципов, и как идеология, — может существовать наряду с другими идеологиями, но не должен становиться доминирующей идеологией даже в формате «улучшенного» (не говоря уж о нынешней либерастии). А в обществе, в общественном сознании должно быть ясное понимание ценностей и целей либерализма, необходимо разъяснение сути либерализма, неприемлемости для России многих его догматов и опасности строительства на их основе государственного устройства.

Отделение либерастии от либерализма (неолиберализма) может создать ощущение, что либерализм не просто «лучше» либерастии, а вообще — хорош. Это, конечно, не так. Споры нет, в долгой истории либерализма: и как философского, и как политического дискурса, — высказано и обдуманно немало продуктивного и полезного. Но перечислять эти «пользы» здесь и сейчас нет нужды: оправдание либерализма или тем более его апологетика не являются ни целью статьи, ни насущной политической потребностью. А вот о вреде, который производит либерализм в его современных агрессивных формах на всё человечество в целом и на Россию в частности, — говорить надо. Глубинные мотивации либералов стоит знать, но в реальной

борьбе против либерастии можно руководствоваться простым и действенным правилом: «по делам их узнаете их». Кот, укравший колбасу, руководствуется не предписанной диетой и не доктринами, у него инстинкт: чую запах, вижу добычу — бросок! Так и либераст.

Бывают ситуации, обстоятельства, в которых все эти интеллектуальные тонкости неуместны и даже вредны. Солдатам и офицерам на передовой времён Великой Отечественной войны необязательно было погружаться в детали становления идеологий фашизма и нацизма, думать об их корнях и заботиться о терминологической точности. Всё это заменили простые и действенные слова: «фриц» и «немец». Как написал К. Симонов в 1942 году: «Так убей же немца, чтоб он, а не ты на земле лежал...» Это было и точно, и оправданно. Поэтому я не призываю «исправлять» всю современную публицистику, призывающую «избавляться от либералов», поскольку мы находимся с ними в состоянии «холодной гражданской войны». Но постигать суть и особенности этого самого «либерализма» — призываю. Об отличии либерализма (как системы принципов, ценностей и идеологии) от либерастии (как стратегии и тактики врага) — знать надо. Прежде всего, тем, кто должен разработать план избавления России от либерастии.

Вот о чём надо позаботиться, так это о том, чтобы не произошла монополизация ими «борьбы за свободу вообще», — а они к этому стремятся вполне открыто. Мы должны не забывать, что в нашем русском менталитете и политическом словаре были и есть другие слова и концепции свободы и народовластия. Нам надо о них помнить и включать в свой лексикон. И пусть они борются за гнилой либерализм, а мы будем утверждать Свободу!

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК НОРМА РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

«Норму» существования Российской Федерации определяет Конституция, принятая в 1993 году после расстрела Верховного совета. Определяет ли она или какие-то иные документы высшего государственного уровня ценностную матрицу государства?

Да, определяет, и мы укажем — какие именно. Но перед этим напомним, как с этим обстояло дело раньше и как обстоит в других странах. Формулировка и закрепление высших ценностей в письменных документах прошли довольно долгий исторический путь: от религи-

озных заповедей и наставлений, закреплённых в священных книгах, до появления светских законов и отделения законов божественного происхождения от законов, установленных людьми. Произошло разделение на ценности религиозные и ценности светские. Светские ценности закреплялись в виде законодательных норм, в том числе и таких, как Конституция. В тех светских государствах, которые не хотят или не могут в основе своего ценностного базиса опираться на священные книги (Библию, Тору, Коран и т. п.), элементы религиозных ценностей внедряются в светские документы. В США, например, основным документом, в котором закреплены ценности, является Декларация независимости, предшествовавшая Конституции. В СССР в подобной связке выступали Программы КПСС и Конституция СССР. Так или иначе, но у любого государства имеется документ или документы, в которых «прописан» его ценностно-мировоззренческий базис.

Какие же ценности «прописаны» в Конституции РФ и — что ещё важнее и красноречивее — каких в ней нет? Классификация ценностных ориентиров, которые присутствуют в конституциях разных стран, позволяет выделить следующие типы аксиологических идеологем⁶.

1. Бог, религиозные и этические ценности.
2. Историческая традиция государственности, апелляция к предкам.
3. Государственное единство.
4. Идеологический проект, апелляция к будущему.
5. Национальное освобождение, суверенность.
6. Международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами.
7. Специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия.
8. Права и благосостояние человека.

Посмотрим, как перечисленные ценностные ориентиры находят своё отражение в современном Основном законе Российской Федерации.

Параметр «Бог, религиозные и этические ценности» в Конституции РФ полностью отсутствует. Да, Россия — светское государство, но, например, конституция Швейцарии (тоже светского государства) открывается обращением: «Во имя всемогущего Бога, швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед Творением...»

Второй параметр: «историческая традиция государственности, апелляция к предкам» — в Конституции РФ сформулирован так: «...соединённые общей судьбой на своей земле». Что утверждает данная фраза? Она не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Проводится мысль, что народы России объединились, создав государство не на основе какой-либо осознанной цели, сознательного выбора, а в силу действия некоей «судьбы», сведшей их на одной территории.

Третий параметр: «государственное единство». Конституция РФ: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство...» То есть «государственное единство России» сложилось «исторически», без объяснения причин и оснований этого единения. Стало быть, ни у народа, ни у его политических лидеров не было мотивов и целей к «складыванию» государства. Ну а раз оно сложилось само собой, то оно и высшей ценностью может не быть, и охранять его как-то необязательно...

Четвёртый параметр — идеологический проект, апелляция к будущему. В российской Конституции этот ценностный ориентир представлен в малосодержательной форме, что называется, — общее место: «обеспечить благополучие и процветание России». О каком-либо «образе будущего» и речи не идёт. Не может в этой связи идти речь и о стратегическом целеполагании.

Пятый параметр — национальное освобождение, суверенность. В Конституции РФ есть два смысловых утверждения: «возрождая суверенную государственность» и «исходя из общих принципов самоопределения народов». Заявлением о возрождении суверенной государственности демонстрируется отрицание советского периода государственного строительства. Подразумевается, что суверенности в рамках СССР не было, а это находится в противоречии с подтверждённым на международном уровне фактом политического преемства Российской Федерации Советскому Союзу и фактом непрерывности национальной истории. Апелляция к «общим принципам самоопределения народов» имеет в специфических российских условиях многоэтничности и вовсе дезинтеграционное значение. Используемое в контексте обоснование государственного суверенитета и единства России работает в прямо противоположном направлении.

⁶ Багдасарян В., Сулакшин С. Высшие ценности Российского государства. — М.: Научный эксперт, 2012. С. 624.

Шестой параметр — международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами. Место России в мире определено Конституцией РФ следующим образом: «сознавая себя частью мирового сообщества...» Претензии на какую-либо субъектность здесь отсутствуют. Нет указания на хотя бы невнятные «национальные интересы». Главный ориентир — международная интеграция. Более того, п. 4 ст. 15 Основного закона ставит Россию в полную зависимость от международного права, причём на весьма низком правовом уровне (договор): «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Седьмой параметр — специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия. Этот ценностный ориентир в Конституции РФ совершенно не отражён. Ощущение цивилизационной специфичности и национальной самобытности России авторам Конституции чуждо.

Восьмой параметр — права и благосостояние человека. Этот ценностный ориентир прописан в Конституции РФ со всей определённой, можно сказать, что он в ней является главным. Не только главным, но и единственным, поскольку в перечне высших государственных

ценностей (ст. 2) читаем: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». И всё! В этом ценностном ряду не нашлось места даже для самой России. Человек — ценность, государство само по себе — нет! В Конституции закреплена даже не иерархия ценностей (скажем, человек выше государства, — что было бы естественно ожидать в период, когда главным и единственным содержанием политики было разрушение всего советского), а просто отсутствие государства как такового в перечне ценностей. У него есть лишь обязанность охранять права личности.

К значимости социальной сферы либерасты относятся так же, как рабовладелец к необходимости кормить рабов и даже защищать их. В Конституции есть почти бессодержательные, но позитивно звучащие слова: «Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Ну и весь перечень причиндалов об охране труда, здоровья, оплаты труда и прочем тоже, разумеется, там присутствует. Ценностный же статус людей в либерастическом сознании изменён: это не «народ — источник власти», это не народ, являющийся живым телом, организмом, высшей

ценностью. Это — «работники», «электорат» и «потребители». Три функции, которые нужны и которые должны находиться под контролем.

Характеризовать Конституцию РФ с точки зрения ценностного подхода иначе как либеральную и космополитическую невозможно. Так что правовой базис либерализма и оправдательный фон для либерастии надёжно закреплены.

ЛИБЕРАСТЫ ПРОТИВ ЛИБЕРАСТОВ

Либерастические бесы из «святых 90-х» продолжают кружить над страной. Впрочем, даже не кружить, а преспокойно пастись на её тучных нивах и смачно чавкать в её закромах. При этом многие либерасты назойливо твердят, что они — «оппозиция режиму». «Режим» при этом тоже насквозь либерастический, но — с особым прикусом. Так что мы имеем либерастов двух сортов: одни — «системные либералы», или «сиськи», другие — «несистемные», или «несиськи». В чём их отличия между собой и почему одни борются с другими?

Прежде всего, надо помнить, что за власть очень часто борются вовсе не идейные противники, но единомышленники и даже близкие, кровные родственники. Власть — это так много, это так значимо, что в борьбе за неё

сын походя убивает отца, а брат — брата... Так что водораздел между «системными либералами» и их оппонентами — не в идеологической сфере. Только власть способна утолить алчность и тщеславие либераста. А власть у нас устроена по кланово-корпоративному принципу. Проникнуть в эту сложившуюся систему сложно: для большинства доступен лишь нижний слой obsługi или муравьиная доля бригадира из «среднего и малого бизнеса». Поэтому, чтобы оказаться на влиятельном уровне власти, надо эту «властную вертикаль» подпилить и свалить. А потом рулить самим, сложив похожую кланово-криминальную систему управления страной, но с другим списочным составом. А «заграница нам поможет» — не смешная реплика Остапа Бендера, но золотое правило «несистемной оппозиции».

Многим кажется, что водораздел между либерастами двух сортов — это водораздел между националами и компрадорами. Такое встречается, но чаще всё иначе: и «сиськи», и «несиськи» — компрадоры. Различие в том, что они хотят служить разным зарубежным хозяевам и отдаваться им по-разному. Вождельный и для тех, и для других «Запад» — сегодня неоднороден; более того — он находится в стадии открытого раскола и внутренней борьбы. Причём борьбы не только за власть и влияние, как везде и всегда, — а борьбы за разные модели будущего: и собственного и всего мира. Картина этой борьбы сложна, и её описание выходит за рамки данной статьи. Для иллюстративных целей мы можем оперировать упрощённым описанием глобального процесса, наблюдая за борьбой внутри США — одного из главных акторов мировой политики. Она явлена нам в виде борьбы «республиканцев» с «демократами», Трампа с Клинтоншей, промышленников — с финансистами и т.п. Демократы-финансисты (именно их у нас и называют неолибералами), которые безраздельно властвовали над миром последние десятилетия, проиграли всего одну позицию: пост президента США. Победивший Трамп стремится ко всей полноте власти, то есть не готов ограничиться только правом подписи в Белом доме, но хочет обрести реальную власть — финансовую, к которой его пока не допускают. Переустройство мировой финансовой системы является не просто элементом борьбы за власть, но и насущной проблемой мировой экономики в целом. По мнению многих экспертов, действующая модель (экстенсивного развития) близка к своему исчерпанию, или даже исчерпала себя. Поскольку эта модель

гордо именовала себя либеральной, то и говорят не о гибели конкретной финансово-экономической модели, а о крахе либерализма или — как Путин — о том, что либеральная идея себя изжила.

Если вернуться к диаграмме Нолана, то американские демократы-финансисты находятся на ней в левом верхнем углу и являются «левыми». Трамп, тоже неолиберал до мозга костей, — в правом нижнем углу, обозначенном как «консерваторы». И те и другие — последовательные и бескомпромиссные либералы. То, что демократы — «левые», а консерваторы — «правые», разумеется, имеет значение, но водораздел проходит не по этой линии.

Здесь важно то, что наши либерасты вскормлены и поддерживаются левыми демократами-финансистами, которых в нашей прессе часто именуют «либеральной частью западной элиты».

Борьба внутри неолибералов — «Трамп — Клинтонша» — не завершена, и рано говорить о победителе. Наши «либерасты-несиськи», все эти белоленточно-болотные — вернее, их кукловоды, — уповают на победу демократов-финансистов. А «либерасты-сиськи» ни на что не уповают: они стремятся удержаться возле кассы под названием «Россия» и бормочут лишь одно: «вовремя предать — значит предвидеть!» Но и это им вряд ли поможет: модель их бытия крайне неустойчива и при любом исходе борьбы мировых элит им — как условно «чему-то целому» — нет места нигде. Поодиночке, конечно, спасутся многие. У «несисек» другой расклад: победит (стратегически) Трамп — им будет плохо, но если победят американские левые — у них появится серьёзный шанс на политический реванш с последующим развалом России.

А где Путин на диаграмме? Путин дрейфует в тот же угол (и уже, видимо, достиг его), что и Трамп: консервативный либерализм. Что его туда привело? Будучи, как многие из нас, продуктом распада Советского Союза, неся в себе комплекс инстинктивного выживания в эпоху радикальных перемен, обретая опору и возможность существования в специфической «питерской» среде, где предельно высока концентрация прозападного либерализма, — Путин оказался в клане, который вывел его на вершину государственной власти. Его дальнейший путь и намерения были достаточно очевидны и казались предсказуемыми. Но «логика обстоятельств сильнее логики намерений» — заметный дрейф от одного формата либерализма к другому произошёл. И возникло ощущение, что некие формы воплощения принципов ли-

берализма противоречат тем целям и задачам, которые надо решать «в силу обстоятельств».

Ну а нам-то как к этому относиться? Что делать? Мы ведь ни на одной из этих сторон («сиськи» — «несиськи»): и там и там — «не наши». Порой, правда, возникает соблазн: если алчная криминальная власть и её клановая система должны быть разрушены, то вроде как ненасытное отребье из несистемных либералов в этом вопросе нам пусть временные, но — союзники?

Нет, с ними нам не по пути даже в мгновенной тактической ситуации. Мотивации кукловодов-«несисек» — месть и алчность, ослабление и разрушение государственности России. То, под какими лозунгами они выводят людей на митинги, не должно никого обманывать. Настоящая патриотическая оппозиция обязана не только разоблачать подлинную суть «несисек» и вред, который они приносят, даже когда справедливо критикуют власть, — она обязана заботиться о главном: о той молодёжи, которая поддаётся на либерастические призывы. Это, быть может, самая главная политическая задача. Решается она плохо: та молодёжь, которая выходит на митинги «против коррупции» и т. п., пока плохо воспринимает язык и образы, предлагаемые патриотами: мы не стали для них интересны, и это очень тревожно.

ЧТО КОМУ ДЕЛАТЬ

Наша задача — «не только объяснять мир, но и стремиться изменить его». Надо ставить цели, разрабатывать технологии их достижения и призвать к действию. И тогда важнее не «корни неолиберализма», а современное положение и течение дел. Одно дело — «корни нацизма», и совсем другое — идущие на тебя танки и пехота вермахта. А третье дело — жить под властью оккупантов и бороться за освобождение своей земли. Цели, тактика и стратегия во всех этих случаях будут разными.

Разговор о неолиберализме и либерастии окажется бесплодным, если он останется набором сведений, оценок и суждений, а не знанием. Знание отличается от сведений тем, что оно сопряжено с умением и нацелено на конкретные действия, на достижение цели. А цель наша — изменить Россию к лучшему. Это, разумеется, более чем расплывчатая формулировка, поскольку образ желанной России у каждого свой. Одна из задач — выработка образа России, принимаемого заметным большинством: не то чтобы народа в целом, а хотя бы активного слоя патриотов, готовых действовать. Действо-

вать, однако, можно и нужно уже сейчас, пока такого согласия ещё нет, но потребность в нём и движение к нему — есть.

У нас, к счастью, — спасибо «святым деяностям»! — налицо достаточно высокая степень эмоционального согласия по поводу критики либерастии. Теперь важно достичь интеллектуального согласия, понимания сущности либерализма и либерастии, их родства и отличий. Но мы не можем и не должны считать это ни целью, ни конечным результатом наших усилий: необходимы действия по воплощению высказанных идей и предложений в жизнь.

ЦЕННОСТИ

Важно осознать свою позицию на языке ценностей. Эта работа, на мой взгляд, не проделана. Общие идеи витают в воздухе, неоднократно высказывались, а последовательного увязывания ценностей с идеологическим проектом не сделано. Ясно, например, что в нашей системе ценностей коллективизм «выше» индивидуализма, ценность государства уж точно не «ниже» ценности личности, что «духовное» во многих случаях выше «материального» и так далее. Важнейшим — но нерешённым — остаётся вопрос об этической системе. Отсылки к религиозным заповедям недостаточны, поскольку этика — это поведение, это не только «вообще», но «здесь и сейчас», актуальное пересечение прошлого и будущего, традиций и целей.

В рамках этого доклада нет смысла и возможности углубляться в эту тему, здесь необходимо лишь обозначить её как важный пункт программы наших действий.

ЦЕЛИ

В чём же должна состоять цель? В «избавлении» от либеральной идеи? Нет, это глупо и нереалистично. Приверженцы либеральной идеологии, либеральных ценностей, в каком бы изводе те ни осознавались, — в обществе будут всегда. И пусть — будут. Борьба против «либерализма» в целом бесперспективна: он аморфен, у него нет ни структуры, ни оболочки, ни формы. «Либерализм» как таковой — неуловим, а потому и неуничтожим.

Проблемы возникают не просто от приверженцев либеральных идей, а от тех, кто находится у власти, кто определяет ценности и цели для всей страны. «Изжить» надо не либеральную идею вообще, а либерастическую политику власти и её идеологическую завесу

(они там не борцы за права и свободы для большинства, они там не за честную конкуренцию, они там не за свободное творческое развитие всех, они там даже не за Make Russia Great Again и т.д.).

В той мере, в какой мы хотим добиться изменений в стране не революционным (что не отменяется и не отвергается в принципе), а эволюционным путём, необходимо конкретизировать те узловые проблемы, которые должны быть обязательно устранены. В частности, это касается базового положения Конституции РФ, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Как минимум надо уравнивать человека и общество. Это равенство позволит формировать представления о справедливости на ином базисе, на базисе сбалансированного коллективизма, к которому тяготеет наш народ в силу целого комплекса культурно-исторических причин. Надо изменить смысл и предназначение государства и государственного аппарата управления. Государство — не «ночной сторож», призванный всего лишь следить за выполнением принятых «правил игры». И экономическая жизнь страны — вовсе не «игра рыночных сил», не механизм получения прибыли, а жизнедеятельность, хозяйствование, в котором экономические цели и задачи неотделимы от смысловых, нравственных проблем и целей.

Важнейший вопрос: какими словами эту проблематику описывать? Понятными словами являются категории «капитализм» и «социализм», думаю, что ими и надо продолжать пользоваться в рамках «исправления имён», то есть привнося уточнения и добавления. Воодушевляющая — а нужна именно такая, зовущая к действию, — политика проводится при помощи упрощённых, но дающих быстрый и понятный ориентир указателей. Это понятия, это слова-символы, причём — из числа тех, которые «правят миром». Они позволяют сгруппироваться в формате «мы — наши враги — наши союзники». Любые конвергентные модели могут быть проектной целью, но не могут стать символом и отличительным знаком, точкой сборки.

Если патриоты хотят строить капитализм — так он уже худо-бедно построен, и речь может идти лишь о призывах типа «дай порулить» и «мы, придя во власть, не будем воровать» и т.д. Такие лозунги среди патриотов — залог счастья и стабильности либерастов. Для них и созданной ими системы власти такие оппоненты — не угроза.

На мой взгляд, не только верное, но и единственно верное направление — строительство социализма. Какого именно социализма — следует прописать со всей возможной тщательностью, с учётом всего, что мы знаем и о своём собственном, и о зарубежном опыте.

Есть ли третий путь: ни капитализм, ни социализм? Путь-то много (как и социализмов), есть и третий, и четвёртый... А вот мобилизующих слов-символов больше нет. Даже весьма близкое лично мне слово «империя» не заработает, если это не явит себя как социалистическая империя. «Красная империя» — паллиатив: описывает, но не мобилизует.

ОБЪЕКТ

Объектом нашего воздействия являются либерасты и их структурная организация. Либерасты создали в России сложную, весьма глубоко проросшую во все сферы жизни систему. Они не только захватили власть, завладели общенародной собственностью и разбогатели. Они создали систему власти, мотивацией которой являются алчность и страх, элементами которой являются кланово-криминальные структуры, а топливом, «кровью» — взятки, откаты, распилы, захваты и пр. Они обеспечили защиту своей власти созданной ими же судебной системой, правоохранительными и следственными органами. Они сформировали весьма эффективную систему манипуляции сознанием населения посредством СМИ. Они создали систему образования, которая формирует население в нужном ей ценностном русле: и в отношении истории страны, и в отношении её будущего, и в отношении формирования «субъект–объект» проектной парадигмы взаимодействия человека и общества, личности и государства. Они переформатировали прежние и создали новые научные институты, призванные обслуживать созданное ими государственное устройство.

Всякий, кто хочет «изжить» либеральную идею должен хотя бы в общих чертах представлять устройство и степень сопротивляемости и живучести той «грибницы», с помощью которой она живёт. «Учиться, учиться и учиться...» — вновь актуальная задача. Но у нас ведь нет ни одной своей политической школы, никаких своих «Лонжюмо» и «Капри». Мы ни в какой форме не готовим политиков-патриотов, политиков-антилибералов. Так откуда же они возьмутся? Какими средствами для достижения целей мы располагаем?

СРЕДСТВА

Что у нас, патриотов-антилибералов, есть для «победы над либералами»?

У нас есть любовь к Родине — что, конечно, немало... Но надо не забывать, что любовь к Родине была у всех патриотов до нас рухнувших форм существования русской государственности. То есть одной любви — мало.

Что у нас есть в интеллектуальной сфере? Есть ли у нас глубокое понимание нашего государственного (либерального) устройства? Такое понимание, в котором «враг» не просто обозначен, но выявлены его слабые места и понятно — в какие точки надо бить, чтобы он себя «изжил» не на словах, а на деле? Достаточно ли глубина этого понимания для выработки плана действий? Есть ли у нас концептуальные центры, уровень анализа и влияния которых достаточен, чтобы не то что воздействовать на власть, а хотя бы обратить на себя внимание? Оставляю эти вопросы без очевидного ответа...

Объединяет ли нас общая ценностная платформа и общие цели? Или ничего, кроме ненависти к либерастам нас не объединяет? Понимаем ли мы собственное («патриотическое») устройство, структуру, цели, ценности, ресурсы и энергетику различных сегментов «патриотического лагеря»? Научились ли мы друг с другом разговаривать: «белые» с «красными», атеисты с верующими, левые с правыми, русские с нерусскими, пожилые с молодыми?.. Если мы даже друг с другом неспособны говорить о вещах серьёзных, то о каком-то единстве целей, не говоря уже о единстве действий, даже речи быть не может. Есть ли хотя бы в рамках любого из этих сегментов намёк на организованность, в том числе — в ментальном смысле,

позволяющую обрести собственную субъектность? Есть ли у «патриотов» интеллектуальный, концептуальный центр, сопоставимый, скажем, с ВШЭ? Разумеется, нет: кто же им позволит?! Им позволено иметь только безопасные для власти «площадки» клубного типа, на которых можно поносить и либерастов, и их идеологию сколько душе угодно.

СИЛЫ

Говоря о «средствах», я имел в виду средства интеллектуальные, а организационные, материальные средства буду называть «силами». Хорошо ли мы знаем свои собственные силы и правильно ли их оцениваем?

Не все знают, что «сил» в природе — не существует. Существуют взаимодействия, а понятие «сила» введено в физику для того, чтобы измерять и сравнивать величину таких взаимодействий. Сила — это мера, а не что-то, существующее само по себе. К политическим силам и «силам идей» это тоже относится: мера, степень их влияния на общество, на «ход вещей», — вот что следует иметь в виду, сравнивая и оценивая «силу» социально-политических субъектов. Где у нас «патриотические силы» и чем охвачены «патриотические умы»?

Одни наблюдают за ходом «глобальных проектов», оставаясь звездочётами, «разведчиками будущего» и т.п., но всегда — объектами. Другие ждут спасительной дружбы Путина с Трампом

и Си Цзиньпином — и тоже являются объектами. Третьи усердно грызут и проклинают советский период, воспевают монархию — и тоже являются объектами. Четвёртые клянут «либеральную экономику» и мировую закулису — не выходя, разумеется, из роли объектов. Есть и пятые, и шестые...

Источников патриотической мысли — много. Патриотических сил — мало. Потому что нет взаимодействия, рождающего силу. Нет субъектов патриотического действия. Как ни крути, а клубно-кружковой работы для этого недостаточно. Она необходима, но её недостаточно. Что у нас имеется «в активе»?

Многие из патриотически настроенных людей и движений попадают в ловушку, в идеологический цугцванг: «против либералов, но за Путина». Мотивация понятна и даже тактически может быть верной. Например: белоленточники «валят Путина», а мы — против белоленточников. К тому же Путин объективно делает для страны много полезного. Так что упование на то, что Путин совершит разворот политики, изгонит либералов из правительства и поменяет курс, надо только правильно донести до него «наши идеи», — понятно. Этим упованием охвачены вовсе не наивные люди, а искренние патриоты, желающие своей стране блага. Они верят в действительно наилучший из возможных вариантов: бескровный, созидательный, обеспеченный и массовой поддержкой, и разумным управлением. Мо-

жет ли такое произойти? Теоретически — да. Практически — вряд ли. Ну нет никакой мотивации для этого у Путина. Он действительно придерживается либеральных принципов. Он не видит оснований отказываться от этих принципов ни в политике, ни в экономике: ему комфортно в статусе либерала и демократа. Крах в стране не наступает — что бы ни говорили критики либеральной рыночной экономики. Да, политическая система не совершенна, но он это видит и пытается исправить. С коррупцией вот борется: кубометры денежных знаков регулярно из гаражей и квартир чиновников отгружаются в казну. И сам лично людям помогает: каждый год устраняет избранные несправедливости. В общем, ни оппоненты, ни сама жизнь не предъявили Путину аргументов, достаточных для отказа от нынешнего курса. Но это — лишь часть проблемы. Куда важнее, на что этот курс менять, какая новая парадигма столь убедительна, что старую ради неё стоит сломать?

ИДЕОЛОГИЯ

Носителями какой идеологии следует «заполнить» правительство и вообще всю систему управления государством после того, как «мы скинем либерастов»? «Патриотизм» — не идеология. Это — чувство: драгоценное, наиважнейшее, которое может и должно продиктовать нам идеологию, но ведь не диктует!

Лично мне единственной основой для платформы, способной подвигнуть к действию, видится левое (в классическом смысле прошлого века) направление. Только в социалистическом, просоветском эгрегоре (рискну применить здесь эзотерические метафоры) есть огонь, есть энергия, способная и объединить, и мобилизовать к действию. Ядром левой идеологии является недвусмысленная, бескомпромиссная борьба против заедающей страну либерастии, есть чёткая позиция во внешнеполитическом поле. Есть глубокая научно-экспериментальная база, требующая продолжения и развития. Есть история побед и поражений, героев и предателей. Это бесценный ресурс: и интеллектуальный, и эмоциональный. Ничего равного этому нет ни у нас самих, ни у кого-то ещё в мире. Всё это даёт основания рассматривать именно данное пространство как площадку для «сборки субъектов развития». Патриоты-антилибералы должны либо выработать общую идеологическую позицию и попытаться стать субъектами, либо оставаться объектами либерастической

политики и наслаждаться разговорами и гневными отповедями.

КОНЕЦ ЛИБЕРАЛИЗМА

Так как насчёт «краха либерализма» в России? Либеральная идея, сказал Путин, себя изжила. Мало того, что это не так: идеи бессмертны. К тому же, как мы видели, идеи либерализма закреплены в российской Конституции. Страшнее иное: либерастия прекрасно может жить и без либеральной идеи.

«Крах либерализма» для публицистики, как лозунг-транспарант, — сойдёт, а для целенаправленной и результативной работы по изменению ситуации в стране и её судьбы — нет. Настоящая политическая программа, наряду с лозунгами «долой!», должна иметь и позитивное содержание: какой именно субъект требует власть, на каком основании, с какими целями, какую модель развития предлагает и т.д. Но это уже настоящая политическая работа, а не клубное обсуждение тех или иных актуальных тем.

Критика настоящего (и прошлого) — важная часть концептуальной работы над проектом будущего. Плохо, когда критика есть, а проекта — нет. Тогда этой критикой пользуются наши же враги: мы совместно разрушаем собственный потенциал.

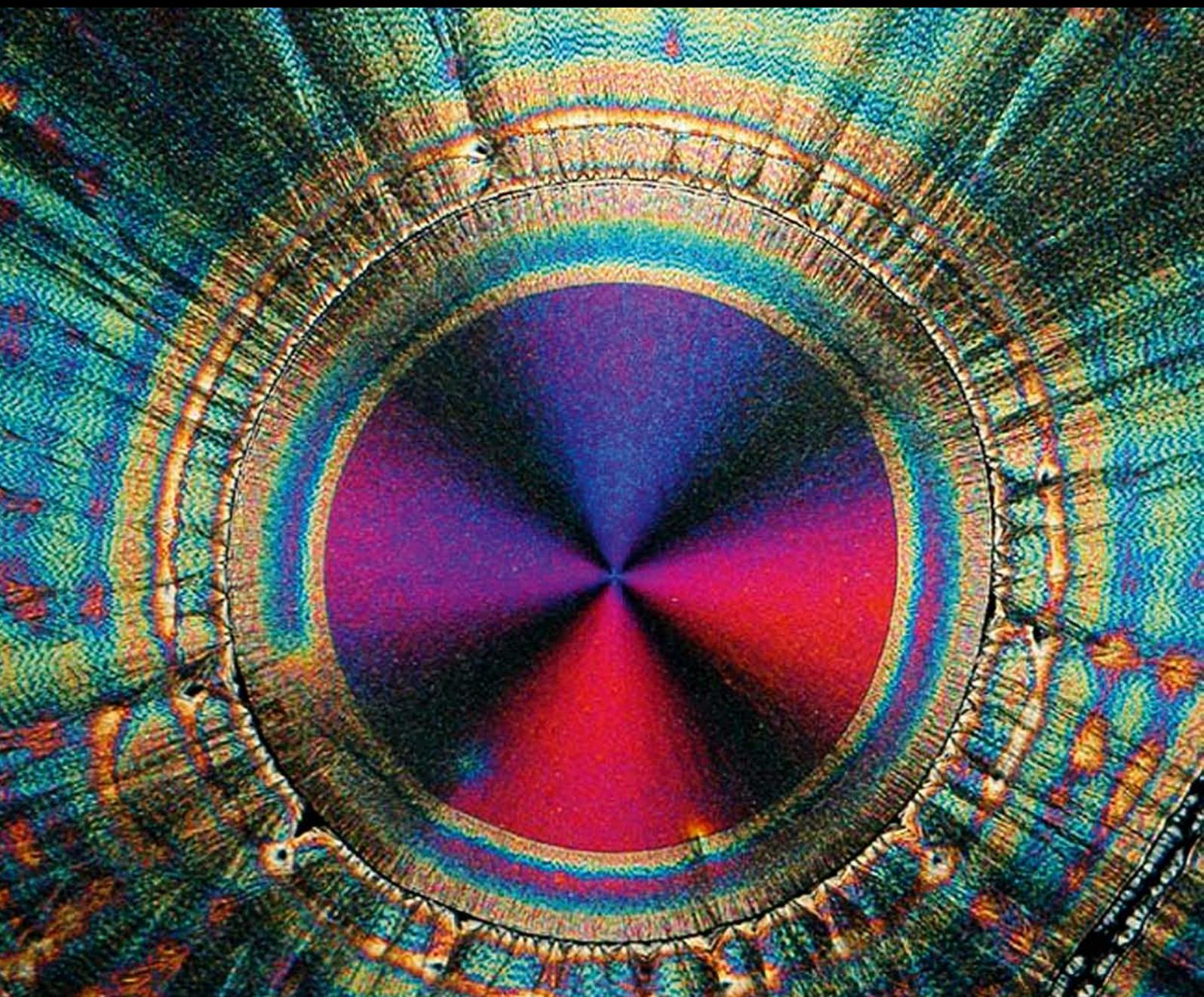
Проект будущего необходимо создавать. И несколько неудачных или не воспринятых властью попыток не должны ни обескураживать, ни отскакивать. Посмотрите на масштабы и глубину анализа настоящего и проектирования будущего, который ведут многочисленные интеллектуальные центры неолиберализма, действующие во всех странах мира: созданы десятки, сотни неолиберальных моделей для всех стран и народов, на все случаи жизни. И это — правильно. Потому что на практике строительство этого самого будущего ведут действующие политики, которым необходимо предлагать достаточно широкий выбор моделей, подходов, языков описания и т.д.

Патриотический пейзаж России, как страны победившей либерастии, — многоцветен. Это поляна, на которой «расцветают сто цветов, и соперничают сто школ». Ею приятно любоваться, но нетрудно при нужде и выкосить её подчистую или просто затоптать. «Либеральная идея» сама себя не изживёт и свою власть не отдаст. Патриоты, не обретшие «проектной идентичности», — просто хорошие и незащищённые люди. Растопыренные пальцы — не кулак. Множество мнений — не проект. Либерастия — пока на марше.

Свобода, развитие, справедливость...

Что идёт на смену либерал-глобализму?

Александр НАГОРНЫЙ,
*политолог, заместитель
председателя «Изборского
клуба»:*

— Уважаемые коллеги! За последнее год-полтора на Западе уже явно обозначила себя важная мировоззренческая тенденция, которая более полувека находилась «в загоне», а теперь, кажется, имеет все шансы стать «новой нормой», — это тенденция рассматривать либерал-глобалистскую матрицу, в которой после 1991 года живёт современное человечество, в качестве чего-то устаревшего, неэффективного, а потому — обречённого на исчезновение. Своего рода камертоном здесь можно считать опубликованный в декабре 2017 года доклад Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», после которого в сходном ключе начали высказываться интеллектуалы и «мозговые тресты» мирового уровня.

А недавно президент России в интервью британской *Financial Times* накануне саммита «Большой двадцатки» в Осаке перевёл эту тему в область реальной политики, заодно расширив её на феномен современной либеральной идеи в целом, мельком сказав буквально следующее: «Она, по-моему, себя просто изжила окончательно». На Западе, да и у нас эту фразу восприняли в контексте «конца либеральной идеи» вообще, как покушение на «священную корову» либеральной идеи в целом, услышав не то, что действительно было сказано Путиным, а то, что хотели и, видимо, одновременно боялись услышать. Особенно — от человека, чей образ на Западе трактуют в качестве персонифицированного Зла. И по тамошней реакции создаётся впечатление, что лидер нашей страны, невольно или вполне осознанно — это другой вопрос, но задел самую

больную точку современного «коллективного Запада», его «ахиллесову пята».

А это лишний раз показывает, насколько актуальны и важны связанные с темой «конца либеральной идеи», «смерти либерализма» системные проблемы современного общества, человечества в целом. Понятно, что попытаться решить их можно различным образом. Свои подходы есть у самих либерал-глобалистов, которые продолжают доминировать в странах «коллективного Запада», хотя и потерпели знаковое поражение в США, где на президентских выборах 2016 года победил Дональд Трамп. Свои подходы есть у Китая, уже давно ставшего экономикой номер один и «глобальной мастерской» современной рыночной экономики. Видимо, есть свои подходы и у России, поразившей мир своим возрождением на международной политической арене, но продолжающей оставаться социально-экономической загадкой, «вещью в себе». Разумеется, есть свои подходы у католической церкви, у других «центров силы» современного мира.

Насколько мы понимаем эти подходы, их сущность, результаты и перспективы их взаимодействия между собой? Понимаю, что эти вопросы необъятны и многомерны, но хотя бы в самом первом приближении мы их обозначить, считаю, обязаны.

Михаил ЕРШОВ,

доктор экономических наук:

— Если бы мы сейчас отправились с вами пассажирами в кругосветный морской круиз, нас в первую очередь помимо качества развлечений и еды интересовала бы погода и какие-то яркие моменты нашего передвижения на границе двух стихий: всякая необычная живность за бортом, цветовые оттенки неба и воды...

Первая деталь — фондовые индексы США 22 декабря 2018 года пережили одно из самых значительных падений в течение торгового дня, а по дате — вообще самое значительное за всю историю наблюдений. Почему это случилось? Потому что начало традиционных рождественских распродаж везде показало катастрофическое падение спроса населения и общие негативные ожидания рынка.

Вторая деталь — после рождественских каникул министр финансов США Стивен Мнучин оперативно встретился с представителями крупнейших банков, чтобы выяснить реальную ситуацию с их балансами и другими важнейшими показателями финансовой деятельности. Ранее подобная активность со стороны главы данного ведомства наблюдалась только перед серьёзными кризисами, последний раз — накануне банкротства Lehman Brothers в 2008 году. Комментаторы отмечали, что, несмотря на позитивные официальные отчёты о результатах этих встреч: мол, всё в порядке, беспокоиться не о чем, — сам факт внёс дополнительную нервозность в поведение инвесторов, то есть лучше бы таких встреч вообще не понадобилось.

Далее, Джаннет Йеллен, предшественница нынешнего главы ФРС Джерома Пауэлла, в конце февраля заявила о том, что налицо «новые риски» для стабильности международной финансовой системы и пока непонятно, как с ними бороться. Она ни тогда, ни сейчас не разъяснила, что конкретно имеет в виду под этими «новыми рисками», но слово вылетело, и обратно его уже не вернёшь. Это третья деталь.

Четвёртая деталь, очень показательная: нынешний цикл роста в США длится уже десятый год, это исторический рекорд, ежегод-

ный рост американской экономики при Трампе, то есть в 2017–2018 гг., составил в среднем 3,5%, безработица на минимальных уровнях – вроде бы всё отлично, всё «в шоколаде», сплошной позитив и оптимизм. Но если так, то почему та же ФРС отказалась от дальнейшего повышения своей учётной ставки? И почему ту же политику проводят практически все центральные банки: и Банк Англии, и ЕЦБ, и японский «Нихон гинко», и швейцарский Нацбанк, да и Банк России тоже? Кое-где дошло уже до отрицательных процентов по вкладам и даже по ряду кредитных продуктов. При реальном росте экономики такого не бывает и быть не должно. Откуда такой парадокс? Или центробанки знают что-то, чего не знаем мы, и – более того! – не хотят, чтобы мы это узнали тоже?

При этом многие из них, по умолчанию отказываясь от своих функций финансового арбитража, скупают акции предприятий. Вроде бы ничего страшного, пока номинальная стоимость этих акций становится всё выше, индекс Доу–Джонса дорос аж до 27 с лишним тысяч пунктов, но ведь ни для кого не секрет, что львиную долю этого роста составляют «бай-беки», то есть выкуп компаниями собственных акций с рынка по завышенным ценам, чтобы увеличить номинальную капитализацию и получить больше кредитов у банков под их обеспечение, привлечь новых инвесторов и т.д. Это пятая деталь, которая указывает нам, что современная финансовая система – это система не с отрицательной, а с положительной обратной связью, то есть она действительно пошла вразнос.

Россия сегодня является неотъемлемой, хотя и периферийной частью этой системы, откуда все действия нашего ЦБ, за исключением отказа от доллара

и закупок золота в ЗВР. «Ценой вопроса» является сокращение реальных располагаемых доходов населения и сокращение внутреннего платёжеспособного спроса, что резко тормозит национальную экономику нашей страны.

Андрей ОСТРОВСКИЙ,
доктор экономических наук,
заместитель директора
Института Дальнего
Востока РАН:

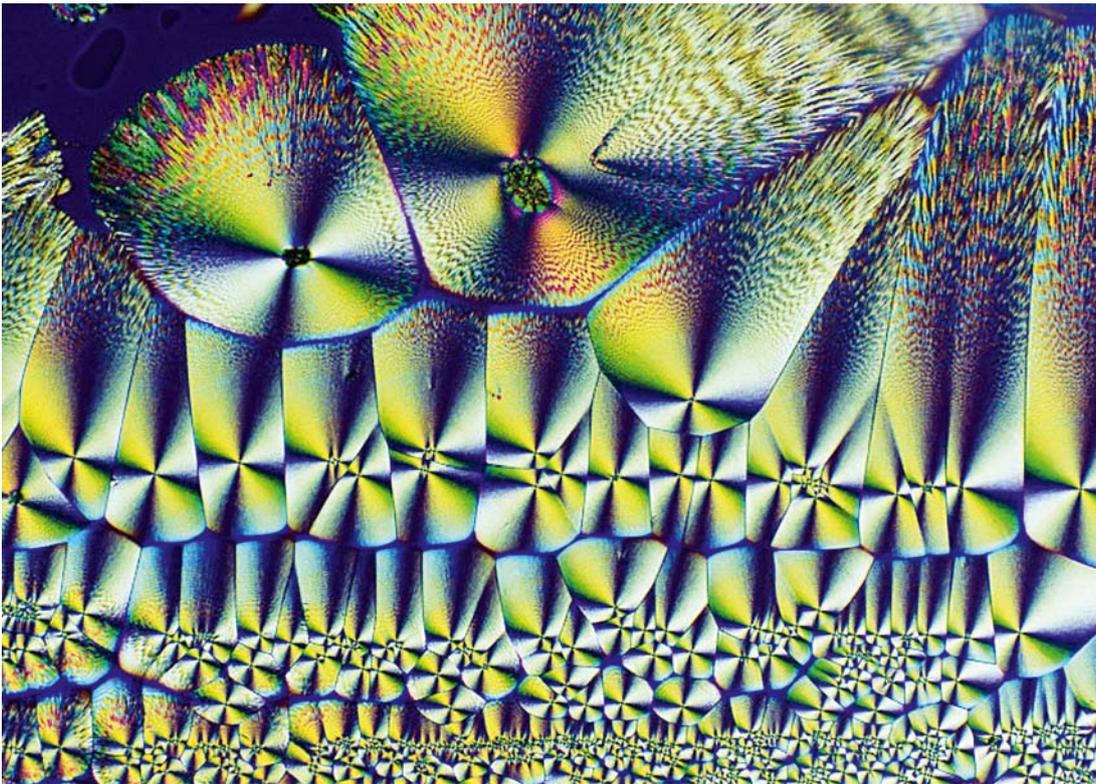
– В структуре этого круглого стола мне, судя по всему, отведена роль эксперта по КНР, откуда я только что вернулся после научной командировки, посетив помимо Пекина Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район. В каком состоянии находится сегодня «красный дракон», которому США ещё весной прошлого года, если называть вещи своими именами, объявили торговую войну и вот-вот готовы начать войну финансовую? Каким там видят своё будущее и будущее всего мира?

Должен сказать, что, по моим впечатлениям, сейчас весь Китай занимается проектом «Одного пояса, одного пути». Занимается так, как наши соседи умеют это делать: от выплавки стали в каждом дворе и повсеместного уничтожения воробьёв в годы «Великого скачка» до нынешнего выхода на первое место в мировой экономике. Все угрозы и пошлости со стороны США воспринимаются сейчас именно в этом контексте – как техническая и, по большому счёту, второстепенная проблема, которую можно решать при помощи курса юаня, перемены марки *made in China* на *made in Vietnam* или *made in Malaysia* и так далее. Доказательством их правоты можно считать тот неоспоримый факт, что положительное сальдо КНР в торговле с Америкой за 2018 год не сократилось, а выросло. То же самое верно и для первой половины текущего года. Да, общий платёж-

ный баланс сейчас у «красного дракона» почти нулевой, но это связано с гигантскими инвестициями в проект «Один пояс, один путь», в рамках которого китайцы активно вкладывают свои деньги за рубежом. Это новая экономическая стратегия Пекина, которая должна принести свои плоды в течение 10–15 лет.

А вот по-настоящему серьёзная вещь – это переориентация с американского на внутренний и евроазиатский рынки, включая в последний страны Северной Африки. И обеспечение этого поворота ресурсным и прочим потенциалом. В 2018 году объём российско-китайской торговли, как известно, значительно вырос и превысил планку в 100 млрд долл. И в том же году впервые за долгие годы баланс был сведён в пользу России. Произошло это, прежде всего, за счёт запуска нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), благодаря которому поставки российской нефти выросли до 50 млн тонн. Россия вышла на первое место в списке стран, откуда китайцы импортируют нефть, обогнав традиционного лидера в лице Саудовской Аравии.

Доля энергоносителей в нашем экспорте для КНР сразу увеличилась до 76%, а с пуском газопровода «Сила Сибири» доберётся и до 90%. Планируемые потребности наших соседей сегодня составляют 450 млн тонн нефти и 100 млрд кубометров газа, так что если даже с европейского рынка российские компании каким-то образом будут вытеснены, альтернатива в лице Китая у них есть. Правда, в «Газпроме», насколько мне известно, не очень хотели и до сих пор не хотят работать с Пекином. Но тут вопрос был решён на высшем политическом уровне, так что договор, текст которого заранее не согласовывался и даже всерьёз не обсуждался, пришлось

подписывать срочно, в пожарном порядке, буквально «на коленке», причём, понятное дело, такой процесс физически вымотал всех, кто в нём участвовал: и с нашей, и с китайской стороны.

Когда сейчас во всём мире с американской подачи говорят, что экономика КНР рухнет, в том числе — из-за импортных пошлин имени Трампа, что у них прирост ВВП за первую половину 2019 года составил всего 6,2%, что якобы приведёт к росту социальной напряжённости внутри страны, то надо понимать, от какой гигантской базы считается этот рост. Номинальный ВВП Китая за 2018 год, по данным МВФ, — 13,4 трлн долл., значит, прибавка за полгода составила 415 млрд долл. А если считать по паритету покупательной способности, то будет вообще за 780 млрд. В США, где «всё в шоколаде», — аналогичный показатель при показателе роста ВВП в 3,5% годовых будет равен 363 млрд долл., причём почти весь этот рост, как уже

справедливо отметил Михаил Владимирович, — «дутый», за счёт виртуального сектора экономики. Про Россию, с её полупроцентным ростом, в данном контексте даже говорить не приходится...

Да, у КНР очень большой долг. Но это — не государственный долг. Это — долг корпораций, корпоративный долг. Перед кем? В основном — перед государством же. А совокупный внешний долг КНР на 1 марта 2019 года составил всего 5,4 трлн долл., львиная доля которых проходила через Гонконг и другие китайские «офшоры». Отношение денежного агрегата M2 к ВВП в Китае самое большое в мире — примерно 220%, у США — около 150%, в России — чуть больше 40%. И кредиты под крупные инфраструктурные проекты в КНР выдаются практически под нулевые процентные ставки.

Отмечу, что в демографическом отношении Китай почти вышел на плато, его население увеличивается ежегодно на 8–10 млн человек, то есть

примерно на 0,7%, и в конце прошлого года официально превысило отметку в 1,4 млрд человек. Сравните два этих показателя: 6,2% экономического роста при 0,7% демографического, — и вы поймёте, что среди реальных проблем современного Китая экономический «застой» с ростом социальной напряжённости просто не значится. Тем более что их собственные прогнозы образца 2000 года давали выход на уровень 70 триллионов юаней только к 2030 году, а по итогам 2018 года они получили 90 триллионов. То есть, вопреки утверждениям западной пропаганды в глобальных масс-медиа, Китай развивается гораздо быстрее, чем ожидалось. Прежде всего — за счёт формирования самой современной экономической инфраструктуры, которую сейчас Пекин стремится распространить на значительную часть евразийского материка при помощи проекта «Один пояс, один путь». Да, есть тяжёлые проблемы с экологией, кроме того, они очень «пе-

реборщили» с демографическим регулированием по принципу «одна семья – один ребёнок», что привело к серьёзному дисбалансу половозрастной структуры населения. Но это – проблемы совсем иного порядка.

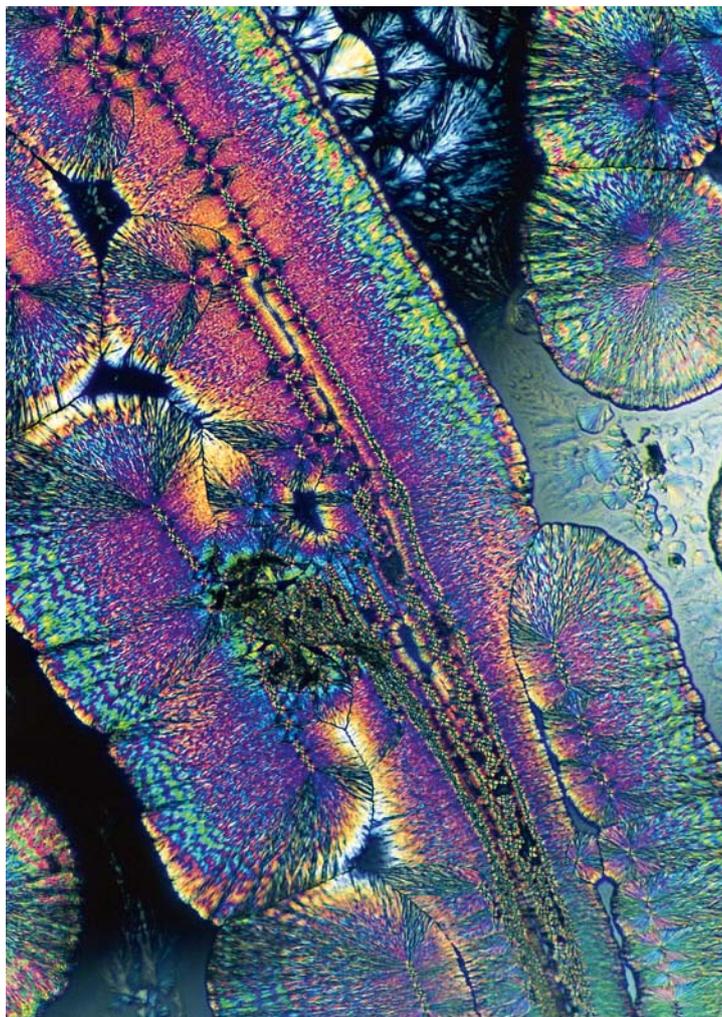
Александр ДОМРИН,
политолог:

– Долгие годы США считались едва ли не главным оплотом и вдохновителем той дегенеративной современной разновидности либерализма, для которой пока нет устойчивого определения и которую я в своём выступлении буду именовать прогрессизмом, поскольку высшей ценностью для человечества она объявила прогресс любой ценой, а различные меньшинства: этнические,

религиозные, сексуальные и так далее, – главным двигателем такого прогресса. Но сегодня налицо очевидный парадокс: в Европе такой прогрессизм полностью победил и определяет практически все стороны государственной и общественной жизни, а в США на президентских выборах 2016 года он – в лице Хиллари Клинтон – неожиданно для многих проиграл Дональду Трампу, и ещё неожиданнее то, что до сих пор, несмотря на все приложенные усилия, взять реванш ему не удалось. Более того, сейчас я могу утверждать, что в 2020 году Трамп снова победит на президентских выборах. Как это произойдёт: «нокаутом» или «по очкам», – пока сказать сложно, но этому есть несколько важных причин.

О первой я уже сказал – отправить 45-го президента в досрочную отставку его противникам за прошедшие вот уже два с половиной года так и не удалось. Не удалось потому, что они так и не поняли, что именно произошло и почему вся глубинная белая Америка пошла голосовать за «Большого Дональда», почему это большинство решило высказать свою волю. Они – это уже вторая причина – придумали «русский след», и вот уже третий год не могут «слезть» с этой скользкой темы, которая дискредитирует внешнюю политику Вашингтона, который то и дело вмешивается во внутренние дела и политические процессы других стран: от Сирии и Венесуэлы до Китая и России. Не знаю, кто это сделал, но лучшей услуги ни для Трампа, ни для Путина оказать было нельзя. Потому что вся Америка и весь мир увидели, насколько неадекватны противники нынешнего «хозяина» Овального кабинета в Белом доме.

На выборах 2020 года прогрессисты сделали крупную дополнительную ставку на те меньшинства, о которых даже речи не шло в 2016 году. Что такое проведённая легализация марихуаны и других «лёгких» наркотиков? Это мобилизация наркозависимых людей, которые должны прийти и проголосовать за противника Трампа – не важно, кого именно. А что такое легализация всех мигрантов и расширение их прав на уровне ряда штатов? Это мобилизация тех, кто чаще всего вообще не понимает, где, в какой стране он оказался, но тоже должен прийти и проголосовать за противника Трампа. Наконец, речь зашла о компенсациях для негров за десятилетия их эксплуатации в качестве рабов, причём размеры компенсации впечатляют – 13–14 триллионов долларов!

Между тем Соединённые Штаты, как справедливо было сказано в популярном отечественном кинофильме «Брат-2», это такая страна, где всё несерьёзно, кроме денег. Поэтому если неграм столько дают, то у кого отбирают? У тех, чей цвет кожи недостаточно тёмный? Это значит, что подавляющее большинство граждан США латиноамериканского и азиатского происхождения, не говоря уже о «белой глубинке», пойдут 6 ноября 2020 года голосовать не против Трампа, а против его оппонентов-демократов, которые ставят на идею социального паразитизма — условно говоря, на наркомана-мигранта-негра-гомосексуалиста.

В этом отношении недавний арест и быстрая смерть в тюрьме одного из ярких представителей прогрессистских «элит» в США и во всём мире Джеффри Эпштейна весьма показательна. Не только потому, что он пополнил список скелетов в семейном шкафу Билла и Хиллари, что он слишком много знал и тем был или стал опасен для высокопоставленных клиентов своего педофильского борделя, что он работал, как утверждается, на израильскую разведку. Нет, суть здесь ещё в том, что «дело Эпштейна» вызывает понятное отвращение у подавляющего большинства населения США и показывает, что раз гомосексуализм и наркомания признаются, продвигаются и даже навязываются прогрессистами в качестве «норм» современной жизни, то завтра такой нормой будут признаваться групповые изнасилования со стороны мигрантов, педофилия, зоофилия, некрофилия, каннибализм и так далее. То есть суть даже не в клиентах Эпштейна как таковых, не в пострадавших от него детях и подростках, а в том, что сам вектор идеологии прогрессизма ведёт именно в этом направлении. Так

что «дело Эпштейна», в официальной версии о самоубийстве которого есть множество разного рода «нестыковок», наглядно свидетельствует о том, что в США идея прогрессизма — «классических» либералов там сегодня очень мало, и они не играют никакой роли в политике, — действительно близка к смерти.

Владимир ОВЧИНСКИЙ,

доктор юридических наук:

— Я хочу вернуться к общей теме нашего разговора — о кризисе современного капитализма, «конце либеральной идеи». И к вопросу о том, что идёт ей на смену. Ясно, что это, при всей очевидной нынешней успешности, не будет «китайская модель», о которой так ярко рассказывал нам Андрей Владимирович.

Вопрос только в том, насколько реален этот кризис капитализма? Или это кризис виртуальный, который симулируется в определённых политических целях? Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, нетрудно заметить, что тему кризиса муссируют в основном оппоненты Трампа. Если говорить об учёных, то это, прежде всего, нобелевский лауреат по экономике 2001 года Джозеф Стиглиц, который выдвинул концепцию «прогрессивного капитализма». Раньше говорили о «социализме с человеческим лицом», сейчас говорят о «капитализме с человеческим лицом». И упомянутый уже доклад Римского клуба «Come on!», написанный его сопредседателями Эрнстом фон Вайцзеккером и Андерсом Вийкманом, является попыткой оперативного приложения концепции Стиглица.

Трамп в ответ характеризует все эти идеи как социализм, которому в Америке не место, и бьёт не по «центристам» типа Джозефа Байдена и Хиллари Клинтон, а по левым в западном понимании этого политического

термина, — по оппонентам типа Берни Сандерса, которым он может проиграть на президентских выборах 2020 года. Поэтому моя позиция заключается в том, что сейчас в реальности нет ни того, ни другого: ни кризиса мировой капиталистической системы, ни кризиса входящей в эту систему китайской экономики.

Кризис мировой системы капитализма, согласно целому каскаду исследований, проведенных ещё в конце 60-х — начале 80-х годов прошлого века с участием таких фигур, как, например, академик Виктор Михайлович Глушков или Побиск Георгиевич Кузнецов, с которым я был очень дружен, — этот кризис должен носить и будет носить совершенно иной характер. Уже тогда была полная раскладка того, как осуществить переход на кибернетическую модель управления обществом, с дальнейшим выходом на человечество в целом. Сейчас это почему-то называют «цифровой экономикой». У академика Глушкова уже к 1970 году была полностью разработана концепция полного перехода советской экономической системы на «кибернетический Госплан», которую поддерживали и Брежнев, и Косыгин, но которая была полностью заблокирована аппаратом ЦК КПСС.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Благодаря группе Андропова?

Владимир ОВЧИНСКИЙ:

— Наверное, это была бы чересчур упрощённая и недоказуемая трактовка ситуации, но предложения академика Глушкова тогдашний глава КГБ точно не поддержал. Я бы предпочёл говорить о классовом или, может быть, сословном, кастовом интересе партийно-советской номенклатуры, которая в случае создания «киберГосплана» активно становилась бы почти

ненужной и подлежала замене технократами. Поэтому они «кибернетическую революцию» в СССР и зарубили. Второй раз эта тема поднималась в начале перестройки: академик Глушков к тому времени уже скончался, в неполные 60 лет, — идею в ЦК КПСС двигали Побиск Кузнецов, генерал Михаил Гвардейцев и Спартак Никаноров. Но тогда её снова зарубили, поскольку наверху уже сделали ставку на введение рыночных отношений, то есть того самого глобального либерал-капитализма, который, при всех его трансформациях, более-менее благополучно дожил до нынешних дней.

Сейчас под лейблом цифровой экономики мы видим эту попытку уже в третий раз, причём уже как попытку запрыгнуть на идущую с Запада волну, но нынешняя номенклатура имеет все шансы сделать и эту попытку неудачной.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
доктор политических наук,
профессор МГУ:

— Я предлагаю задуматься над вопросом, от какого либерализма мы, собственно, отказываемся? Если говорить сегодня о том, что либеральная доктрина и либеральная идеология исчерпали себя, — мы должны всё же сознавать, что именно исчерпало себя: либерализм, как рождённая веком Просвещения идеология, провозгласившая ценности Свободы и Разума и утверждавшая, что каждый человек от природы рождается не рабом, а свободным и в силу своей природы достаточно разумен, чтобы иметь право и способность распорядиться своей свободой, хотя в полной мере распорядиться ею он сможет, только если не будет лишён собственности, — или авантюристическая и лицемерная практика ограбления людей и стран, характер-

ная для мира уже три столетия, а для России — в последние три десятилетия?

Если рассматривать либерализм как идею полной экономической свободы и рынка, то она давно стала просто безумной: рыночное регулирование исчерпало себя ещё ко времени Великого кризиса 1929 года.

Если же рассматривать либерализм как идею полной политической свободы для имущего меньшинства и его представителей, то формально она давно отвергнута, хотя, даже будучи отвергнутой, на деле реализуется.

Это нужно не просто назвать изжившим себя — это давно нужно признать преступным. Готовы ли те, кто говорит о том, что либерализм себя изжил, — отказаться в России от рыночной экономики и пропаганды идей рынка? Если готовы, то всё в их власти!

Многие из вполне справедливо обличающих тех, кто сегодня называет себя либералами в России, хотели бы отказаться и отказываются не только от этой практики и доктрины, но и от того, что лежало в основе либерализма когда-то: от всего, что дала эпоха просвещения и секуляризации, от антропологического оптимизма, то есть от веры в человека и в его способность быть Человеком. От признания того, что всё же Человек — это главное, и общество без свободы рынка и произвола нужно не для того, чтобы утвердить диктат власти и государства, а для того, чтобы сделать человека свободным в его познающей и созидательной деятельности. И что цель разумного общества — создать условия, при которых каждый человек мог бы всемерно развить заложенные в нём таланты и способности. И чтобы каждый, потенциально способный стать Рафаэлем, — имел бы реальную возможность им стать.

То есть от либерализма можно отказываться, идя дальше вперёд и выше него — к обществу Познания и Созидания, а можно — идя от него в прошлое, к Средневековью и признанию человека по природе своей не свободным созидателем, а Рабом высших начал и Высших Сил.

Но либерализм (как, впрочем, и коммунизм) — это не самоназвание той или иной группы более или менее удачливых политических активистов (или авантюристов).

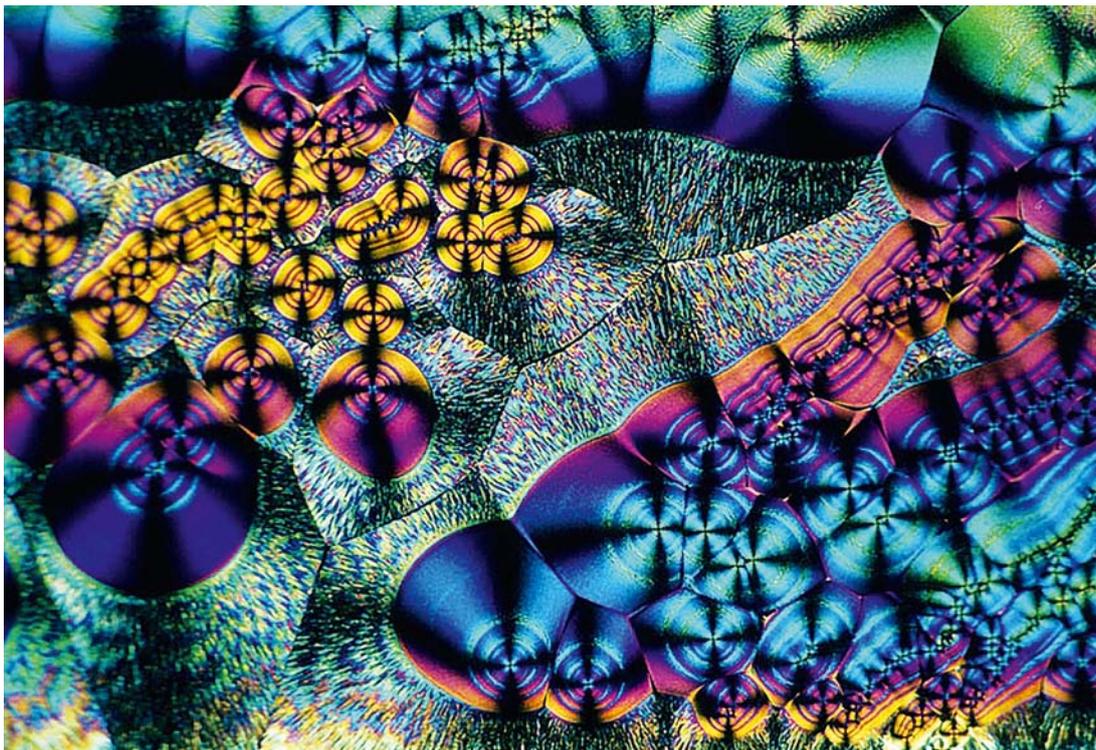
Либерализм — это мировая идеология, одна из ведущих политических идеологий мира. Это концентрация комплекса ценностей, политических и, что, кстати, менее константно, — экономических доктрин, определённым образом трактующих мир, верифицирующих его и зовущих к его преобразованию.

Лицо либерализма — не Чубайс и Гайдар, и уж совсем не Наводворская с Альбац.

Лицо либерализма — это Вольтер и Дидро, Гольбах и Франклин, Гоббс и Локк, между прочим — Руссо, а также Американская революция вместе с Французской. Том Грин и Франклин Рузвельт.

Это явление такого масштаба, которое просто по своей значимости и порядку проявления не может быть уничтожено и исчезнуть благодаря неудачной аванюре той или иной политической партии или партий, провалу тех или иных не слишком грамотных «реформ».

Либерализму в России явно не повезло. Сначала, на рубеже XIX–XX веков, слабый и весьма умеренный, он оказался зажат между противоборствующими силами самодержавия и революции и перемолот ими в политическое ничто. Потом, в конце XX века, осуществляемая от его имени власть привела страну к такой смуте и экономической

катастрофе, которую вряд ли простят будущие поколения. Поэтому когда говорится о предельной дискредитации в обществе слов «либерализм» и «либералы», то говорится правда.

Но сегодня дискредитированы не только эти слова — дискредитированы практически все имена прежних политических течений и мировых идеологий. Первыми оказались дискредитированы имена «социализм» и «коммунизм», теперь — «либерализм», «демократия» и «демократ». Вот-вот будут дискредитированы имена «консерватизм», «консерватор» и «патриотизм», «патриот». Не говоря уже о «национализме», который после соединения его с практикой национал-социализма, то есть его исторического воплощения XX века, навсегда будет восприниматься в России как бранное и неприличное слово, несмотря на отчаянные попытки определённой генерации публицистов поднять его на своё знамя ввиду дискредитации остальных идеологий.

И в этом отношении мы сталкиваемся со значительно большей опасностью цивилизационного порядка, характерной для общей энтропийной эрозии постмодернизма: разрушением смыслов и обесцениванием имён как таковых. В результате мы получаем поле, где смыслов нет в принципе, а имена — ничего не значат, поскольку каждый в сугубо ситуативных целях может присвоить себе любое из них, не отвечая за соответствие данного имени исходному его смыслу.

Если же смыслов как таковых нет, если имена сведены до кличек и самоназваний, то нет и человека, потому что главное в нём — не столько его биологические признаки вида *Homo sapiens*, сколько смыслы, которые он принимает и которые для него значимы достаточно, чтобы платить за служение им своей жизнью.

Иногда говорят: не стоит выяснять, был ли осуществляемый в России в 90-е годы курс курсом либерализма, поскольку достаточно, что авторов его называли

либералами, и уже потому он должен быть проклят. Однако тем самым говорят, что не важно, с какой смысловой сущностью мы имеем дело; не важно, истинное ли имя она носила, — а важна кличка, которую она себе присвоила. И это — один из моментов смысловой энтропии, один из векторов разрушительного влияния постмодерна и обесмысливания человеческой сущности.

Владимир ВИННИКОВ,
культуролог:

— Как известно, любую работу можно сделать дёшево, качественно и быстро. Но одновременно — только по двум этим параметрам из трёх. Если сделать быстро и качественно, то будет дорого. Если быстро и дёшево, то некачественно. А если и качественно, и дёшево, то небыстро. И если мы представим себе некую идеальную модель общества, то она должна служить достижению сразу трёх целей: свободы, справедливости и развития. Но на практике в нашем далеко не идеальном

мире почему-то всегда вступает в дело всё тот же неписанный закон или принцип «два из трёх»: если мы обеспечиваем обществу нужный уровень свободы и справедливости, то теряем развитие; если обеспечиваем свободу и развитие, то теряем справедливость, если же даём и справедливость, и развитие, то теряем свободу. Причём это не какие-то состояния, жёстко отделённые друг от друга, а процессы, перетекающие один в другой.

«Для внутреннего пользования» этот неписанный закон, «два из трёх», я назвал «правилом Антихриста», или «правилом Зверя», поскольку, согласно Апокалипсису Иоанна Богослова, число 666, составляющее как раз две трети от тысячи, является «числом Зверя». Это правило работает практически всегда и везде, в любой сфере человеческой деятельности и даже в известных нам законах природы: и в мегамире, и в макромире, и в микромире. Исключения в виде какого-то гармонического

оптимума встречаются, но очень редко, длятся недолго и, по большому счёту, только подтверждают само «правило Зверя».

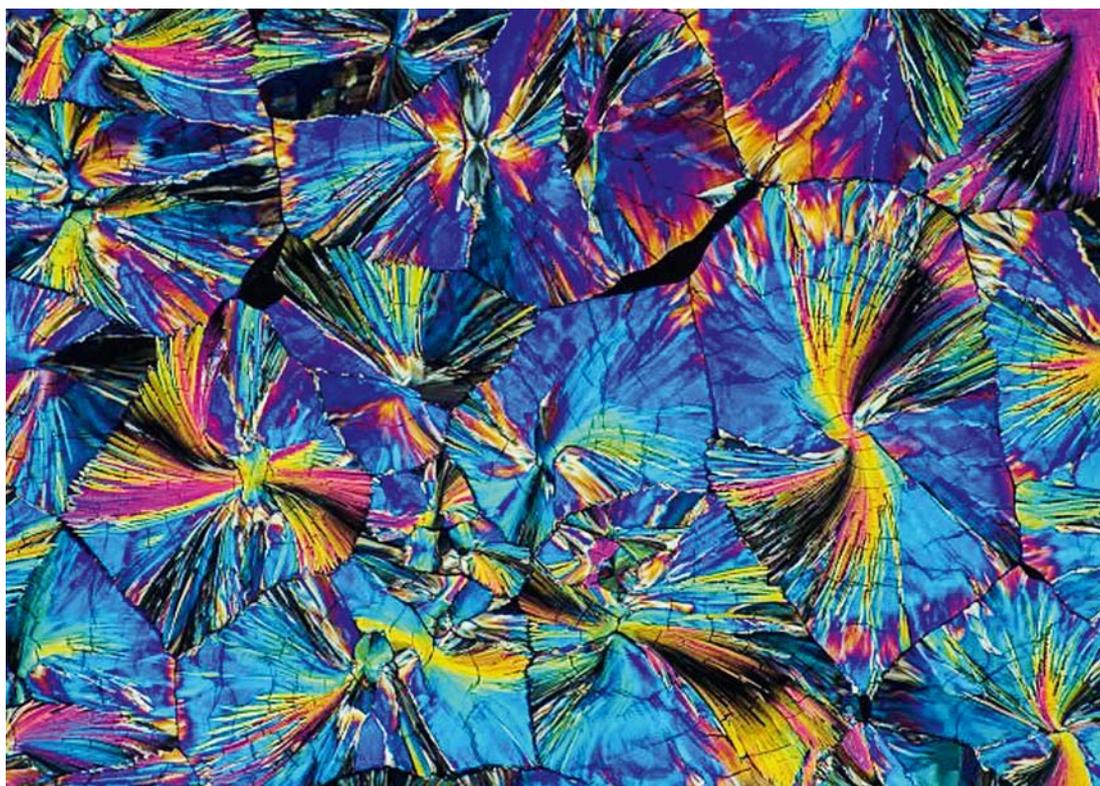
Так вот, говоря о «смерти либерализма» как идеи и связанного с ним глобального либерал-капитализма как модели человеческой цивилизации, мы, как правило, по умолчанию имеем в виду связку «свобода – развитие», которая в полной мере проявилась ещё у Томаса Гоббса в его трактате «Левиафан», а это середина XVII века. Сейчас эта связка действительно утратила свою эффективность, и дело здесь не в цифрах ВВП, а в реальном потенциале человеческой цивилизации, который де-факто не растёт с рубежа 60–70-х годов XX столетия. Особенно – если сравнивать с ситуацией первой половины того же века, когда наблюдалась буквально взрывная волна новых знаний и «девятый вал» основанных на этих знаниях технологий во всех сферах общественной жизни. Сейчас налицо только очень узкие «фронты про-

рыва», которые сконцентрированы в спектре информатики и биотехнологий.

Обычно либеральной связке «свобода – развитие» (без справедливости) по ряду социально-исторических причин противопоставлялась и до сих пор преимущественно противопоставляется тоталитарная связка «справедливость – развитие» (без свободы). Тут вам и коммунизм, и нацизм, и даже «антилиберальный либерализм» в виде различных вариантов «электронного концлагеря» и прочих систем контроля за поведением людей.

Но всё это ничуть не отменяет возможности третьей связки «свобода – справедливость» (без развития), которая в разных ползучих формах тоже реализуется на практике.

Кроме того, в недавнем докладе Изборского клуба, созданном группой экспертов под руководством Александра Нагорного, специально отмечалось, что в ближайшее время вполне возможен и даже ожи-

дается — впервые в истории! — выход субъектных сообществ цивилизационного уровня за рамки биологического вида *Homo sapiens*. Речь идёт о том, что утратили принципиальную невозможность такие направления социальной эволюции, которые можно назвать «неантропным неосоциогенезом»:

- «трансчеловечество» как результат направленных изменений вида *Homo sapiens* и, возможно, других биологических видов путём использования технологий «генной инженерии»;
- «постчеловечество» как интеграция системы организма *Homo sapiens* и других биологических видов с неорганическими компонентами нано-, микро- и макромасштабов;
- «альтчеловечество» как создание искусственных систем, обладающих свойствами самосознания, самоотражения и саморазвития как минимум на сопоставимом с *Homo sapiens* и человеческими сообществами уровне без использования биогенных элементов. Здесь может возникнуть множество коллизий и конфликтов, которые мы сегодня плохо себе представляем и ещё меньше понимаем, но которые, в случае своей реализации, даже частичной, будут принципиально несовместимы ни с одной из чисто «антропных» идеологием, поскольку, если проводить аналогию между этими идеологиемами и физическими элементарными частицами, изменятся сами «кварки», из которых они состоят.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Уважаемые коллеги! Полагаю, что наша дискуссия и те мнения, которые были здесь высказаны, представляют собой хорошую

основу для лучшего понимания того, что представляет собой современная либеральная идея и в каком состоянии она сегодня находится, насколько она действительно изжила себя. Врага надо знать, и чем лучше мы его знаем, тем быстрее можем его победить.

Ни у кого нет сомнения в том, что либерал-капитализм как политико-идеологический феномен глобального, всемирноисторического масштаба в XXI веке действительно терпит одно поражение за другим, теряет свою традиционную лидерскую роль для человеческой цивилизации. На наших глазах происходит его трансформация в неолиберальный идеологический уклад, который во всё большей степени превращается из «двигателя прогресса» в его имитацию, становится инструментом глобального подавления традиционных ценностей, свободы, внутренней и внешней, для человека и общества. К тому же современный мир переживает период цивилизационной трансформации на базе новых технологий и перехода от одного глобального технологического уклада к другому. Это объективный момент, новое «бутылочное горлышко» человеческой истории, пройти через которое и выжить — очень сложная, трудновыполнимая задача, к решению которой есть несколько принципиально различных подходов. В США и на Западе в целом сейчас идёт ожесточённая борьба «элит», часть которых отстаивает идею всемирного совместного доминирования и выживания за счёт остального человечества, записанного в «унтерменши» из третьего мира. Другая часть намерена перед лицом новых вызовов вернуться к практике межнационального, межгосударственного соперничества, которая была обычной до начала XX века, когда конфликты между

ведущими державами мира были нормой международной жизни. Эта борьба ослабляет «коллективный Запад» и указывает на то, что у него нет готового решения проблем, стоящих перед человечеством. Принцип «умри ты сегодня, а я — завтра» вызывает растущее неприятие либеральной матрицы во всём мире, включая и низы самих западных стран. Но альтернативы идеологическому господству либерал-капитализма пока не выработано, она пока только рождается, прежде всего — в рамках российско-китайского стратегического союза, где Москва и Пекин отстаивают разные модели будущего перед лицом общей угрозы. Именно здесь, на этом направлении и решаются дальнейшие судьбы мировой цивилизации.

Наше обсуждение показывает, что либерализм, являвшийся на протяжении почти трёх веков основой мировой экономической и политической системы, действительно зашёл в тупик, и на смену ему приходит новая модель, состоящая из целевых жёстких механизмов проектирования, опирающихся на централизованное управление, что лучше всего демонстрирует китайская социально-экономическая модель, которая подвергается ожесточённым системным атакам со стороны США и их союзников.

Отечественная либеральная модель, которая была внедрена в России в 90-е годы прошлого века, за прошедшие годы показала свою ущербность и бесперспективность, она отбросила нашу страну на второстепенные роли в мировом развитии. Поэтому выход на создание собственной политико-идеологической модели является безотлагательной задачей для российского государства и общества. Думаю, что наша работа в этом направлении должна быть продолжена и максимально усилена.

/ Сергей БАТЧИКОВ /

Гниль либерализма

«...русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать».

Ф.М. Достоевский

«Я перечитал Достоевского, и я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку».

А.Б. Чубайс

Начинается третьё десятилетие пребывания В.В. Путина у власти. За эти годы в посланиях Федеральному собранию, в ходе «прямых линий», в многочисленных интервью и выступлениях на международных форумах Путиным-президентом и Путиным-премьер-министром было сказано очень много важных и правильных слов: о независимом внешнеполитическом курсе, об удвоении ВВП за 10 лет, о технологическом прорыве и инновационной экономике, о новой индустриализации и создании 25 млн высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест, о доступном жилье и доступной ипотеке для граждан России, о сдерживании цен и тарифов, о развитии образования и здравоохранения, о повышении пенсий и недопустимости повышения пенсионного возраста, а также о многом другом.

Оказались ли подтверждены делами эти обещания по развитию экономики и улучшению жизни людей? На этот вопрос трудно ответить утвердительно.

Темпы роста экономики, вопреки бодрым прогнозам правительства, существенно ниже среднемировых, доля России в мировом ВВП неуклонно падает. Из-за сокращения инвестиций в основной капитал компании, которые на протяжении десятилетий составляли основу нашей экономики, терпят многомиллионные убытки. На фоне избытка денег, о котором постоянно твердит Банк

России, предприятия лишены долгосрочного кредита и искусственно банкротятся. За 2000–2017 гг. прекратили работу Алтайский и Волгоградский тракторные заводы, волгоградский «Химпром», СибТяжМаш, ИжМаш, ЗИЛ, АЗЛК, Саратовский авиастроительный, часовые заводы «Заря», «Восток», «Чайка», «Слава», все шарикоподшипниковые заводы и ещё 74 тысячи (!) промышленных предприятий. Жирующие экспортёры сырья, добившиеся отмены штрафов за невозврат валютной выручки, оставляют за рубежом до 100 млрд долл. ежегодно. Дополнительные нефтегазовые доходы не идут на развитие производства, а складываются в «кубышку» ФНБ (за 2018 год вырос на 7,5%), которая может быть в любой момент вскрыта для помощи попавшим под санкции олигархам.

Из-за падения производства пятый год подряд сокращаются реальные доходы населения. Число россиян, живущих за чертой бедности, приблизилось к 21 млн человек, из года в год растёт закредитованность населения. В конце июля Росстат сообщил, что более четверти (26%) детей в возрасте до 18 лет живут в семьях с уровнем денежных доходов ниже прожиточного минимума, что создаёт «ловушку нищеты». Исполнение «майских указов» президента, направленных на социальные цели, открыто саботируется правительством. Такие меры, как повышение зарплат врачам и учителям, проводятся за счёт сокращения

их численности и так называемой оптимизации, т.е. очередного витка закрытия школ и больниц. Всё менее доступной становится качественная медицинская помощь, особенно узкоспециализированная (до 75% населения не могут позволить себе профилактические мероприятия и необходимое медикаментозное лечение). По уровню смертности Россия вошла в первую десятку стран мира и является единственной крупной страной, чьё население быстро сокращается. Общий уровень подготовки школьников по всем предметам стремительно падает — и это на фоне блистательных побед наших ребят в международных олимпиадах. «ЕГЭ-изация» образования в целом разручила наше подрастающее поколение думать, рассуждать, грамотно формулировать свои мысли... В результате «оптимизации» закрыто 24 тысячи (!) сельских школ и больниц. Если очистить от словесной шелухи суть проводимых реформ образования и здравоохранения, то она свелась к их превращению (в нарушение Конституции!) из государственной обязанности в сферу платных услуг.

Втихую разгромлена Российская академия наук, подавляющее большинство членов и сотрудников которой не приняли либеральных реформ. В результате «реформирования» РАН только в США и Канаду уехало работать более миллиона отечественных учёных и специалистов. Согласно данным Росстата, отток из страны квалифицирован-

ных кадров с высшим образованием составляет ежегодно более 50 тысяч человек, а по статистике, получаемой от иностранных государств, — свыше 100 тысяч, то есть вдвое больше. Уместно вспомнить слова французского математика Блеза Паскаля: «Достаточно уехать трём сотням интеллектуалов — и Франция превратится в страну идиотов...» Россия — единственная страна «Большой двадцатки», где под разговоры об инновационной экономике происходит сокращение численности учёных и инженеров. При этом как на дрожжах пухнет чиновничий аппарат, который за последние 18 лет увеличился более чем в два раза.

Растёт имущественное неравенство, по уровню которого Россия находится на одном из первых мест в мире. Тысяча богатейших семей реально управляют страной и концентрируют в своих руках подавляющую часть рентабельных активов и национального дохода, 80% всех активов, которые расположены на территории РФ, принадлежат 10% населения. Французский экономист Т. Пикетти, известный своими исследованиями причин и последствий неравенства доходов, отмечает, что сейчас в России уровень неравенства даже выше, чем был в 1905 году и перед революцией 1917 года!

Коррупция на всех уровнях власти, крупномасштабное воровство, бесхозяйственность, экологические бедствия и рост аварийности — всё это реалии современной России.

В нашей стране, по итогам «либеральных рыночных реформ», создана и действует уникальная по мировым меркам модель экономики: нелегитимная с точки зрения общественного мнения; незаконная с точки зрения источников формирования прав собственности; крайне неэффективная и непроизводительная с точки зрения общественного воспроизводства; неконкурентоспособная на мировом и внутреннем рынке; системно управляемая и манипулируемая извне; социально

несправедливая; крайне ресурсо- и энергоёмкая; примитивная по своей структуре; деиндустриализированная и дезинтегрированная.

Так в чём же дело? Что мешает благим намерениям и правильным словам президента воплотиться в жизнь нашей страны? Чего не хватает для достижения поставленных им целей? Времени? Знаний? Воли? Кадрового потенциала? Или в неразрешимом противоречии с этими целями находится тот самый либеральный курс, о приверженности которому Путин постоянно заявлял и заявляет в своих выступлениях?

ДИКТАТУРА МЕНЬШИНСТВА

Американский экономист и трейдер Нассим Талеб, автор широко известной книги «Чёрный лебедь», сформулировал политологическую концепцию, которая описывает роль меньшинств в функционировании сложных систем. Он пришёл к выводу, что, когда численность бескомпромиссно настроенного меньшинства определённого типа достигает какого-то порогового уровня, кажущегося на первый взгляд незначительным (достаточно 3–4% от общей численности населения), остальным приходится подчиниться их предпочтениям. При этом одновременно с доминированием меньшинства возникает иллюзия, что в обществе господствует выбор и предпочтения большинства. Эта концепция была многократно подтверждена опытом «цветных революций» в разных странах, когда законная власть свержалась усилиями небольшой, но активной и агрессивной части общества, которая уверовала в то, что она — цвет нации, самая продвинутая её часть и, в отличие от большинства сограждан, одна видит верный путь к светлому будущему.

Именно такими носителями «высших знаний», почти мессиями возомнила себя небольшая группа ненавидевших советский строй «реформаторов» 90-х и их прилежных учеников, при активной поддерж-

ке Запада установивших в России под лозунгами свободы, демократии и прав личности настоящую либеральную диктатуру. Они рассматривают народ как недостойную, косную варварскую массу, которая только тормозит движение страны к прогрессу и процветанию, а потому её интересы и ценности можно и нужно игнорировать. По «просвещённому» мнению этой «элиты», которое озвучил Д. Гордон, вменяемыми и думающими людьми являются не более 10% населения. Вспомним заявление Л. Гозмана, идеолога Союза правых сил, поработавшего в 90-е годы советником в правительстве Гайдара, советником Чубайса, научным сотрудником Международного центра Вильсона в Вашингтоне: «Либеральные реформы проклинают 90% населения. Не важно. Зато мы в них верим». «Не вписавшихся в рынок» Чубайсу, как известно, было не жалко, вымрут — новые вырастут... Как пишет С.Г. Кара-Мурза, «реформаторы» ставили перед собой «цель полного уничтожения специфической российской цивилизации, возродившейся после 1905–1917 годов в облике СССР». Причем стоит задача такого уничтожения, чтобы ни в одной общественной структуре, вплоть до поликлиники или детского сада, не осталось гена этой цивилизации (для простоты реформаторы называют это «геном коммунизма»). В ироничном стихотворении «Русскому либералу», написанному в 1831 г., А. С. Пушкин так писал о них:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

В «лихие девяностые» провозглашённая свобода и полное отсутствие контроля над обществом со стороны государства породили в стране полный хаос и беспредел. Проклинающие эти «реформы» 90% граждан оказались свободны лишь на бумаге, а на деле (лишённые гарантированных прав, сбережений, образования,

здравоохранения и уверенности в завтрашнем дне) были зажаты в жёсткие рамки и вынуждены играть по правилам, установленным меньшинством. Распихивая по карманам в условиях созданного ими хаоса общенародное достояние, установившее либеральную диктатуру меньшинство действовало без оглядки на «лузеров», «не вписавшиеся в рынок» вымирали. Население России сокращалось на 600–800 тыс. в год.

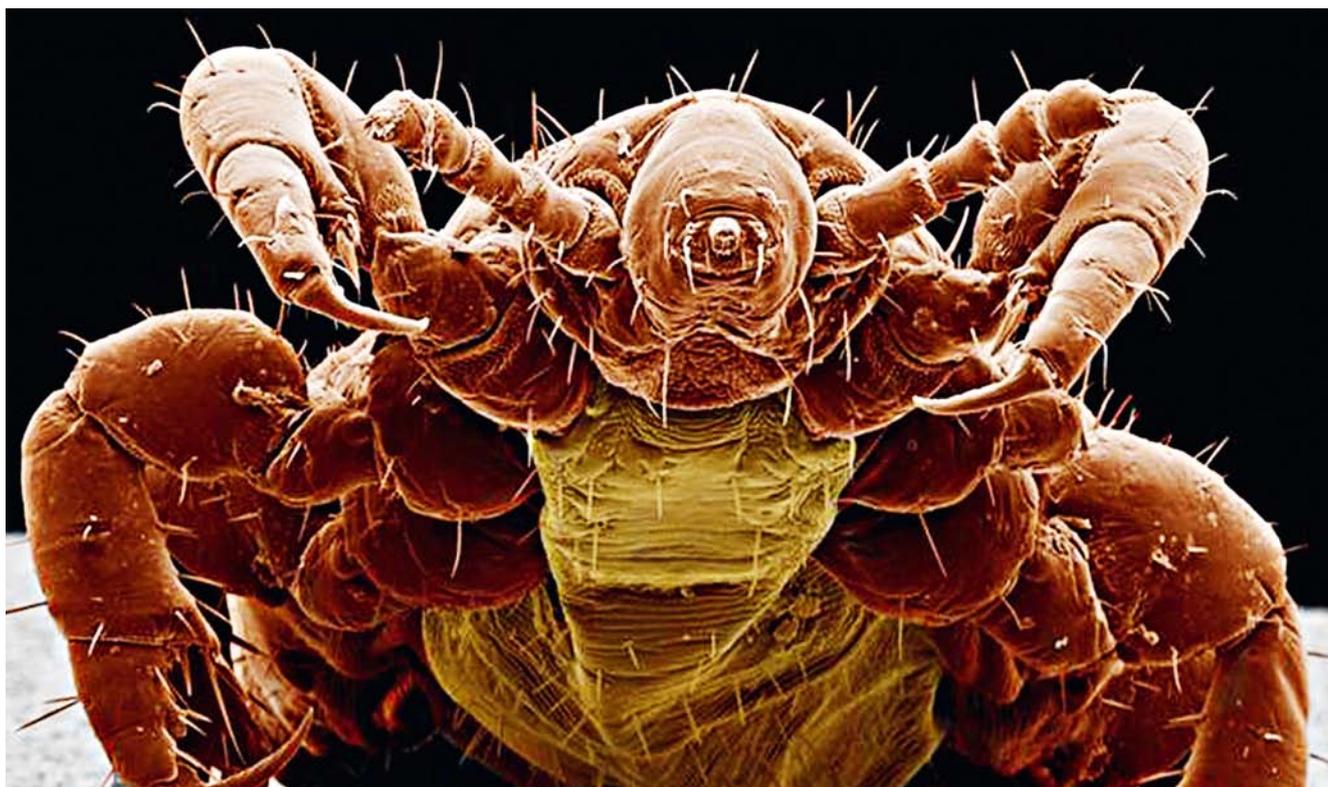
По мере постепенного наведения порядка в стране «реформаторы» поделили «среди своих» экономику, политику, средства массовой информации. Ситуация «упорядочилась», и сложился симбиоз крупного бизнеса с государством, в котором второе обеспечивает первому доступ к «освоению» бюджета, правовую и административную защиту от претензий со стороны народа — в обмен на участие в бизнесе и обогащение высшего чиновничества. Вместо фор-

мирования политической системы, ориентированной на согласование интересов всех социальных групп, произошло слияние олигархии с высшим чиновничеством. Для баланса интересов в самом конце 90-х, ещё при Ельцине большие полномочия получила силовая элита. В нулевые годы политологи заговорили о двух «башнях Кремля», двух элитных группировках: патриотическая путинская (силовики), опирающаяся на поддержку народа, и прозападная (либералы). Путин держит баланс с либералами из правительства и ЦБ РФ, не начиная с ними конфликт и позволяя им последовательно проводить рекомендованную МВФ неолиберальную политику в интересах мировой финансовой олигархии, которой явно не нужен конкурент на мировых рынках в лице России. Правительство увеличивает налоговую нагрузку, а ЦБ изымает наличность из экономики, перекрывая

доступ российским предприятиям к долгосрочным кредитам. Народ продолжают кормить обещаниями, патриотической риторикой и задабривают всё новыми праздниками (Медведев уже договорился до четырёхдневной рабочей недели). Подконтрольные властям СМИ представляют государство защитником народных интересов и постоянно внушают, что нет ничего важнее стабильности. Властвующую элиту абсолютно всё в этой схеме устраивает, поскольку она свой «проект» успешно реализовала и преобразование ей не нужно. Поэтому вся политическая система (неограниченная свобода для избранных и жёсткое ограничение прав для всех остальных) заточена на то, чтобы ничего не менять.

Исправно работает механизм по десуверенизации и деиндустриализации России. На низовом, т.е. оперативно-тактическом, уровне

ключевые государственные решения принимаются в интересах сырьевого олигархата, финансовых спекулянтов, приближённых к власти криминальных структур, а также самих коррумпированных чиновников. Таким образом, создаются новые возможности по перераспределению нефтедолларов и бюджетных потоков в карманы офшорной аристократии. Разрушение единой энергосистемы, приватизация ЖКХ, коммерциализация образования и здравоохранения, скрытый демонтаж РАН, монетизация льгот, бесконечная череда опустошительных пенсионных реформ, — все эти и многие другие действия предпринимались чиновниками с целью личного обогащения и создания центров прибыли для приближённого к ним бизнеса. На более высоком уровне: системном, или стратегическом, — ключевые государственные решения, в конечном счёте, принимаются в интересах транснационального капитала, глобального бизнеса, представителей политического и, прежде всего, финансового истеблишмента Запада, что означает десоверенизацию Рос-

сии и закрепление за ней статуса сырьевого придатка

Перед саммитом G20 в Осаке президент Путин в интервью Financial Times неожиданно заявил о конце эпохи либерализма. «Либеральная идея устарела. Она вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения». Но о либерализме Путин говорил, прежде всего, с точки зрения сосуществования разных культур и народов. По его словам, либерализм на Западе «пережил свою цель», когда общественность выступила против иммиграции, открытых границ и мультикультурализма. Однако либерализм — отнюдь не только политическая практика в отношении мигрантов, а целая идеология и связанная с ней экономическая модель развития. Осталось неясным, понимает ли президент, что в России в противоречие с интересами подавляющего большинства населения вступила, прежде всего, экономическая политика контролируемых либералами правительства и Центробанка. Что без кардинального пересмотра этой политики, без за-

мены премьера и ключевых фигур в экономическом блоке правительства Россия обречена откатиться на обочину истории и отстать от развитых стран навсегда. Да, высказывания президента можно трактовать как знак грядущих перемен. Но, видимо, на этот счёт не стоит особо обольщаться.

ПЕРЕМЕНЫ ВСЁ ЖЕ ГРЯДУТ?

В преддверии единого дня голосования 8 сентября социально-политическая обстановка в стране с каждым днём становится всё тревожнее. Ни одна из ключевых проблем страны не решена, об экономике приходится говорить исключительно в терминах «кризис», «застой», «стагнация», «рецессия» и, как однажды выразился кто-то из правительства, чуть ли не лично премьер, «отрицательный рост». Население, особенно — пассионарная молодёжь, всё острее ощущает: этот «общепримиряющий бег на месте» ведёт в тупик. Доверие к власти стремительно тает. В таких «новациях», как пенсионная реформа, мусорный налог, оплата ка-

ремонта, — граждане усматривают желание переложить все трудности на человека труда и решать все проблемы правящей элиты за счёт населения. Эту точку зрения разделяют многие западные эксперты, отмечая, что правительство Д. Медведева для обычных россиян является большей угрозой, чем все санкции, вместе взятые. Первый вице-премьер А. Силуанов жалуется, что политика правительства не находит поддержки среди россиян. А населению налоговые новации правительства всё больше напоминают Принца Лимона из сказки Джанни Родари «Чипполино»: «За последнее время доходы нашего государства уменьшились. После того как был введён налог на воздух, вы стали меньше дышать. Это возмутительно! Теперь мы вводим новый налог на осадки: за простой дождь — 100 лир, за проливной — 200 лир, за дождь с громом и молнией — 300 лир. Молчаааать!»

Ещё хуже ситуация у возглавляемой Медведевым «партии власти». Даже такие официальные социологические службы, как ВЦИОМ и ФОМ, показывают, что рейтинг поддержки «Единой России» составляет сегодня не более 30%, а в реальности он ещё ниже. На выборах в Мосгордуму электоральная поддержка кандидатов «медведей» составляет, согласно данным ВЦИОМ, не более 22%. Но даже 22% сегодня — это поразительный рейтинг, если вспомнить «Манифест» «Единой России», опубликованный в «Независимой газете» в декабре 2002 г. Он гласил, что в 2005 г. каждый гражданин России будет получать свою долю от использования природных богатств нашей страны; в 2006 г. у каждого будет работа по профессии; в 2008 г. каждая семья будет иметь собственное благоустроенное жильё, достойное третьего тысячелетия, вне зависимости от уровня их дохода; в 2010 г. будет построена транспортная магистраль Санкт-Петербург—Анадырь, Брест—Владивосток—Токио и другие; к 2017 г.

Россия будет лидером мировой политики и экономики. Как говорится, комментарии излишни. Результат на выборах «партия власти» обеспечивает, мобилизуя голоса за себя армии, полиции, медиков и всех прочих «бюджетников», что ещё больше усиливает давление на частный бизнес. Свидетельством утраты доверия к «Единой России» является тот факт, что на предстоящих выборах (в том числе глав регионов) большинство её членов зарегистрировались как самовыдвиженцы.

Уже почти год снижаются и рейтинги президента. Согласно недавним исследованиям социологов, почти 40% опрошенных заявляют, что не хотят видеть его на этой должности после 2024 г., и уже менее четверти выражают уверенность в том, что он может справиться с проблемами страны.

Необоснованные и откровенно антинародные шаги российской власти создают фундаментальную почву для недовольства и протестов. Зашкаливающий рост социального неравенства «электризует» общество, в первую очередь — молодёжь. Если в 1997 г. журнал Forbes насчитал в России шесть долларовых миллиардеров, то к 2019 г. их число на фоне постоянного роста числа бедных увеличилось до 100 («золотой сотней» назвал их журнал). Ещё Аристотель — а это IV век до нашей эры! — в своём учении о государстве писал, что чрезмерное богатство нарушает стабильность общества. Один из основоположников теории социальной стратификации Питирим Сорокин предупреждал, что при таком уровне неравенства, который мы наблюдаем сегодня в России, общественная система перекашивается и достигает предела, при котором стабильность общества нарушается.

Чуткие к настроениям Запада либералы, мечтающие о возвращении себе всей полноты власти, которой они обладали в 90-е, начали раскачивать ситуацию. По всем признакам, ими взят курс на свержение власти Путина. Участились разговоры о том,

что силовики зажимают крупный бизнес. На экранах ТВ всё чаще мелькает устраивающий Запад в качестве промежуточной фигуры Медведев. В июне о возможности социального взрыва в связи с уровнем бедности заявил записной либерал А. Кудрин. Тот самый Кудрин, который говорил, что если россияне будут больше работать и меньше получать, то тогда иностранные инвесторы будут в большей мере заинтересованы в том, чтобы вкладываться в Россию. Интернет наполнился разговорами о трансформации режима и о неизбежности его краха.

Нынешним летом: 14, 20 и 27 июля, а также 3 и 10 августа, — в Москве прошли громкие акции протеста «несистемных» либералов с политическими требованиями, в том числе — об отставке президента и смене власти в стране. Эти акции показали, что прозападная либеральная оппозиция в России резко активизировалась, и с помощью интернет-технологий ей удалось привлечь в свои ряды значительную часть политически активной молодёжи.

Сложившаяся ситуация по некоторым признакам напоминает и канун Февральской революции 1917 года, и август года 1991-го.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕВАНШ?

Из всего вышесказанного вытекает вопрос: возможен ли для России в ближайшей перспективе либеральный реванш и к чему он приведёт?

По мере обострения экономической и внутривластной обстановки в стране существует большая вероятность того, что беснование либералов может привести к самому тяжёлому для народа варианту развития событий. Что же касается последствий, то ещё не случалось в истории революций, после которых население начинало жить лучше, чем до неё. Выпускаемые революцией бесы всегда разрушают всё и вся. Понятно, что в случае своей победы либерально-демократическое мень-

шинство в условиях устроенного ими хаоса займётся захватом государственной собственности и переделом уже захваченного... Но сможет ли оно удержать захваченную (допустим самое худшее) власть? Берусь утверждать, что нет, не сможет.

В России либеральные идеи появились в XVIII веке и получили своё развитие в веке XIX. Многие выдающиеся русские писатели: Пушкин, Тютчев, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Достоевский, — чувствовали в них опасность, которая может сделать русских народом второго сорта. После Февральской революции 1917 г. либералы пришли к власти, составив большинство во Временном правительстве, но быстро потеряли популярность из-за пустой болтовни о демократии в условиях войны и системного кризиса. Как пишет С. Г. Кара-Мурза: «Потому народ и отшатнулся от белых, что почувствовал — не они соберут Россию, а красные. А за белыми — хотели того или нет идеалисты-прапорщики — вползали мародёры всего Запада, с Японией в придачу». Октябрь 1917 года положил конец либеральной идеологии в России. «Мародёры всего Запада» вползали в Россию и в «лихие девяностые», после победы «младореформаторов». В обоих случаях, как предвидели русские классики, весь смысл российского либерализма состоял в его борьбе против России, в стремлении ликвидировать духовные и материальные основы жизни нашего народа, в разграблении природных богатств и в расчленении нашего государства.

Попытка втянуть Россию в периферию большого западного общества и заставить жить по чужим законам, вопреки собственным историческим и культурным традициям, привела к огромным страданиям большинства народа и превратила страну в хищнически эксплуатируемую и колонизируемую территорию. Но насаждение в России неолиберальной идеологии, с её культом индивидуализма, заботы исключительно о личном благополучии,

наткнулось в России на традиционное солидарное общество, которое в русской философии осмыслено как «соборность». Этот термин означает свободное духовное единение людей: как в церковной жизни, так и в мирской общности, — сотрудничество в братстве и любви. Аналогов в других языках этот термин не имеет. Иван Александрович Ильин определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его «организованным единением духовно солидарных людей». Именно такое государство было необходимо необъятной северной России для выживания и обеспечения своей обороноспособности. Соборность, проявленная в том числе в форме советского коллективизма, коренным образом отличает русско-православную цивилизацию от западной, где в основу модели устройства общества положена система противостояний, конкуренции и борьбы, якобы необходимых для прогресса (по Гоббсу, «война всех против всех»). Именно поэтому в России либералы всегда будут в меньшинстве, что подтверждается униженно низким результатом всех правых партий на выборах любого уровня.

В 2016 году Анатолий Чубайс, выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме, сказал: «Я считаю, что нам удалось привнести или принести в Россию либерализм, но нам не удалось создать российский либерализм. Наш либерализм по-настоящему российским не стал». И это действительно так.

Добавлю к словам Чубайса, что либерализм и не мог стать российским по причине его подчинённости интересам Запада и враждебности коренным интересам народов России. На двадцать пятом году осуществления либеральной политики либералы с изумлением обнаружили, что россияне так и не признали итогов приватизации, что для большинства граждан России Советский Союз — не вселенское Зло, а по-прежнему огромная ценность, а его крушение — геополитическая катастрофа.

Впрочем, либерализм враждебен интересам не только России, но и всего человечества, представляя собой худшую из возможных диктатур — диктатуру денежного мешка, сменившего ветхозаветного «золотого тельца». Либерализм — это диктатура узкой группы лиц и принадлежащих им корпораций, которые действуют исключительно в своих корыстных интересах, пренебрегая интересами страны и народа. Эта узкая группа лиц диктует обществу экономические, финансовые, политические и другие правила, формирует общественное мнение и сознание людей, насаждая потребительские ценности. При новейшей форме либерализма — неолиберализме эта узкая группа (ТНК и финансовый капитал) диктует свои безжалостные правила всему человечеству.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц, ставший одним из самых активных критиков неолиберализма, пишет: «После десятилетий стагнации или даже падения доходов у тех, кто находится ниже, неолиберализм должен быть объявлен почившим в бозе». Он говорит о том, что необходимо бороться с влиянием капитала на политику, на решения, определяющие судьбы государств.

Есть ли альтернатива этой диктатуре либерального меньшинства?

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

В марте 2016 г. в опубликованной в газете «Завтра» статье «Момент истины» я писал о том, что президенту России необходимо устранить существующее неразрешимое противоречие между проводимой суверенной внешней политикой и полностью зависимой экономической политикой, что четверть века уже была потеряна для реального развития нашей страны, а потеря ещё 4–5 лет может стать катастрофической. Смена нынешней либеральной модели развития может быть осуществлена только свежими силами. Пересаживание известных персонажей на новые

стулья, так же, как и выдёргивание отдельных предложений из новых стратегий, — ничего не даст.

Через два года Путин был избран на новый срок, а для осуществления обещанного народу «рывка» в экономике, к глубокому разочарованию большинства населения страны, сохранил премьер-министром всё того же Медведева. Все надежды на левый поворот во внутренней политике, о необходимости которого писали перед президентскими выборами многие аналитики, оказались похоронены. Вместо «рывка» страна продолжила топтание на месте, что с каждым днём увеличивает число недовольных и рассерженных граждан.

Чтобы избежать перерастания массового недовольства в социальный взрыв, необходимо, пока ещё не поздно (и здесь «промедление смерти подобно»), отказаться от либеральной модели развития, ориентированной на интересы отечественной олигархии и западного капитала. Только левый поворот в экономике и социальной политике может вернуть власти доверие народа. Россия — традиционно левая страна, и как бы ни старались либералы, даже сегодня, согласно опросам ФОМ, сторонников социалистических взглядов в стране в полтора раза больше, чем либеральных, в том числе — среди молодёжи. Почти три четверти опрошенных молодых россиян выступают за государственную собственность на крупные предприятия, сторонников частной собственности оказалось всего 17%.

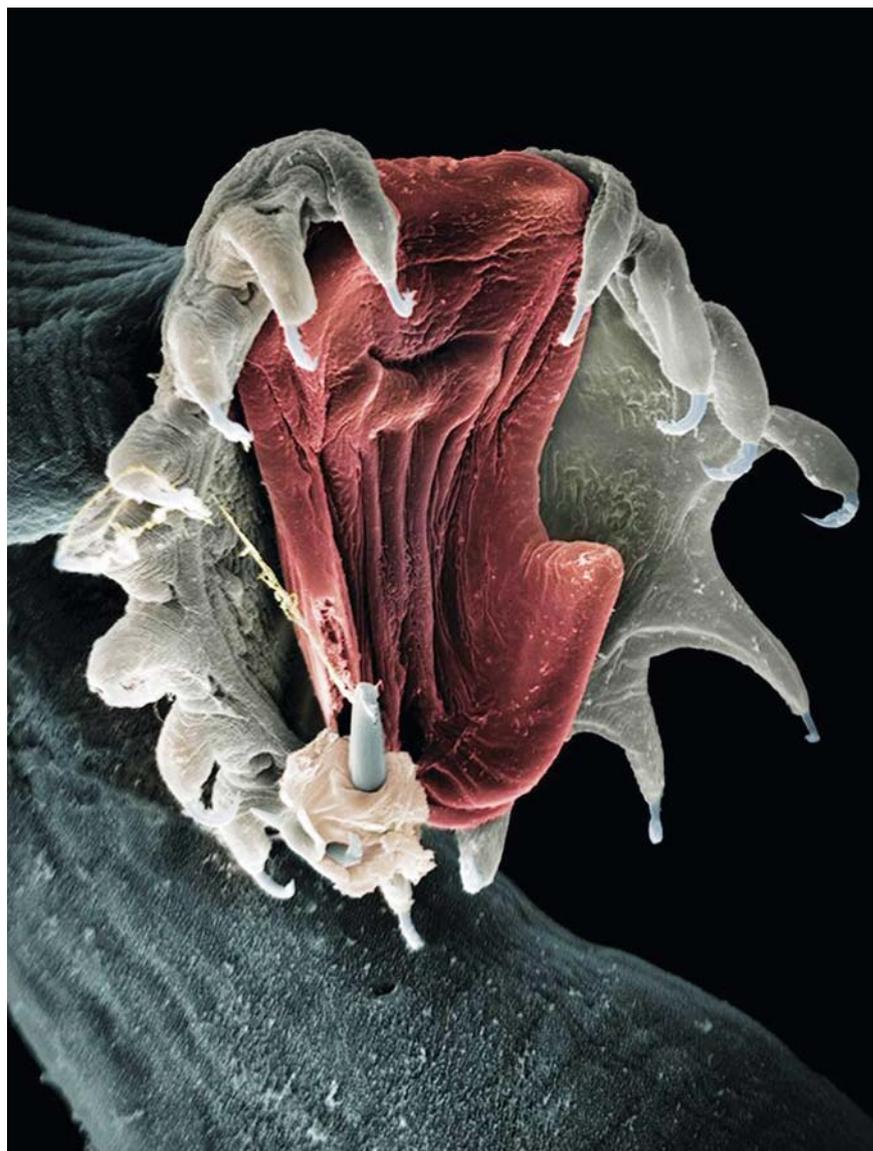
Научно обоснованные программы реализации важнейших для страны задач экономического роста и технологической модернизации предлагаются и КПРФ, и учеными РАН (в частности, С. Ю. Глазьевым в его «Стратегии опережающего развития»), и предпринимателями левоконсервативного толка, которые концентрируются вокруг РГПП, МЭФ и других научных центров. В России очень много талантливых, умных, профессионально подготовленных

людей, которые сейчас не востребованы властью, где продолжают править бал сторонники либеральной матрицы. Другие там не нужны.

Древние мыслители ещё на заре человечества писали о порче власти. Известный немецкий учёный и инженер Герман Оберт (один из основоположников современной ракетной техники) на склоне лет пришёл к выводу, что власть часто становится «какократией». Термин он образовал от греческого слова «какос», что значит «плохой». В 1976 г. он издал брошюру под громким названием «Какократия, всемирный враг № 1» (до сих пор не переведённую на русский язык). Эта «власть худших» устроена на негативном отборе

членов элитных групп и противодействует попаданию в точки принятия решений людей, способных выбрать из всех возможных решений оптимальное. Поскольку либеральная власть печётся лишь об интересах меньшинства, она неизбежно становится какократической.

У президента России пока ещё есть все возможности и инструменты, чтобы побороть «врага № 1» и осуществить левый поворот в интересах большинства населения России мирным способом, «сверху», пока есть на кого опереться. В случае промедления социальный взрыв будет гарантирован, со всеми вытекающими из него и тяжёлыми для нас последствиями...

/ Александр ДОМРИН /

«Прогрессизм», бессмысленный и беспощадный

«Консерватора можно оскорбить ложью;
либерала — тем, что говоришь правду».

Современная американская поговорка

«ПРОГРЕССИСТЫ» И ТРАМП

В начале августа 2019 года в американских социальных сетях бурное обсуждение вызвало заявление левацкой активистки и голливудской актрисы Розанны Аркетт, известной, в частности, по фильмам «Криминальное чтиво», «Голубая бездна», «Баффало 66», «Девять ярдов» и другим. Она была одной из первых актрис, начавших травлю кинопродюсера Харви Вайнштейна. «Простите меня за то, что я была рождена белой в привилегированной семье, — пишет Аркетт. — Это отвратительно! Я чувствую такой позор!» (мать актрисы — польская еврейка; отец — франко-канадец, перешедший из католицизма в ислам: взрывная смесь! высокие отношения!)

«Не чувствует она никакого стыда, — цитирует газета одного из своих читателей. — Она просто хотела показать, насколько она прогрессивна». «Прогрессивна» — запомним это слово.

Другие комментаторы советовали актрисе, если её слова были сказаны всерьёз, передать все свои киногонорары благотворительным фондам (чего она пока делать не собирается), сделать пластическую операцию и изменить цвет кожи на чёрный) или... попросту похмелиться!

«Афроамериканка» по материнской линии герцогиня Меган Маркл в самом первом политическом интервью в качестве члена британской королевской семьи призвала «деколонизировать университетские программы» и нанимать на работу профессорами больше «чёрных женщин» вместо «бледных (уничжительный синоним слова «белый». — Авт.) и тухлых мужчин». Неудивительно, что сохранившая своё американское гражданство жена принца Гарри, герцогиня Сассекская, является горячей сторонницей Хиллари Клинтон и демонстративно

отказалась принимать участие в публичных церемониях по случаю визита в Великобританию президента США Дональда Трампа в июне 2019 года.

Высказывания Меган Маркл мало отличаются от оценки Трампа со стороны мэра Лондона (пакистанца по происхождению, известного своими происламистскими взглядами) Садики Амана Хана, накануне визита президента США в Соединённое Королевство в левацкой The Guardian, обвинившего Трампа в «сознательном использовании ксенофобии, расизма и разобщения в качестве тактики своей избирательной кампании» и сравнившего его с «европейскими диктаторами 1930–1940 годов».

В марте 2016 года группа активистов Стэнфордского университета, известная как Коалиция «Кто нас учит?» (Who's Teaching Us Coalition), подготовила обращение к руководству университета и студентам с рядом требований. Кроме традиционной мантры леваков, характерной для многих других университетов США, «нанять как минимум 10 дополнительных преподавателей по этническому образованию с обязательством сохранять этих преподавателей, отдавая приоритет недопредставленным (underrepresented) группам в рамках программ этнических исследований» (иными словами: не увольнять их, даже если они окажутся абсолютно бездарными преподавателями. — Авт.), «коалиция» выдвинула ещё более радикальное требование. Дословно: «чтобы следующее назначение на должность президента и проректора (provost) университета разрушило наследие белого мужского цисгендерного лидерства». Напомню, что термин «цисгендер» или «цисгендерность» (от лат. cis — «по эту сторону» и англ. gender — пол) — гендерная идентичность, обозначающая людей, чей социальный пол (гендер) совпадает

с биологическим. Цисгендер противопоставляется трансгендеру (префикс trans- означает «по ту сторону»). Аналогично циссексуальность (циссексуал) противопоставляется транссексуальности (транссексуалу). Иными словами, «активисты» хотят запретить назначать на должности высшего руководства Стэнфорда белых мужчин, как и мужчин другого цвета кожи, если только те не являются трансгендерами.

Мадлен Олбрайт (из чешских евреев Корбелей), бывший госсекретарь США (во время второго президентского срока Билла Клинтона, 1997–2001 гг.), председатель совета директоров «Национального демократического института» (National Democratic Institute), «большой друг России» и доверенное лицо Хиллари Клинтон в ходе президентской кампании 2016 года, пригрозила американским женщинам, голосующим за Трампа, что «им всем найдётся особое место в аду» (a special place in hell).

Ей вторила лидер американских «радикальных феминисток» конца 1960-х — начала 1970-х гг. (и агент ЦРУ в 1950–1960 гг.) Глория Стайнэм, также активно включившаяся в избирательную кампанию Клинтон. 21 января 2017 года, на следующий день после вступления в должность президента Трампа Стайнэм стала соорганизатором «Марша вагин на Вашингтон». По сути, предвыборные речи Стайнэм сводились к следующей мантре: «Быть феминисткой означает доверять женщинам думать своей головой! Но если вы не думаете, как мы, и не проголосуете за Хиллари, то вы потаскухи безмозглые!» Сама Хиллари Клинтон ровно за два месяца до выборов заявила, что «половина избирателей Трампа — это быдло» (deplorables)!

Когда в ходе президентской избирательной кампании 2008 года (еще более провальной для неё,

чем выборы 2016 года) она проиграла номинацию от Демократической партии Бараку Обаме, её спросили, считает ли она себя «либералом», Хиллари ответила: «Нет! Я предпочитаю слово «прогрессист».

Экономический обозреватель The New York Times Пол Кругман, по недоразумению ставший лауреатом Нобелевской премии, не только называет себя «прогрессистом». В годы президентства Обамы он заявил комментатору Чарли Роузу на телеканале Public Broadcasting System (PBS): «У нас есть шанс, реальный шанс положить начало новой прогрессивной эре».

О степени адекватности и обьективности Кругмана можно судить по его комментарию, опубликованному уже на следующий день после президентских выборов 2016 года: «Для экономики, как и для всего остального, только что случилось просто ужасное». К большому сожалению Кругмана, это оказалось не так: экономика США при Трампе растёт небывалыми темпами, созданы миллионы новых рабочих мест, занятость женщин — самая высокая за 50 лет, а безработица среди чернокожих и испаноязычных — самая низкая за всю историю американской статистики!

НЕТ СЛОВА — НЕТ ЯВЛЕНИЯ?

25 сентября 2019 года Комиссия по правам человека в Нью-Йорке приняла Руководство по правоприменению (Legal Enforcement Guidance) о криминализации термина «нелегальный иностранец» (illegal aliens). Иными словами, Стингу, бывшему лидеру группы The Police, можно петь свою знаменитую песню со словами: «Я — иностранец. Я — легальный иностранец. Я — англичанин в Нью-Йорке». (I'm an alien. I'm a legal alien. I'm an Englishman in New York). А вот «нелегальных иностранцев» теперь называть таковыми нельзя под угрозой уголовного преследования!

Комиссия права, когда говорит, что примерно 3,2 миллиона жителей Нью-Йорка были рождены за пределами США, что составляет 37% насе-

ления города. 1,4 миллиона (или 16%) жителей Нью-Йорка не являются гражданами США. Родители более половины детей города были рождены за пределами США. У 60% ньюйоркцев есть хотя бы один сосед-иммигрант.

Всё верно! Но означает ли это, что в Нью-Йорке, как и по всей Америке, нет лиц, проникших на территорию страны нелегально? Нет, не означает. Только согласно официальной статистике — уверен, что реальная цифра значительно выше, — в 2017 году в США находились 10 с половиной миллионов нелегалов, что составляет 3,2% населения страны. Почти половина из них (47%) — мексиканцы. Примерно две трети нелегалов находятся на территории страны более десяти лет.

Отчего же тогда «нелегальных иностранцев» нельзя называть таковыми? По мнению Комиссии по правам человека Нью-Йорка, термин «иностранец» (alien) или «не гражданин» (noncitizen) «может иметь негативные коннотации и дегуманизировать иммигрантов, отмечая их как «иных» (other)». Более того, использование термина «незаконный иностранец», отказ в приёме на работу нелегала, отказ в сдаче ему жилья и прочей «дискриминации» отныне наказываются штрафом в размере 250 тысяч долларов. Получается, как в детской песенке: «Попа — есть, а слова — нет!»

Выступая в августе этого года в программе «Надёжные источники» (Reliable Sources) на телеканале CNN, бывший глава департамента психиатрии Медицинской школы престижного Дьюкского университета Аллан Фрэнсис заявил, что действующий президент США может быть виновен в большем числе смертей, чем Адольф Гитлер, Иосиф Сталин и Мао Цзэдун. Приведу цитату целиком: «Называть Трампа безумцем — значит скрывать тот факт, что мы сами безумны, поскольку избрали его. И мы ещё более безумны, поскольку разрешаем ему проводить его безумную политику. Трамп в этом столетии столь же разрушителен (destructive), как Гитлер, Сталин и Мао были в прошлом веке. Он может быть ответственным за много миллионов смертей больше, чем они. Его нужно сдерживать; его политику надо атаковать».

«ОДУРЕЛА» ЛИ АМЕРИКА?

Не знаю, насколько вменяем психиатр Фрэнсис, который, сам того не зная, фактически повторил слова Юрия Карякина: «Россия, ты одурела» после выборов в Госдуму 1993 года, но американский народ, проголосовавший за Дональда Трампа в 2016 году, точно знал, что он делает! Из примерно 3100 «графств» (counties), «районов» (boroughs), «приходов» (parishes), «независимых городов» (independent cities), на которые делятся американские штаты, за Трампа — в здравом уме и трезвой памяти — проголосовали более чем в 2600 из них; за Хиллари — только примерно в 490. На сторону Трампа перешли избиратели 220 округов, которые в 2012 г. голосовали за Обаму. Хиллари перетянула на себя всего 17 округов, голосовавших на предыдущих выборах за республиканца-мормона Митта Ромни (иное дело, что избиратели Клинтон сосредоточены в значительно более плотно заселённых регионах и урбанистских центрах атлантического и тихоокеанского побережья США).

Список можно продолжать до бесконечности! Но все эти примеры складываются в одну картину: тотального «прогрессизма» как социальной болезни в США и в странах современного Запада в целом.

Перефразируя классическое определение империализма В.И. Лениным, прогрессизм можно назвать высшей стадией дегградации либерализма.

К 2015 году у значительной части населения США и национального бизнеса, действующего в реальном секторе экономики, произошло осознание того, что страна находится под оккупацией международных финансовых спекулянтов. Термин «оккупация» не должен никого смущать. Именно он применим к США в настоящий момент. Страна не принадлежит себе. Её «угнали», как угоняют самолёты. Америка принадлежит финансовым спекулянтам, мировой закулисе, у которой нет такого понятия, как «Родина», потому что Родина для них только одна — зелёная, по цвету доллара. Ставленни-

ками этих сил были Барак Обама и его предполагаемая сменщица Хиллари Клинтон. А Дональд Трамп с самого начала своей избирательной кампании напоминал своей стране и всему миру, что Америка раньше была страной людей дела, творящих реальные ценности, а не пустую бумагу, и что он хочет вновь сделать её такой!

Избирательная кампания Хиллари была построена на беспрецедентной лжи. И это касалось не только пресловутых русских хакеров. Трампа и его сторонников обвиняли в расизме, гомофобии, антиислализме, сексизме и прочих «измах».

Это неправда. За Трампа проголосовали те, кто устал от политкорректности, от привилегий разного рода меньшинствам. Проголосовали занятые в реальном секторе рабочие, фермеры, инженеры, которым надоело, что налоги, которые с них дерёт федеральное правительство, уходят на пособия цветным бездельникам, которых даже работать нельзя заставить, не рискуя быть обвинёнными в расизме.

Здоровые чувства здорового американского большинства не приемлют превращения их великой страны в помойку мультикультурализма.

90–95% корпоративных СМИ в США работали на Хиллари, агитировали против Трампа. Название телеканала «CNN» американцы давно уже стали расшифровывать как «Clinton News Network». Накануне голосования 8 ноября 2016 года журнал Newsweek успел отпечатать и разослать по газетным киоскам 125 тысяч экземпляров номера, посвящённого победе Хиллари Клинтон.

Но реальность оказалась иной. Против чего проголосовали в Соединённых Штатах, против каких, связанных с Хиллари Клинтон и другими сторонниками «прогрессизма», тенденций в жизни своей страны?

«ПРОГРЕССИЗМ» И «ПРОГРЕССИВИЗМ»

Дабы избежать путаницы, сразу оговорю, что в западной историографии есть устоявшееся понимание «прогрессивизма», который не совпадает

с современным феноменом «прогрессизма».

Первоначальные прогрессивисты начали активно применять к себе слово «прогрессивный» с 1909 года. В Великобритании прогрессивистов могли называть «новыми либералами», «фабианцами» или «коллективистами».

«Прогрессивной эрой» принято считать период в истории США (1900–1914), в течение которого формировалось движение среднего класса против монополий под лозунгом прогрессивных преобразований. В Америке прогрессивисты были известны как реформаторы или даже радикалы. Прогрессивистские настроения были распространены как в Республиканской партии, так и в Демократической. Прогрессивисты были известны своей борьбой против трестов и монополий, за запрещение детского труда и государственное регулирование мясопереработки, производства лекарственных средств и торговли между штатами.

Прогрессивная партия, как третья партия в устоявшейся двухпартийной системе, возникла в США в XX веке трижды: в 1912, 1924 и 1948 гг. Первая была связана с именем Теодора Рузвельта, вторая — с именем сенатора от штата Висконсин Роберта Лафо-

летта, третья — с именем Генри Уоллеса, вице-президента США в третьей администрации Франклина Делано Рузвельта (1941–1944). Первые две не представляют особого интереса, поскольку были вызваны сугубо технической проблемой взаимоотношений Тедди Рузвельта и Лафолетта с их собственной Республиканской партией. Лидер третьей Прогрессивной партии мог кардинально повлиять на американо-русские и международные отношения в послевоенном мире.

Генри Уоллес, единственный в истории США вице-президент из штата Айова, долгое время (не всегда) был другом Советского Союза. Дружил с Николаем Рерихом и в качестве министра сельского хозяйства США (1933–1940 гг.) финансировал его экспедиции на Тибет. В середине 1944 года посетил с секретной миссией СССР и Китай. На президентских выборах 1944 года в первом туре Национальной конвенции Демократической партии он одержал победу, но во втором туре из-за сговора партийного руководства уступил всего несколько голосов Гарри Трумэну (как это напоминает выборы 2016 года и сговор руководства демпартии против Берни Сандерса в пользу Хиллари Клинтон! — Авт.) Остальное —

история, которая не знает сослагательного наклонения. 12 апреля 1945 года Рузвельт умер, и президентом США стал русофоб Трумэн. В 1948 году Уоллес попытался взять реванш на прогрессивной, просоветской платформе, но в условиях холодной войны потерпел сокрушительное поражение.

Современный прогрессизм в США не имеет ничего общего с демократией как властью народного большинства. Он делает ставку на шумные меньшинства. По сути, либералы в Демократической партии черпают вдохновение у террористов: для угона огромного лайнера не требуется голосования пассажиров; достаточно небольшой организованной группировки вооружённых людей.

Нигде низвержение традиционной морали не заметно так отчётливо, как в отношении к гомосексуализму. В годы Второй мировой один из руководителей Госдепартамента США Самнер Уэллс был уволен за сексуальные приставания к двум чёрным проводникам в поезде. Восходящая звезда Республиканской партии Роберт Бауман потерял место в Конгрессе, когда стало известно о его связи

с 16-летним проститутком. Это было не так давно — в 1980 году.

А что теперь? Уже в 1983 году первый откровенный гей-конгрессмен Джерри Стаддс признал обвинения специальной комиссии Палаты представителей в том, что совратил своего 17-летнего помощника, однако повторно выдвинул свою кандидатуру от Массачусетса — и был благополучно переизбран в этом либеральном штате ещё шесть раз! (уже после его смерти в 2006 году против Стаддса было возбуждено уголовное дело по факту его приставаний к школьникам в школе Святого Павла, где он работал учителем в 1960-е гг.).

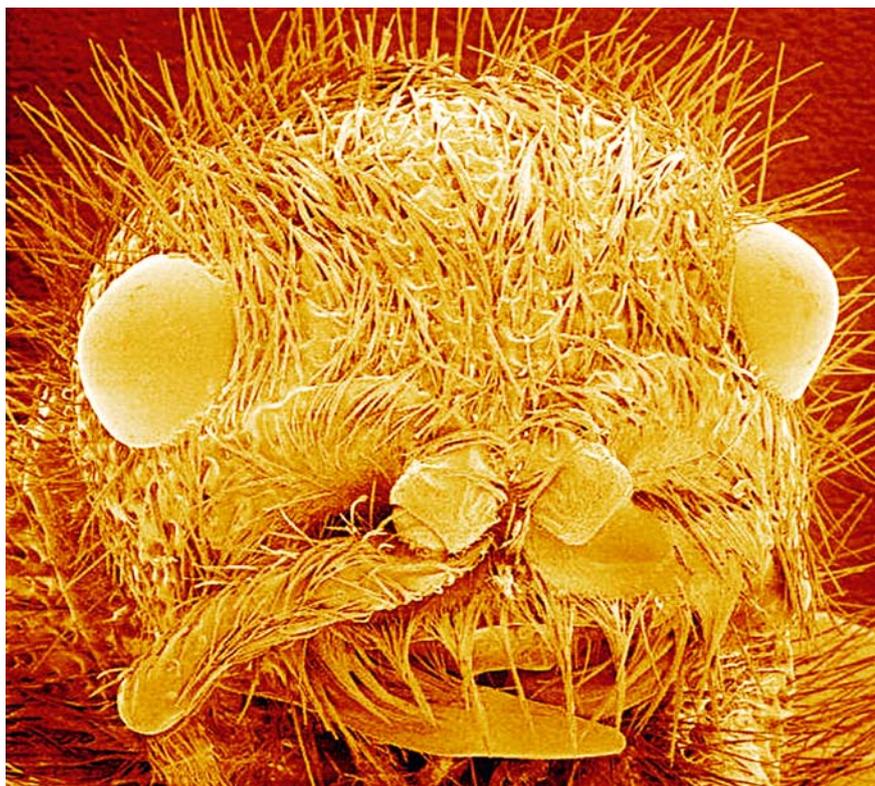
В 1985 году другой конгрессмен-демократ от штата Массачусетс Барни Фрэнк (1981-2013) нанял проститутку Стиву Гоби в качестве своего помощника, домохозяйки и водителя, два года оплачивая его услуги из официальных фондов Конгресса, пока общественности не стало известно, что Гоби устроил в доме Фрэнка бордель. Но Комиссия по этике Палаты представителей, находившейся под контролем демократов, не нашла ничего предосудительного в действиях конгрессмена. Впослед-

ствии республиканец из штата Айдахо Ларри Крейг, избравшийся 28 лет подряд конгрессменом (1981–1991) и сенатором (1991–2009) вновь пытался привлечь внимание Конгресса к аморалке Фрэнка, но сам в 2007 году был застукан в международном аэропорту Миннеаполиса за приставания к полицейскому под прикрытием. Что не помешало ему благополучно закончить свой срок в Сенате.

Хиллари Клинтон стала первой «первой леди», которая приняла участие в гей-параде в Нью-Йорке. Через девять месяцев после этого она отказалась пройти по Нью-Йорку в День святого Патрика, что когда-то считалось почётной обязанностью любого политика Нью-Йорка. Когда организаторы парада запретили пройти отдельной колонной «Организации ирландских геев и лесбиянок» (Irish Lesbian and Gay Organization), Хиллари предпочла не приехать. Деталь, которая как нельзя лучше показывает, каково ныне истинное положение дел в Демократической партии и каков расклад сил в современной войне культур в США.

В катехизисе современных американских прогрессистов убийство гомосексуалиста из-за его ориентации и чёрного по причине цвета его кожи считается тяжчайшим преступлением. Даже более тяжким, нежели изнасилование и убийство ребенка.

Приведу характерный пример. В 1999 году состоялся суд над двумя жителями Арканзаса (39 и 23 лет), обвиняемыми в неоднократном изнасиловании и убийстве тринадцатилетнего Джесси Дирхайзинга. Как ни удивительно, об этом жестоком преступлении в прессе практически не упоминалось. Почему? «Да потому, что это обыкновенное сексуальное преступление, а никак не «преступление ненависти». А ещё потому, что варварские действия парочки гомосексуалистов могли «исказить» тот образ «голубых», который поддерживает наша культурная элита. Ведь получилось, что потенциальные жертвы общества, то есть гомосексуалисты, сами оказались насильниками!» — пишет обозреватель газеты Washington

Times Brent Бозелл. И продолжает: «Если бы Джесси Диркхайзинга застрелили в арканзасской школе, это немедленно стало бы событием общенационального масштаба. Будь он гомосексуалистом, а его убийцы — гетеросексуалами, это преступление было бы в первых сводках новостей. Но никакое либеральное средство массовой информации не посмеет первым поведать о преступлении, совершённом двумя гомосексуалистами».

Когда начался суд над убийцами и насильниками, «Вашингтон Таймс», едва ли не единственная из общенациональных газет, опубликовала отчёт о слушаниях. «Несоответствие (между интересом журналистов к убийствам [гомосексуалиста] Шепарда и Диркхайзинга) разительное и вызывает ощущение нереальности происходящего», — писал британский журналист Эндрю Салливан, сам гомосексуалист и обозреватель американского журнала New Republic. Шепарду было посвящено, по подсчётам Салливана, 3007 статей в первый месяц после его убийства, включая 45 в New York Times и 28 в Washington Post; Джесси Диркхайзинг удостоился лишь 46 публикаций. Только одна телекомпания Fox News сообщила о суде и вынесении пожизненного приговора убийцам.

Известный писатель и публицист Исраэль Шамир совершенно прав, когда пишет об имманентной связи гомосексуалов и фашистов: «Гомосексуалисты любили нацистов, они мечтали о сильных эсэсовцах, которые ими овладеют». Действительно, давайте вспомним о гомосексуалистах Эрнста Рёма, которые привели Гитлера к власти. Во Франции (и не только там) до сих пор запрещено говорить о нацистско-гомосексуальном альянсе, который процветал в Германии, а затем — и во Франции Виши. Французские гомосексуалы были самым прогерманским, а затем — и пронацистским сектором французского общества.

Исраэль Шамир продолжает: «Эти люди любят покоряться власти — поэтому они настроены проамерикански, ведь Америка — это современный Четвёртый рейх, в котором власть не по-

ссорилась с гомосексуалами, а, наоборот, дружит с ними. Как и в 1940-е, гомосексуалы — ядро коллаборационизма: сначала с немцами, потом с американцами. Поэтому и русские гомосексуалы, вроде Маши Гессен (*«женившейся» на дочери российского либерала Дмитрия Орешкина. — Авт.*), поддерживают Америку против России, выстраивают свою линию коллаборационизма. Поэтому американцы всюду поддерживают геев как свою пятую колонну, поэтому в России к ним относятся настороженно — чувствуют в них потенциальных коллаборационистов».

«На штабных картах всегда красные против голубых, как будто борьба сводится к столкновению большевиков и геев», — пишет остроумный писатель Виктор Пелевин. Применительно к Америке аналогия Пелевина более чем уместна! Поскольку красный цвет в США — это цвет Республиканской партии. А синий — демократов, боевым отрядом которых выступают «голубые».

За десять дней до Рождества 2000 года в городе Уичита произошло серийное изнасилование и убийство. В дом, где пятеро молодых людей устроили вечеринку, ворвались двое братьев, 23 и 20 лет. Всех пятерых они закинули в свою машину, отвезли к банкомату, заставили снять со счетов все деньги, после чего вывели на футбольное поле. Двух девушек раздели и изнасиловали, затем заставили жертв под прицелом заниматься сексом друг с другом, потом поставили всех на колени и выстрелили каждому в голову. Трое юношей и одна девушка скончались, вторая девушка, которую также сочли умершей, истекая кровью, проползла мило до города и обратилась в полицию, а братья тем временем отправились на своей машине грабить дома жертв.

Все жертвы были белыми, а убийцы — чернокожими. Сложись всё наоборот, это преступление наверняка стало бы преступлением десятилетия. А так... Ни единого слова по телевидению, ни единой заметки в центральной прессе. Почему? «Эта история не укладывалась в политкорректную национальную мелодраму о чёрных

жертвах и белых угнетателях», — написал обозреватель Дэвид Горовиц, и он абсолютно прав.

ЧТО ГОВОРИТ СТАТИСТИКА?

Согласно «Индексу основных культурных показателей» 1999 года, афроамериканцы, составляющие всего 13% от населения страны, несли ответственность за 42% тяжких преступлений и более чем половину убийств на территории США.

Статистика межрасовых преступлений даёт ещё более жуткую картину.

В 1990 году профессор Уильям Уилбэнкс из департамента криминальной юстиции в Международном университете штата Флорида провёл анализ преступлений, совершённых чернокожими. Поводом к этому исследованию послужила развернутая в прессе кампания за сокращение преступлений чёрных против чёрных — как будто преступления чёрных против белых не заслуживали внимания властей. Изучив отчёт Министерства юстиции от 1987 года, Уилбэнкс получил следующие данные:

- в 1987 году белые преступники, совершившие тяжкие преступления, выбирали своими жертвами чернокожих лишь в 3% случаев, тогда как последние совершили против белых не менее 50% от общего числа тяжких преступлений;
- в случаях изнасилований белые преступники ни разу (из 83 тысяч случаев) не покушались на чёрных женщин, тогда как изнасилования чёрными белых составляют 28% от общего количества изнасилований;
- при грабеже лишь 2% составляли ограбления чёрных, совершённые белыми, против 73% грабежей белых, совершённых черными.

Когда профессор Уилбэнкс обнародовал эти шокирующие цифры, его исследование попросту проигнорировали.

Десять лет спустя, в 1999 году, про-республиканская газета Washington Times опубликовала отчет об исследовании по межрасовым преступле-

ниям, выполненный фондом New Century, который опирался на доклад Министерства юстиции от 1994 года. Исследования фонда подтвердили выкладки Уилбэнкса:

- в 1994 году чёрные совершили 90% межрасовых преступлений;
- поскольку чёрные составляют 13% населения страны, это означает, что вероятность совершения ими межрасового преступления в пятьдесят раз выше, чем для белых;
- вероятность совершения группового изнасилования или группового нападения чёрными в 100–250 раз выше, чем белыми;
- даже в категории «преступлений ненависти», к которым относится менее 1% межрасовых преступлений, вероятность того, что чёрный окажется преступником, а не жертвой, вдвое выше, чем для белого.

Уже в наши дни, по статистике, 90% чернокожих становятся жертвами других чернокожих. По сути, американская полиция стоит между чернокожими, которые просто истребляют сами себя. С другой стороны, если ты белый, у тебя в шесть раз больше шансов быть убитым чернокожим, чем у негра — быть убитым белым человеком. Ещё одна любопытная деталь: уровень убийств в Америке сейчас самый низкий за последние 50 лет. При этом на 140% выросли покупки огнестрельного оружия. Есть прямая корреляция между этими статистическими данными. Тем не менее среди требований на крайне поверхностной и надуманной повестке дня американских либералов традиционно фигурирует ограничение конституционного права граждан на ношение оружия, закреплённого Второй поправкой Билля о правах.

В 2017 году в США было произведено 650 тысяч арестов, связанных с владением или распространением марихуаны, ещё примерно 220 тысяч — за героин. Число погибших только от героина составило 480 тысяч человек. Ещё одна важная деталь: хотя белых американцев примерно 72,4%, а чернокожих — примерно 12,6%, число арестованных за наркоту

афроамериканцев в три раза больше, чем белых. Обвинения в «белом расизме» с реальностью не соотносятся и критики не выдерживают.

«ПРОГРЕССИЗМ» В США И В ЕВРОПЕ

Аналогичная статистика по такого рода преступлениям наблюдается и в Великобритании. Анализируя данные отчёта Министерства внутренних дел, обозреватель Джон Вудс выяснил, что из общего числа «расово мотивированных» преступлений в 1995 году 143 000 были совершены белыми против меньшинств и 23 8000 — меньшинствами против белых. «Если национальные меньшинства составляют менее 6% от населения Соединённого Королевства, — заключает Вудс, — но при этом совершают 238 000 расовых преступлений в год, а белые (94% населения) совершают 143 000 таких преступлений в год, отсюда следует, что национальные меньшинства совершают расовых преступлений в 25 раз больше, чем белые».

В октябре 2018 года в Британии завершился судебный процесс о массовых изнасилованиях малолетних девочек. Сексуальный беспредел продолжался в городе Хаддерсфилде на севере Англии в течение 7 лет (с 2004 по 2011 год), пока общественность не заставила «бдительную» британскую полицию обратить внимание на жалобы местных жителей (родителей жертв), чьи заявления не рассматривались годами или попросту «терялись». Но, как только началось официальное расследование, вся информация по делу тут же была засекречена в судебном порядке! В конечном итоге суд снял запрет на разглашение сути процесса, но многие британские СМИ осмелились осветить процесс. Причина проста: банда насильников целиком состояла из пакистанской диаспоры Хаддерсфилда, а в «толерантных» британских СМИ считается непolitкорректным озвучивать национальную принадлежность насильников. Такие же персонажи годами держали в страхе другой

английский город, Ротерхэм, где, согласно официальной информации, пакистанцы за 16 лет изнасиловали 1400 (!) малолетних девочек.

Безнаказанность преступной деятельности в течение такого длительного периода времени объясняется просто: насильников из этих этнических банд крышевали местные полицейские и члены городского муниципалитета. И не только крышевали: одним из насильников был член муниципального совета Хаддерсфилда от Лейбористской партии Шаукат Али, а другим — заместитель мэра города Джахангир Ахтар.

Ни один из осуждённых насильников Хаддерсфилда не выразил ни малейшего раскаяния и даже не попытался принести извинения пострадавшим. Вместо этого они обвиняли потерпевших во лжи и «белом расизме».

В английском Телфорде в течение десятилетий изнасиловали 1000 девочек — предпочтение преступники отдавали 11-летним симпатичным англичанкам. В 2017 году в городе Брэдфорде было зарегистрировано 1153 девочек, изнасилованных выходцами с Ближнего Востока и Азии. Именно столько заявлений было подано в полицию. Реальные цифры значительно выше — как правило, только каждая десятая жертва насилия отваживается обратиться в полицию. Но и в этом случае заявления в полицию часто не работали: полицейские уговаривали родителей и жертвы не поднимать шум, иначе всех обвинят в «расизме».

В Ньюкасле в течение нескольких лет мигранты изнасиловали более 700 девочек 13 лет и старше. На скамье подсудимых оказались выходцы из Пакистана, Ирака, Индии, Турции, Бангладеш, Албании, Ирана, Курдистана. Точно такая же, выходящая из-под контроля ситуация сложилась в Оксфорде, Ньюэме, Бристоле, Дерби, Манчестере и даже в Лондоне.

Мотив расовой ненависти, по которому совершаются сексуальные преступления против малолетних, очевиден любому непредубежденному наблюдателю. Однако любое обсуждение вовлеченности пакистанской

диаспоры в массовый секс-траффик несовершеннолетних британок — абсолютное табу в британских СМИ. Попытка даже сформулировать проблему расовой ненависти пакистанцев к белым приводит к тому, что диаспоры закатывают истерику и обвиняют всех в «расизме» при полной поддержке либеральных СМИ.

Год назад жертвой такой травли стал экс-прокурор страны лорд Макдональд, сказавший в интервью Би-би-си, что «считать молодых женщин мусором, считать их легкодоступными — это стало большой проблемой в некоторых наших диаспорах». Исламские активисты и крышующие их газеты моментально обвинили лорда в «расизме». Тогда же бойкоту подвергли и правозащитницу Сару Чемпион, рискнувшую написать в статье, что «в Британии есть проблема с пакистанскими мужчинами, которые насилуют и эксплуатируют белых девушек». По сути, пакистанское меньшинство получило полную свободу насиловать местных жительниц и держать в страхе белое большинство. Судебные власти отлично поняли этот намёк. Ни разу за всё время в массовых преступлениях против несовершеннолетних судьи не находили мотива расовой ненависти, что позволило бы утяжелить статью и увеличить срок наказания. На процессе по делу телфордских насильников судья специально акцентировала, что «обвиняемые выбирали своих жертв не по признаку расы, а из-за их слабости и уязвимости». Вот только почему-то всегда слабыми и уязвимыми в таких делах оказываются белые девушки из рабочего класса — самое угнетённое и бесправное меньшинство в современной Британии.

Логично было задать несколько нелюбимых вопросов. Непонятно, а где же при всём этом британские феминистки? Почему они не борются с расистскими, по сути, сексуальными преступлениями в их стране и не поднимают своего голоса в СМИ? Почему не устраивают шествия и флешмобы — вроде тех, которые они вместе с другими либералами и представителями расовых, этнических, сексуальных меньшинств проводили, например,

в дни государственного визита Трампа в Лондон?

В Швеции рост преступности также непосредственно связан с неконтролируемой иммиграцией. Всего за пять (!) лет с 2014 года, когда тогдашний премьер-министр страны Фредрик Рейнфельдт (2006-2014) афроамериканских корней (по отцовской линии) призвал своих сограждан «Открыть сердца» так называемым «беженцам», процент убийств в стране вырос вдвое, а изнасилований — втрое. Половина всех безработных были рождены за пределами Швеции. В компактных поселениях иммигрантов (так называемых «exclusion areas» — это шведская политкорректная версия термина «гетто») половина школьников не могут сдать экзамены. Многие «граждане», уже рождённые на территории Швеции, с трудом говорят по-шведски.

«ПРОГРЕССИЗМ» В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Прогресси́зм — везде и всюду — не имеет ничего общего с равными правами и возможностями.

Что особенно прискормно, они касаются академической науки в Америке. Начиная со студенческих волнений конца 1960-х годов из университетов

(в первую очередь из Школ права) выдавливаются профессора традиционных, консервативных, республиканских взглядов. Их места, как и по всему спектру американской элиты, занимают прогрессисты: члены Демократической партии, представители этнических, расовых, религиозных, сексуальных меньшинств.

Знаю об этом неслыханном: с 1991 года я посетил США более 60 раз. Преподавал в десяти университетах. Выступал с лекциями ещё примерно в пятнадцати. Защитил докторскую в Школе права Пенсильванского университета.

Последние 15 лет деканами (точнее, деканшами) в одной из моих любимых Школ права в штате Айова становились исключительно по гендерному признаку. Предметом гордости любого университета в США является наличие гомосексуалистов среди профессорско-преподавательского состава. В этой Школе права предметов гордости было ещё больше: целая лесбийская пара. И это — сельскохозяйственная Айова (именно здесь Хрущёва так вдохновила кукуруза), штат достаточно консервативный, который в 2016-м проголосовал за Трампа. Но среди полусотни профессоров — почти все демократы. Для разнообразия есть

один республиканец-мормон (мормоны почти всегда республиканцы) и один левак из партии «зелёных».

Думаете, что республиканцы такие недоучки? Ничего подобного! Работает отрицательная селекция: белые, мужчины, консервативных взглядов и традиционных ценностей здесь не нужны! И не только мужчины.

Поэтому я очень удивился, когда узнал, что в конце прошлого года новым деканом стал белый мужчина. Но ларчик просто открывался. Во-первых, он не совсем белый, а индеец. А во-вторых, что ещё более важно, служил в администрации Барака Обамы.

В 1996 году мой научный руководитель в другом престижном американском университете, входящем в «Лигу плюща» (Ivy League), под большим секретом рассказал, за кого он голосовал на президентских выборах. Его отец был спичрайтером президента-республиканца Эйзенхауэра. И на выборах 1996 года мой наставник проголосовал за республиканского кандидата Боба Доула против Билла Клинтона. Но скрывал это, поскольку коллеги могли подвергнуть его остракизму.

В своих мемуарах советский астроном и астрофизик Иосиф Шкловский поделился любопытным наблюдением: «Я пять раз был в США и всегда ловил себя на одном и том же. Я чувствовал, если хотите, какой-то дискомфорт

или, если угодно, крайнюю неловкость, наблюдая на разного рода научных конференциях или симпозиумах примерно большое количество еврейских участников... На всех уровнях: директора институтов и обсерваторий, члены Национальной академии, аспиранты, инженеры — сплошные соплеменники! К этому мне привыкнуть было просто невозможно... Судите сами: идет международная конференция по внегалактической радиоастрономии в августе 1981 года в Нью-Мексико, около величайшего в мире радиотелескопа VLA. Из примерно 300 участников по меньшей мере сотня — евреи... И тут же, воспитанный советской прессой, я фиксирую, что на конференции присутствует всего один негр, да и тот, кажется, из Нигерии».

Не скажу, что я испытывал «какой-то дискомфорт или... неловкость», но подписка преподавателей для чтения между занятиями в зоне отдыха в нескольких Школах права не только на американские газеты, но на Jerusalem Post была в порядке вещей, что говорило об этническом и религиозном составе факультета.

Использование прогрессистами подконтрольных им средств массовой информации (а таковыми в настоящее время являются порядка 90–95% всех американских СМИ) против своих оппонентов и в интересах

крайне узкого круга влиятельных меньшинств не ново.

Предсказуемость либеральных СМИ и засилие в них предсказуемых меньшинств весьма характерны для сегодняшней Америки. Как сказал политический обозреватель газеты New York Times Ричард Берк на приёме в честь 10-й годовщины образования Национальной ассоциации журналистов — лесбиянок и геев (National Lesbian and Gay Journalists Association): «Три четверти людей, решающих, что поставить на первую полосу нашей газеты, не очень скрывают, что они гомосексуалисты».

Президент Трамп — откровенный противник всякого рода политкорректности и воспевания меньшинств. Это находит понимание американского общества — куда более здорового, чем европейское. Конечно, американские прогрессисты проталкивают отступление от традиционных норм морали, но должен оговориться: всё-таки в Америке нет такого, как в той же Швеции, где либералы мало того, что узаконили однополые браки, так уже выступают за легализацию педофилии, зоофилии, инцеста и чуть ли не некрофилии. При всём моём критическом отношении к Белому дому, к американской государственной и партийной машине, до такого американцы ещё не опустились. А судя по росту поддержки правых консервативных партий со стороны европейских избирателей остаётся некоторая надежда на постепенное выздоровление Старого Света.

Политкорректность в США действительно невыносима. По сути, она является антиподом демократии. Если классическая демократия означает власть большинства народа, то, согласно либеральным канонам, победившим в «толерантных» странах Запада и усиленно навязываемым российскому обществу отечественными «креаклами», демократия становится своей противоположностью и ставится в зависимость от интересов меньшинств.

Доходит до полного абсурда. В 2013 году Департамент образова-

ния Нью-Йорка решил искоренить из школьных экзаменационных заданий 50 слов, которые могут вызвать у учеников неприятные эмоции. Отныне в тестах нельзя использовать слово «динозавр», потому как это ссылка к идее эволюции, что может вызвать неудовольствие креационистов, считающих, что всё живое сотворено Богом. Словосочетание «день рождения» тоже, оказывается, может оскорбить последователей секты Свидетелей Иеговы, которые своих дней рождений не отмечают.

Взамен не рекомендованных слов в последние 10–15 лет английский язык обогатился целым рядом политкорректных неологизмов. Согласно неписаному кодексу, пожилых людей отныне следует называть «лицами третьего возраста», обитателей помоек — «собираателями вещей, от которых отказались», людей невысокого роста — «лицами, испытывающими трудности из-за своих вертикальных пропорций», а тучных — «лицами, испытывающими трудности из-за своих горизонтальных пропорций».

ИНФАНТИЛИЗМ ПРОГРЕССИСТОВ

В 2017 году газета Bild опубликовала выдержки из доклада Федеральной службы защиты конституции Германии (Bundesamt für Verfassungsschutz) — спецслужбы внутреннего назначения, подчиняющейся Министерству внутренних дел и, в частности, осуществляющей контрразведывательную деятельность.

Между 2003 и 2013 гг. Федеральная служба защиты конституции Германии провела следственные действия в отношении 873 подозреваемых. Предсказуемо, мужчины составляют 84% от общего числа тех, кто был арестован за совершение «политически мотивированных» преступлений. Возраст 72% арестантов — между 18 и 29 годами. 80% преступлений против личности в Германии совершаются в отношении полицейских.

Согласно сухой германской статистике, только 15% преступлений

были совершены правыми радикалами, а 85% — леваками. В 2009–2013 гг. леваки предприняли 11 попыток убийств. При этом, что принципиально важно для данной статьи, 92% левацких активистов в Берлине живут со своими родителями. Каждый третий из них не имел работы.

Интернет-издание Red State открыто троллит немецких либерастов: «Они маршируют по улицам городов все в чёрном. Их лица скрывают красные банданы или маска Гая Фокса. Они запугивают вас, преследуя вас толпой, называя вас фашистом и нацистом, поскольку вы не разделяете их экстремистскую идеологию. Они маршируют по улицам городов, разбивая стёкла машин и витрины магазинов. Они делают это, чтобы остановить фашизм и речи ненависти. Но они должны поторопиться, потому что должны быть дома к 22.30, или их мамочка будет очень злиться. Как пел много лет назад Виктор Цой: «И довольна тобой твоя старая мама!»

Не вижу в статистике Федеральной службы защиты конституции Германии ничего удивительного. И она касается не только Германии. Прекрасно помню безработного (последний раз уволен по суду в марте этого года с должности «сотрудник службы пробаии/условно-досрочного освобождения») активиста Демократической партии из города Айова-Сити по имени Гэри Сандерс, трижды объявлявшего себя банкротом, что не мешает ему последние 20–25 лет возглавлять местную либерал-прогрессистскую «движку». Напомню, что штат Айова играет исключительно важную роль в политической жизни Америки. Именно в нём каждые четыре года проходят самые первые предвыборные дебаты («праймериз») на выборах президента страны.

«ПРОГРЕССИЗМ» КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ

Феномену прогрессизма в США посвящена фундаментальная 500-страничная работа американского исследователя Джоны Голдберга «Либеральный

фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы» (М.: Рид Групп, 2012).

«То подновленное здание американского прогрессивизма, которое мы называем либерализмом, фактически стоит на фундаменте фашизма и является одним из его проявлений, — пишет Голдберг. — Фашизм... В английском языке трудно найти другое слово, которое люди употребляли бы настолько же часто, не зная его истинного значения... Слово «фашист», современный вариант слова «еретик», обозначает личностей, достойных отлучения от государства. Левые употребляют другие слова: «расист», «сексист», «гомофоб», «христианский фундаменталист», — с той же целью, но значения данных слов не так многообразны. А вот понятие «фашизм» поистине универсально. Джордж Оруэлл отметил этот факт ещё в 1946 году в своем знаменитом эссе «Политика и английский язык»: «Слово «фашизм» ныне не употребляется ни в каком другом смысле, кроме как для обозначения «чего-либо нежелательного». В Голливуде — самом мощном агентстве пропаганды в истории человечества — авторы называют в своих сценариях «фашистами», «коричнево-рубашечниками» и «нацистами» тех, кто не нравится либералам».

Голдберг продолжает: «Реальный мир лишь в незначительной степени менее абсурден... В 2000 году Билл Клинтон назвал политическую платформу Республиканской партии Техаса «фашистским трактатом». В газете New York Times вышло большое количество публикаций в русле господствующей идеологии в поддержку ведущих учёных, которые утверждают, что [республиканская партия] является фашистской, а христианские консерваторы — новыми нацистами».

Продолжим цитату Джоны Голдберга: «Проблема лишь в одном: все это не имеет ничего общего с нацизмом или фашизмом... Реальная практика нацизма во многом соответствовала стремлению прогрессистов вторгнуться в семью, сокрушить её фундамент... Традиционная семья сегодня — враг всех форм политического тоталита-

ризма, потому что она представляет собой оплот верности, не имеющей отношения к государству. Именно поэтому прогрессисты постоянно пытаются взломать её внешнюю оболочку... Отношение нацистов к гомосексуализму также довольно неоднозначно... Многие члены нацистской партии в начале её существования и представители целой плеяды организаций, входящих в партийные структуры, были гомосексуалистами. Например, хорошо известно, что глава штурмовых отрядов НСДАП Эрнст Рём и его окружение были гомосексуалистами, причем не скрывали этого... Скотт Лайвли и Кевин Абрамс пишут в «Розовой свастике» (The Pink Swastika), что «национал-социалистическую революцию и нацистскую партию приводили в движение и контролировали милитаристы, гомосексуалисты, педерасты, любители порнографии и садомазохисты». Все эти группы — клиентура и горячие сторонники современной Демократической партии США, добавлю я от себя.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США-2020. ПОПЫТКА РЕВАНША

Прогрессисты так и не оправились от сокрушительного поражения на президентских выборах 2016 года. Они до сих отказываются признавать легитимные интересы американского традиционного общества, поддерживавшего Трампа. Ставка делается на всё те же шумные меньшинства. На фоне начавшихся предварительных выборов среди демократов журнал Rolling Stone проанализировал новую избирательную стратегию партии.

Из шести пунктов на повестке дня только один, пожалуй, может быть поддержан рядовыми республиканскими избирателями — сторонниками Трампа: прогрессивное налогообложение в отношении американских миллиардеров. Состояние их «первой тройки»: Джеффа Безоса, Билла Гейтса и Уоррена Баффета, — равняется состоянию половины граждан США с самыми низкими доходами. Берни Сандерс,

например, предлагает 77%-ный налог на доход выше 1 миллиарда долларов.

Остальные пункты вызывают недоумение и многочисленные вопросы.

Доступное высшее образование и амнистия студенческих займов — достойная цель. С таким предложением, в частности, выступает сенатор от штата Массачусетс и весьма вероятный кандидат в президенты США Элизабет Уоррен. За последнее десятилетие плата за 4-летнее обучение в колледже выросла на одну треть. Американцы набрали образовательных кредитов на 1,6 триллиона долларов. После окончания колледжа они в среднем остаются должны банкам 30 тысяч долларов. Единственный вопрос тут: а кто оплатит «доступное», то есть — бесплатное, высшее образование?

Любопытно, что в лучших традициях лицемеров-демократов та же самая Уоррен не постеснялась получить 429981 доллар за чтение двух коротких курсов в Гарвардской школе права в весеннем семестре-2010 и осеннем семестре-2011. Добавьте сюда ежегодную зарплату мужа Уоррен в той же Гарвардской школе права, превышающую 400 тысяч долларов. Ничего себе забота о доступном (читай: бесплатном) образовании для американских студентов!

Еще один штрих к портрету весьма вероятного кандидата в президенты США. На протяжении всей жизни 70-летняя Элизабет Уоррен лгала при приёме на учёбу и работу о том, что она по происхождению представительница одного из коренных народов Америки — чероки. В условиях «позитивного расизма», господствующего в США, эта ложь в значительной степени помогла ей сначала поступить в адвокатуру штата Техас, а затем получить профессорскую ставку как в Школе права Пенсильванского университета, так и в Школе права Гарвардского университета. Гарвард при этом не скрывал, что взял её на работу для продвижения «неопределённых» расовых меньшинств.

В ходе президентской кампании 2016 г. Дональд Трамп начал называть Уоррен «Покахонтас» по имени

индейской принцессы из племени поухатанов, родившейся в Северной Америке в конце XVI и умершей в Англии в начале XVII века.

Припёртая к стенке вопросами своих оппонентов, Уоррен решила пройти ДНК-тест. Его результаты были опубликованы 15 октября 2018 г. газетой Boston Globe. Оказалось, что у Элизабет Уоррен присутствуют гены коренных американцев, живших «6 или 10 поколений» назад. Что это означает? Если предками Уоррен действительно были индейцы, жившие в Северной Америке шесть поколений назад, её можно назвать «индианкой» лишь на 1/64-ю от её генов. Если же её предками были индейцы, жившие десять поколений назад, то «индейских корней» у Уоррен меньше 0,1%.

Госсекретарь народа чероки Чак Хоскин подверг Уоррен сокрушительной критике: «Использование теста ДНК для выдвижения заявлений о связи с народом чероки или каким-либо другим коренным народом, даже в обтекаемой форме, является неподобающим и неправильным. Сенатор Уоррен подрубает интересы коренных народов её продолжающимися заявлениями о родстве с коренными народами».

Дональд Трамп не мог не прокомментировать ситуацию: «Покахонтас (её плохая версия), к которой иногда обращаются как к Элизабет Уоррен, получает по заслугам. Она прошла тест ДНК, который показал, что она может быть индианкой на 1/1024, намного меньше, чем средний американец. Теперь и народ чероки не признает её, она не нужна им. После того как её утверждения об индейских корнях оказались ложью, Элизабет Уоррен должна извиниться за это мошенничество перед американским обществом. В Гарварде её называли «цветной» (удивительное мошенничество), они бы не взяли её на работу без этого! Спасибо, народ чероки, за то, что выявил Элизабет Уоррен, которую иногда называют Покахонтас, как полную мошенницу!»

Однако вернёмся к требованиям демократов. Тот же самый вопрос: «Где деньги, Зин?» — возникает по следующему пункту: о бесплатном медицин-

ском страховании для всех. Стоимость решения проблемы — 33 трлн долл. на ближайшие 10 лет. Любопытно, что никто из демократов-прогрессистов не предлагает сокращать военный бюджет США.

Тема борьбы с глобальным потеплением, за которую Эл Гор в 2007 году получил Нобелевскую премию мира, настолько дискредитирована подтасовками со стороны ангажированных экспертов, что её не разделяет даже руководство Демократической партии, включая спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси.

Ну и, наконец, — самое интересное в повестке дня демократов!

Репарации чернокожим за страдания и унижения, которым подвергались их предки. «Надо просто выписать им чек!» — заявляет щедрый Сандерс. На какую сумму? Всего 14 триллионов долларов! Демократы наступают на всё те же грабли. Всего за два первые года администрации Трампа безработица среди афроамериканцев опустилась до самого низкого уровня с момента создания Бюро трудовой статистики (Bureau of Labor Statistics) в 1972 году

Если республиканцы дают афроамериканцам удочку и учат их, как ловить рыбу, то демократы просто предлагают им гешефт: проголосуйте за нас в 2020 году и дальше сидите на пособиях с прибавкой в 14 триллионов долларов, а белые рабочие, фермеры, учителя, инженеры, строители оплатят ваш праздник жизни. Неудивительно, что идею таких репараций поддерживают только 26% американцев. А некоторые из налогоплательщиков полагают, что дешевле будет оплатить их чернокожим согражданам дорогу обратно в Африку. Как, кстати, это уже делалось в 1820–1840 гг. при образовании Либерии.

Подведём некоторые итоги. После победы Трампа стало очевидно, что прогрессизм в Америке и во всём мире, включая Россию, больше не имеет глобальной монополии на власть. В частности, не оправдались надежды киевской

хунты на то, что «Хиллари придет, порядок наведет!», и сильный удар по пятой колонне, либерал-экстремистам в нашей стране.

Трампа и его избиратели вскрыли гнойник, болевую точку, раковую опухоль своей страны. За Трампа проголосовали те, кто не желает жить в «прекрасном новом мире» либерального тоталитаризма.

На международной арене американская доктрина «глобального лидерства» является обоснованием безответственных внешнеполитических действий США. В период президентства Барака Обамы она приняла абсолютную форму. В либеральной прогрессистской парадигме Соединённые Штаты не просто ответственны за все события в мире, но имеют право вмешиваться в любые конфликтные и кризисные ситуации как высший арбитр и носитель критериев демократизации. Американские либерал-прогрессисты — реальная угроза не только жителям своей страны, но и всему человечеству.

Цинизму демократов-прогрессистов в США нет предела:

- больше нелегальных мигрантов, которых теперь в Нью-Йорке даже нельзя считать теми, кто они есть;
- больше сидящих на пособиях безработных чернокожих;
- больше наркоманов и т.д. — только бы победить Трампа и его «быдловату»!

Джона Голдберг заключает свою книгу такими словами: «В определённый момент просто необходимо бросить перчатку, провести черту на песке, установить границы и, в конце концов, крикнуть: «Хватит!» Встать на пути «прогресса» и закричать: «Стоп!»

Только так! Опухоль прогрессизма достигла четвёртой степени поражения организма США. Терапия бесполезна. Как было сказано в известном советском фильме: «Резать к чёртовой матери! Не дожидаясь перитонита!»

Этот же диагноз актуален и в отношении российских либералов.

/ Вардан БАГДАСАРЯН /

Либерал-онтология и либерал-антропология

ЛИБЕРАЛИЗМ В ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОРМАТЕ

Либерализм, казалось бы, прошёл исторический максимум своей популярности в мире. Самопозиционирование в качестве либерала сейчас не модно и с ним трудно увлечь за собой. Может возникнуть иллюзия, что либерализм сошёл с исторической авансцены. И даже президент России не без удовольствия отметил, что в российском правительстве вовсе не осталось либералов, если не считать дрейфующего к государственным А.Л. Кудрина. В реальности никакой капитуляции либерализма нет. Напротив, под либеральные лекала оказались подвёрстаны все институции и повседневная жизнь человека. Случилось иное — ликвидация самого феномена идеологии в том классическом значении, в котором она существовала два предыдущих столетия. Наступила эпоха постидеологии.

Постидеология подразумевает, что ценности публично не артикулируются, смыслы не заявляются, мировоззренческие вопросы снимаются с повестки обсуждения. Но это не означает, что ценности и идейные установки не существуют. Они в системе постидеологии существуют как нечто само собой разумеющееся. Такое существование гораздо более прочно и укоренённое, чем существование артикулируемых идеологий. Выдвижение идеологии либерализма само по себе подразумевало, что существуют и альтернативные идеологии. Либерализм в формате постидеологии, вошедший в природу бытия современного человека, подразумевает, что идеологической альтернативы ему нет.

Конституция России запрещает, казалось бы, идеологию (ст. 13), но вместе с тем объявляет, что высшей ценностью российского государства являются человек, его права и свободы (ст. 2), то есть излагает суть идеологии либерализма. Разрешить эту правовую коллизию можно толь-

ко при понимании того, что либерализм уже перестал быть идеологией, превратившись в онтологию.

В российском правительстве, говорит президент, нет либералов — одни управленцы-технократы. Но управленец в своих решениях исходит так или иначе из каких-то ценностей. Образ управленца-технократа означает, что вопросы идеологии его не волнуют, и он принимает ценностную повестку как нечто самоочевидное, не заслуживающее траты времени для её осмысления. Но эта ценностная повестка и есть онтологически воплощённый либерализм. Противостоять либерализму как онтологии гораздо сложнее, чем идеологии либерализма, так как это требует борьбы с ним не просто на уровне альтернативных идей, но на уровне альтернативных жизненных укладов, создание которых внутри глобальной либеральной системы — задача беспрецедентная по своей исторической сложности.

АНТРОПОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

Каждая классическая идеология имеет в своей основе определённую антропологическую модель. Человек в либерализме есть то, чем он никогда не являлся для религиозной антропологии — индивидуум. «Индивидуум» — это латинский эквивалент греческого слова «атом» и в переводе на русский язык означает «неделимый». В либеральной оптике развитие человеческих качеств означает индивидуализацию.

Всё социальное есть некая внешняя нагрузка на индивидуума, пресс общества, подавляющий его свободу. Либеральный проект и состоит в высвобождении индивидуума от этих обременителей, достижение «свободы от» (Liberty). Происходит последовательно освобождение от религиозной идентичности, от национальной идентичности, от гражданского долга, от государства, от семьи, от пола. Исторический процесс в либеральной версии есть

процесс освобождения человека. Сегодня он представлен в виде популярной версии «теории модернизации», представляющей собой модифицированную историософию либерализма.

Но логика освобождения человека, когда уже состоится и происходящее сегодня освобождение от пола, требует и освобождения от человеческого. Этот финал можно назвать «расчеловечиванием», а можно «смертью человека». Но это будет и смерть либерализма, так как будет самоупразднено его базовое антропологическое основание — индивидуум.

Педагогическим следствием принятия либеральной платформы является педагогика автономности учащегося. Вместо установки на социализацию принимается установка индивидуализации, раскрытия индивидуальных потенциалов человека, отличающих его как индивидуума от других индивидуумов. Предписывается в выстраивании обучения исходить из индивидуальных потребностей ребёнка, идти за его потребностями, какими бы те ни были. Педагог в этой модели — только коучер, тренер. Индивидуализация становится стратегическим ориентиром всей системы образовательной деятельности. Для каждого учащегося в идеале предлагается своя, вытекающая из его индивидуальных потребностей программа образования. Свобода учащегося в рамках этого подхода является базовым основанием.

Характерно в отношении раскрытия антропологии либерализма признание одного из классиков либеральной теории Ханны Арендт, считающейся основоположницей критики тоталитаризма. Согласно ей, понятие «человек» исключает использование понятия «прогресс». Действительно, человек-атом не только неделим, но и неизменен. Меняться может под него окружающая среда, к которой, собственно, понятие «прогресс» и относится. Создаётся техносфера. Но по отношению

Параметр	Коммунизм	Либерализм	Фашизм
Равенство	фундаментальное равенство	равноправие	антропологическое неравенство
Человек	социальное существо	индивидуум	«волк», сверхчеловек
Социальные отношения	солидаризация	конкуренция.	война
Собственность	коллективная собственность	частная собственность	корпоративная собственность.
Национальные отношения	интернационализм	буржуазный национализм	расизм
Трудовые отношения	трудовые доходы	прибавочный продукт (прибыль)	прямая эксплуатация
Свобода	свобода как отсутствие эксплуатации	свобода как снятие социальных обременителей	свобода как господство свободных над несвободными
Мировой проект, мироустройство	мессианство, мировое братство	глобальный рынок	мировое господство
Власть	народовластие	власть успешных	иерархизм (власть членов корпорации)
Этика	нравственность	мораль	воинствующий аморализм (мораль силы)
Отношение к слабому	ответственность за слабого	сильный побеждает слабого (побеждает в результате конкурентной борьбы)	репрессинг слабых («падающего подтолкни»)

Таблица 1.

Сравнительный анализ классических идеологий

к человеку задачи нравственного преобразования в либерализме нет.

Либерализм в антропологическом плане предельно выхолащивает социальное содержание природы человека. Лишая его имманентной социальности, либеральная идеология сводила человеческое бытие к биологическому уровню существования. Отсюда прямой шаг к диктатуре потребительской морали. Если человек — это индивидуум, а индивидуум — это несоциальное и, следовательно, животное существо, то императивом данного существа должно являться максимальное удовлетворение своих потребностей.

Ещё Аристотель говорил, что человек вне общества есть или бог, или зверь. Если религия устанавливала идеал обожения, то либерализм, реализуясь через принцип асоциальности, сводил антропологию к природе зверя. Прямо о биологизаторской парадигме либерализма, естественно, не говорится, но сущностно это следует из всей

логики провозглашаемых ценностей. Мальтузианство и социал-дарвинизм в этом отношении оказались логически встроены в либеральный концепт. Сама идея мира как пространства конкуренции сущностно является перефразом известного положения «человек человеку волк».

В теории либерализма борьба за существование применительно к социуму представлена как конкуренция. Общественные отношения рассматриваются через парадигму глобального рынка. Вступая в рыночные отношения, люди конкурируют друг с другом. Государство — «ночной сторож», оно лишь следит за честностью конкуренции. Одни объективно побеждают в конкурентной борьбе, другие проигрывают. Конкуренция не ограничивается только сферой экономики, распространяясь на политику, культуру, науку. По результатам конкурентной борьбы формируется общественная иерархия.

«Сверхуспешные» занимают верхние этажи пирамиды. Это уровень

элиты. От них онтологически отделены «неуспешные» — массы. Это те, кто не смог пробиться на уровень истеблишмента. Но этажом обитания масс общественная пирамида не заканчивается. Есть ещё и социальное дно, уровень аутсайдеров. Это те, кто не смог вообще встроиться в систему рыночных отношений. Их удел — безработица, нищенство, негласный остракизм. Наличие дна имеет для либерализма принципиальное значение. Без него самой системы всеобщей конкуренции, в которой есть победители и побеждённые, уже не будет существовать.

«Социальное дно» самим своим наличием есть демонстрация того, что будет с теми, кто не желает жить по законам рынка. Безработица необходима для либеральной модели как фактор мотивации работающих через страх потери работы. Теряющий работу — теряет в условиях рынка едва ли не всё. Он оказывается в состоянии изгиба общества, социально отверженного.

ЛИБЕРАЛИЗМ – ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ

Ни одно общество, ни одна социальная сборка не может быть построена на идее свободы как таковой. Социогенез, как известно, начинается с установления табу. О бесперспективности выстраивания общества на идее свободы рассуждал в своё время Василий Розанов: «От свободы все бегут: работник к занятости, человек к должности, женщина к мужу. Всякий — к чему-нибудь. Всё лучше свободы, «кое-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенёру». Но если на основе идеи свободы невозможно осуществить социальную сборку, то в чём тогда смысл идеологии либерализма?

Либерализм всегда существовал в парадоксальном сочетании свободы и несвободы. Свобода одних предполагала несвободу и эксплуатацию других. Вне этого разделения нигде либеральная практика не обнаруживается. Столкновение меньшинства с большинством, где сильный побеждает слабого, и составляло социальную норму утверждения либерального концепта.

Либеральная идеология формировалась в период, когда ещё существовала иерархическая система позднесредневекового общества. Она была историческим инструментом для разрушения этой иерархии. Разрушались социальные перегородки, декларировались ценности свободы и равноправия, индивидуум ставился выше группы. Система прежнего иерархизма разрушалась, однако вместо неё через некоторый интервал времени начинает строиться новая иерархическая система. Элитаризм аристократии сменился элитаризмом олигархии.

Свобода одних предполагала несвободу других. Древний мир и Средние века знали категорию лиц — «свободные». В противоположность им существовали «несвободные»: рабы, холопы, крепостные крестьяне. Свободные не могли существовать

без наличия рабов, холопов и крепостных. Сегодня сущностно мало что изменилось. «Свободные» противопоставляются «бедным». Из этого противопоставления следует, что «свободный» тождественен «богатому».

В геокультурном плане «свободный» эллинский мир противопоставлялся в античные времена «варварскому несвободному» миру. И сегодня в либеральной политической терминологии «свободный мир» противопоставляется «автократической периферии». Свобода мировых и национальных бенефициаров обеспечивается тем, что на «свободных» работают «несвободные». Свобода, таким образом, оказывается преференцией для избранных.

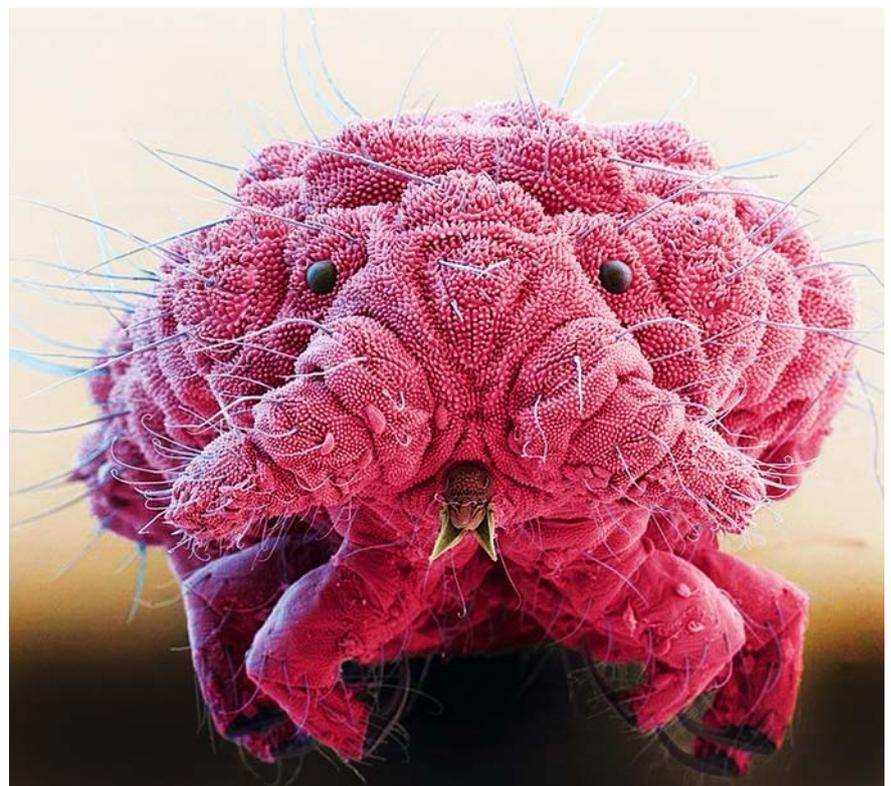
ЛИБЕРАЛИЗМ В СИСТЕМЕ КЛАССИЧЕСКИХ МИРОВЫХ ИДЕОЛОГИЙ.

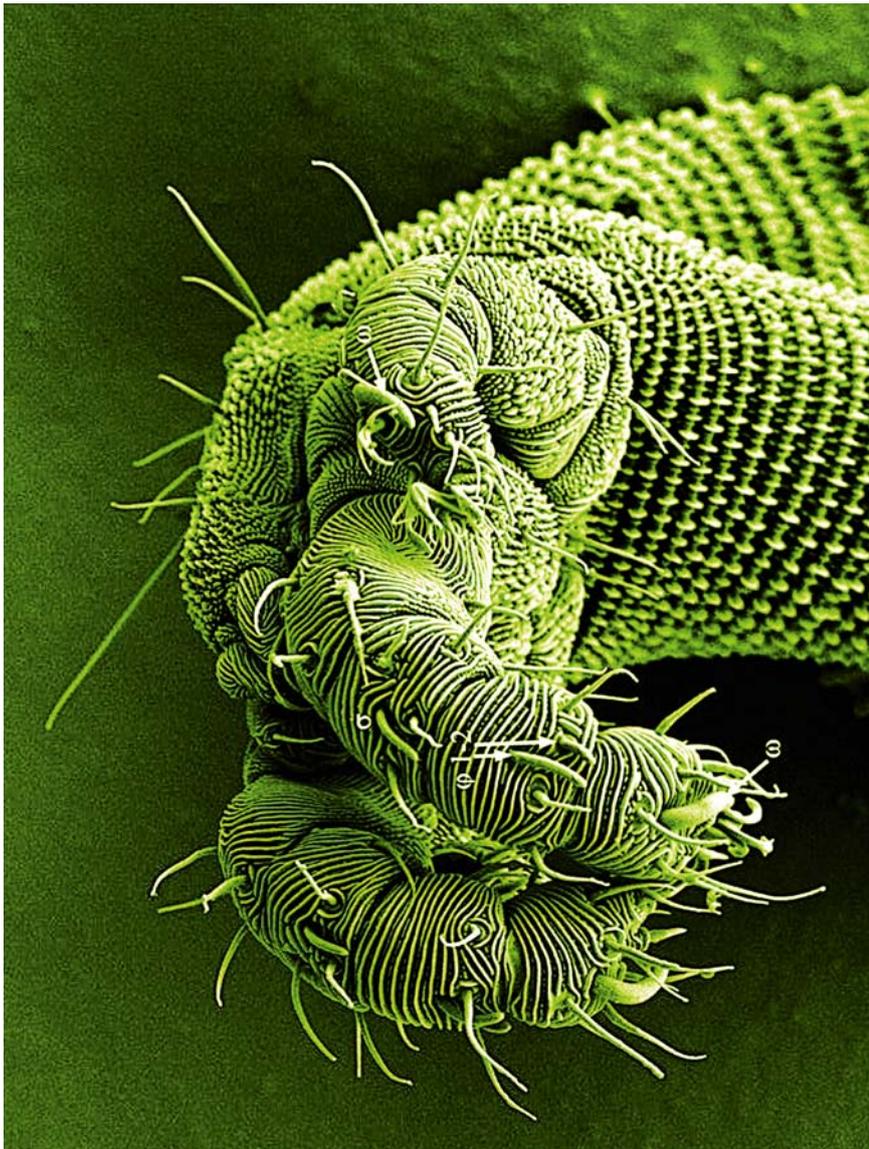
Ввиду постмодернистской тенденции перетолкования понятий сущность либерализма, его метафизика ускользают, становятся неопределёнными. Выдвигаются положения,

что либеральных реформ в России никогда и не было, поскольку то, что произошло, не соответствует либеральным лекалам. Давайте, призывают либералы, повторим, взяв уже за основу «правильный либерализм».

Попытаемся вернуть определённую, классифицировав по основным характеристикам три классические идеологии: коммунизм, либерализм и фашизм. Предваряя эту классификацию, нужны две оговорки. Во-первых, «чистых» идеологических моделей нигде никогда не существовало, и каждое конкретное идеологическое, политическое и даже экономическое строительство осуществлялось на их сочетании в той или иной пропорции. Во-вторых, под фашизмом, ввиду вариативности понятия, подразумевается в данном случае не исключительный опыт Италии периода правления Бенито Муссолини, а идеология и практика антропологического превосходства и неравенства.

Если оценивать результаты проведённой классификации (*таблица 1*), то либерализм оказывается гораздо ближе к фашизму, чем ком-

мунизм. Генетической связки между коммунизмом и фашизмом, как это пытаются представить в рамках теории тоталитаризма, не существует. Тогда как связка либерализм — фашизм вполне реальна, и её фиксация выводит на понимание механизмов генезиса фашистской идеологии. Крайний либерализм становится фашизмом.

Либерализм открывает дорогу для властвования сильных, меньшинства, в конкурентной борьбе побеждающего большинства. Фашизм закрепляет фактически сложившееся неравенство идеологически, институционально, геополитически. Фашизм срывает маски, представляя подлинную сущность и истинные

цели либерального проекта. Фашизм можно определить как реальную финалистскую цель либерализма.

Всё это не означает, что данная цель всегда и везде будет принимать формы национал-социализма. Как раз нет. Новый фашизм предстаёт в виде власти глобальных корпораций, мирового бенефициариата. Фактически мировая фашистская система антропологического неравенства уже функционирует. Остаётся только легитимизировать её, отбросив все идеологические пути прежних эпох: свободу, равенство, гуманизм, народовластие, справедливость и т. п.

Современная неолиберальная модель принципиально, по всем базовым

параметрам отличается и от модели «социального государства», и от классического либерального государства. Вместо власти большинства в «социальном государстве» и политической соревновательности в классической либеральной системе она утверждает политический принцип властвования меньшинства, глобального финансового бенефициариата. Вместо государственно-плановой модели, характерной для «социального государства» и свободной конкурентной системы классического либерализма, неолиберализм устанавливает экономическую модель корпоратократии, подменяет конкуренцию глобальным разделом рынка между транснациональными корпорациями. Капитализм подменяется новой системой, которая может быть определена, до появления соответствующей дефиниции, как «посткапитализм». Вместо установки на реализацию принципа равенства в «социальном государстве» и равноправия при классическом либерализме неолиберализм фактически реализует принцип неравенства. Вместо ценности коллективизма в «социальном государстве» и индивидуализма, прав и свобод человека в классическом либерализме, в неолиберализме за основу берётся аксиология неравенства. Применительно к гуманитарной сфере вместо философии социального единства в «социальном государстве» и философии гуманизма в классическом либерализме неолиберализм выстраивается на философском фундаменте элитаризма. Особо важно в плане сравнения идеологий различие в базовых антропологических моделях, представлениях, что есть человек. Если для «социального государства» человек — это социальное существо, а в классическом либерализме — индивидуум, то в неолиберализме происходит отказ от самого представления об антропологическом единстве человечества. Люди делятся на успешных и неуспешных, элиту и массы, креативный класс и «быдло».

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Особый случай представляет собой воплощение либеральной теории и практики в России. Либералы на Западе, исходя из представления о мире как о поле глобальной конкуренции, отстаивали в этой борьбе интересы «своих». Победа «своих» над «чужими» приносит определённые дивиденды и тебе. И не случайно английские либералы так нещадно резали — во имя торжества Британской империи — туземцев «цветных континентов». Британец Томас Мальтус фактически обосновал целесообразность демографических войн. Принималась как самоочевидная формула: «Что хорошо для Ост-Индской кампании — хорошо для Британии». Точно так же: «Что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для США».

Русские либералы успехи России никогда не считали своими успехами. Победы России ими воспринимались враждебно, а поражения встречались аплодисментами. Злорадство российских либералов в отношении неудач российской армии имело место и в Крымскую, и в Русско-японскую, и в чеченские войны. И не случайно Ф. М. Достоевский использовал выражение «европейский либерал» для определения имени врага народа русского.

Либерализм в России, если использовать терминологию Огюстена Кошена, являлся не только идеологией, но и выражением идентичности «малого народа». Идентичность «малого народа» строилась на противоположности идентичности «большого народа», на отрицании его ценностей, его государства. Либерализм, с ориентирами свободы и западничества, подходил для этих целей наилучшим образом. Быть либералом фактически означало, во-первых, быть «западником» (почти всегда, поскольку либералы, ориентирующиеся на Восток или российскую самобытность, —

нонсенс) и, во-вторых, быть русофобом (в значительной части случаев).

В системе международных отношений либерализм всегда использовался как идеологическое оружие против России. Через него происходило разрушение российских государственных и общественных потенциалов, цивилизационной системы жизнеустройства. Содержание либеральной политики в России можно условно определить как «курс 12 де-» («де-» — частица слов в латинском языке, означающая отрицание):

- деидеологизация
- деавтаркизация
- деэнтатизация
- деидентификация
- десоциализация
- децентрализация
- деиндустриализация
- деинтеграция
- демонетизация
- дестрационализация
- денационализация
- десакрализация

Народы во всех частях земного шара уже «наелись» либерализмом как таковым. В России либеральные реформы 90-х годов вообще полностью дезавуировали либерализм как политически конкурентоспособную идеологию. И сегодня идеологемами классического либерализма мотивировать на политические действия значительные массы людей уже более чем проблемно. Мотивационная привлекательность либеральных лозунгов прежних столетий минимальна. Доля партий, которые позиционируют себя в качестве либеральных, в парламентах стран мира не превышает сегодня 10%, а в России таковые с 2011 года отсутствуют вообще.

Но формы и лозунги могут быть осовременены. Новый идеологический продукт по форме и не похож на либерализм, что позволяет утверждать его адептам, что они — вовсе не либералы. Однако метафизика либерализма, его сущностные основания в этих модификациях сохраняются. Рассмотрим такого рода модификации.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ — ИННОВАТОРЫ И ЦИФРОВИЗАТОРЫ

Либерализм в данном случае протаскивается под видом апологии инноваций. Сегодня подавляющее большинство «инноваторов» по сути и есть замаскировавшиеся либералы. В годы президентства Дмитрия Медведева идеологема «инновация» и «модернизация», с подачи ИНСОР, были ключевыми. Что такое «инновация», никто не знал тогда и никто не знает сегодня. В целом это всё хорошее и другое, чем есть сегодня и здесь. Поэтому постоянно указывалось, что препятствия для инновационного развития, связанные с архаическими структурами государства и общества, архаическим сознанием власти и населения, должны быть обязательно устранены. Договаривались даже до того, что инновациям в России мешает её народ и чуждая протестантской этике русская культура. Соответственно, для развития страны все эти «архаические» институты должны быть демонтированы. Что, по сути, означает ту же либеральную заявку на демонтаж всей истории, цивилизаций, государств, классической семьи, социализированного в традиционной системе ценностей человека.

Среди демонтируемых институций оказывается и институт образования. Тезис о том, что концепция университета изжила себя и должна быть замещена онлайн-платформами, уже заявляется публично наиболее продвинутыми выразителями нового либерального мейнстрима.

Когда идея инновационного развития в упаковке медведевской «перезагрузки» оказалась дискредитирована (лозунг инноваций стал, как и следовало ожидать, прикрытием очередного распила выделенных под него бюджетных денег), вместо неё был выдвинут концепт цифровой экономики. Идеологема «цифровизация» выступает сегодня новой мейнстримовской эманацией либерализма. Лозунг

«цифровизация», как ранее лозунг «инновация», стал инструментом для упразднения целого комплекса традиционных общественных институтов. Уже используется понятие «цифровой человек».

«Цифровой человек» принципиально отличается от человека социального и представляет собой либеральный антропологический идеал.

Во-первых, такой человек существует и действует, прежде всего, в виртуальной реальности, тогда как реальные связи с социумом разрываются или минимизируются (по крайней мере, создаётся иллюзия такого разрыва). «Цифровая эмиграция» оказывается реализацией либерального принципа автономности индивидуума.

Во-вторых, такой человек самоконструируем, так как имеет цифровую природу. Он может сконструировать себя как угодно и вне зависимости от императивов любого реального социума, участвуя только в тех сообществах, которые выбирает сам. Это и есть выражение либерального принципа абсолютной свободы (включая свободу выбора имени, пола и даже собственного «Я»).

И вот то тут, то там создаются площадки криэйторов, где обсуждаются различные аспекты инновационно-цифрового будущего. В реальности это и есть закамуфлированные центры либерализма. Они формируют сеть. Результатом их деятельности является создание, особенно в глазах молодёжи, устойчивых негативных ассоциаций с «миром архаики офлайн», где находятся государство, религия, традиция и т. п.

Случайно или нет, но название главного инновационного образовательного проекта «Острова» совпадает со сценарием последнего доклада ЦРУ, посвящённого глобальным трендам развития. Сценарий подразумевает существование анклавов прогресса, существующих как очаги света среди архаизированного пространства отсталости. Но ведь о том же самом: создании

неких особых «точек роста» по образцу Сколково заявляют и сторонники модернизации образования. Сценарий «Острова» противостоит сценарию «Орбиты», подразумевающему выстраивание геополитического, геоэкономического и цивилизационного пространств вокруг ряда полюсов силы — таких как, например, Китай или Россия. Торпедирование проектом «Острова» проекта «Орбиты», если называть вещи своими именами, раскрывает враждебность «островитян» — сторонников точечного развития — к России как государству-цивилизации.

«МИР БЕЗ ГРАНИЦ»

Другая модифицированная под новые реалии идеологическая ширма либерализма выражается установкой «мира без границ». Границы в этой логике создают государства и представляющие их бюрократы. Креативный же класс может и должен жить там, где ему больше нравится. Такая переориентация постсоветских поколений отражается в опросах об отношении разных возрастных групп к выезду из России. Понятие «Родина», которое, при всех многочисленных исключениях, всё же имело сакральную ценность для предыдущих поколений, в новой системе координат оказалось лишено прежнего значения. По большому счёту, либерализм в его современных модификациях упразднил категорию «Родина».

Современные институции российского государства в целом, вступая в противоречие с национальными интересами, работают на либеральную установку «мира без границ». Так, международное сотрудничество входит как важный компонент в показатели эффективности и рейтинги высших учебных заведений. Получается странная вещь, что более предпочтительно для вуза подготовить специалиста не для своей страны, а для зарубежных рынков. Внедряется мысль, что трудоустройство за рубежом —

главный признак качественной подготовки и нормативный предмет вождельней учащихся «хороших вузов». А учащиеся вузов второго и третьего порядков — это «человеческие отбросы», годные исключительно для «помойки», в образе которой предстаёт собственно российская экономика.

Для научного сообщества ориентир «мира без границ» выражается в требовании цитирования международных индексируемых базами данных, доминирующее положение в которых занимают американские издания. Идея единого научного пространства — поверх государственных барьеров — также представляет собой либеральный концепт разрушения культурного единства с национальным государством и национальной культурной целостности учёных корпораций, что, вопреки распространённому либеральному мнению, не расширяет, а резко сужает фронт научного поиска, унифицируя и монетизируя приоритеты и методы исследований. При реализации данного концепта создаётся единая западнцентричная сеть учёных, в рамках которой альтернативные объединения (полный инновационный цикл), которые были созданы в своё время в Германии и СССР, оказываются невозможными.

Молодёжи внушается мысль, что для осуществления прорыва в «мир без границ» следует сами эти границы полностью или в максимально возможном объёме уничтожить. Собственно, «цветные революции» последних лет по всему миру были движимы как раз этой идеей: сношения границ для вхождения в общество западного процветания и свобод. Наиболее резонансно декларировал эти ориентиры украинский «евромайдан» зимы 2013/2014 года. Россия и советское прошлое при этом представлялись в качестве пут, мешающих лучшему будущему и настоящему. Идеологией «евромайдана» был не только отрыв от этих корней, то есть либеральная операция освобождения индивиду-

ума, но и свободное пересоздание собственного прошлого, все эти «укры — предки человека», которые выкопали Чёрное море, и так далее. Это — не идиотизм, а пример и даже образец реализации либерального «мира без границ»: не только в пространстве, но и во времени. Для россиян такая операция освобождения являлась освобождением от своего собственного государства.

Есть одно минимальное обязательное условие — знание английского языка. Говорят, знать его необходимо вследствие того, что данный язык является языком международного общения для всего человечества. В каких же документах этот уникальный статус определён? Оказывается, таких документов в природе не существует. Например, официальными языками ООН признано сразу шесть языков народов мира, включая русский. По общему

числу носителей на первой позиции идёт китайский. По количеству лиц, для которых соответствующий язык является родным, впереди английского находится, кроме китайского, также испанский язык. Да, английский занимает лидирующую позицию по количеству лиц, для которых он является вторым родным языком, но данный факт отражает не только его объективную роль в современной глобальной экономике и, соответственно, в политике, но и тот факт, что на внедрение английского языка в мировую коммуникативную практику выделяются гигантские финансовые средства. Кстати следующим на позиции второго языка даже сегодня идёт русский, выступающий объективным конкурентом английскому языку. Поддержка и даже реклама конкурента в свете глобальной борьбы является неразумной — и этот фактор играет далеко

не последнюю роль в диффамации всего русского в глобальной медиасфере. В своё время работники британского дипломатического корпуса даже отказывались изучать любые другие языки, полагая это унижением для себя и исходя из представления о том, что это дипломаты других стран должны знать английский, а не они — языки стран пребывания. Сегодня изучение английского языка, конечно, не тождественно принятию либеральной глобалистской платформы, но это является обязательным шагом для попадания в идейное сообщество «западников».

«СВОБОДА САМОВЫРАЖЕНИЯ»

Принцип «свободы самовыражения» сегодня является фактическим проявлением либеральной этики без прямой апелляции к самому либерализму. Человек, принявший

установку на «свободу самовыражения» в качестве своего приоритета, даже может декларировать ценности, противоположные либерализму, но по своему этосу является либералом. Либерализм исходит из приоритетности индивидуума, свобода которого является для него высшей и безусловной ценностью. Соответственно, проявить свою индивидуальность — главная жизненная установка для любого индивидуума.

Но проявлять индивидуальность, когда её стремится проявить каждый, оказывается всё сложнее. И вот уже такой человек в поисках своей «свободы самовыражения» доходит до отрицания нации, расы и пола. Выдвигается и пропагандируется, например, теория гендера, в рамках которой индивидуум вправе выбирать свой пол. Но и это не предел. Логика либерализма выводит на утверждение права индивидуума конструировать себя как угодно, вплоть до замены тела, киборгизации, проекций транс- и постгуманизма.

Индивидуализация осваивает первоначально пространство всего того, что не запрещено: вначале — в нравственном плане, а за-

тем — только в правовом. После чего осуществляется уже выход за границы социальных табу. И вот то, что прежде считалось грехом, уже репрезентуется в качестве мейнстрима для свободного и творческого человека.

Все социальные обременители и нормы мешают индивидуализации, достигаемой через их преодоление со стороны «свободного человека». Традиция, религия, государство, гражданство, семейные ценности — всё это лишь помехи для самореализации человека. А любые власти, оперирующие — даже формально — такими категориями-ограничителями становятся имманентно враждебной для свободного индивидуума сущностью, «Левиафаном», которого необходимо уничтожить. И выражение индивидуальности всё более экстремизируется, в конце концов приводя к всеобщему антигосударственному бунту.

То есть все постидеологические проявления либерализма имманентно враждебны традиционному национальному государству, тем более — государству с особыми историческими традициями,

к числу которых относится и Россия. Но на уровне высшего руководства российское государство во всём этом не видит угрозы и, более того, поддерживает все эти течения, полагая их передовыми и привлекательными для молодёжи. Вспоминая марксистскую догматику, РФ сама готовит себе могильщика.

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Главный нерв современности — столкновение либерализма с традиционным государством. И в итоге такого столкновения либерализм пока побеждает.

Его победа определяется тем, что традиционное «национальное» государство само по себе является переходной ступенью в реализации либерального проекта от традиционного общества и государств-империй к сетевому планетарному устройству. Сразу такой переход при отказе от модели государств-империй осуществить было бы невозможно. Промежуточным звеном и явилось государство-нация, структурируемое

из индивидуумов, объединённых на основе принадлежности к гражданству. Какой-то высшей идеи, в качестве которой выступала прежде религия, у этого государства уже нет, оно представляет собой временные сборки индивидуумов, потребность в которых, по мере формирования мировой системы и развития технологий, отмирает.

Либеральные перспективы были, правда, в XX веке торпедированы проектами социальных идеократий: фашистской и коммунистической. Но эти противники по итогам столетия оказались повержены.

Само по себе национальное государство не может противостоять либерализму, поскольку оперирует тем же, что и он, базовым образом человека-индивидуума, который в этом своём качестве ценностно запрограммирован на разрушение любых социально-сборочных и тем более мобилизационных структур, которые сопряжены с национальным государством. И противостоять либерализму возможно только с позиций иной антропологической модели, где человек не есть индивидуум, а представляет собой нечто иное — например, божественный проект или социальную сущность. Но это означает разрыв консенсуса, связанного с правами человека-индивидуума и со всеми производными от этих прав.

В теории либерализма важнейшее, ключевое место отводится понятию «общественного договора». В действительности, никаких общественных договоров подобного рода историей и антропологией не фиксируется. Это — мифологема, несущая критически важную идеологическую нагрузку. Мол, исходно в мире шла война всех против всех. Индивидуумы, не достигшие ещё должного нравственного состояния, могли истребить друг друга. И тогда ими был заключён общественный договор, согласно которому и появилось государство. Государство есть зло — Левиафан, но его учреждение было исторически необходимо

для недопущения самоистребления человечества. Теперь же, когда человек достиг должного нравственного состояния, этот Левиафан, как зло, должен быть низвергнут. Передовые индивидуумы-либералы первыми вступают в борьбу против Левиафана и в конечном итоге его побеждают. В этом, собственно, и состоит весь либеральный исторический миф.

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

В лексиконе либерализма устойчиво присутствует понятие «демократия». Отступление от принципов демократии, по либеральным лекалам, является величайшим политическим преступлением. Однако демократия в либерализме давно перестала быть синонимична народовластию, власти большинства. Большинство для либералов — реакционно и архаично. Демократия перетолковывается ими как власть продвинутого меньшинства, разделяющего либеральные ценности и в перспективе уподобляющегося большинством в будущем везде и всегда. Поэтому можно говорить об «историческом разводе» между либерализмом и демократией, хотя в действительности такое разграничение существовало в либерализме исходно. И здесь опять мы выходим на базовые антропологические представления в либеральной теории.

Дело в том, что не каждый человек, сообразно с либеральной традицией, является «человеком» в собственном смысле этого слова. Разделение рода человеческого на «настоящих людей» или «сверхлюдей», просто «людей» и «недочеловеков» восходит ещё к временам античности, откуда принято выводить идеи западных гражданских свобод. В США великие американские либералы, включая президентов, являлись рабовладельцами. Спрашивается, как же либерал, если он либерал, может владеть рабами? Но никакого внутреннего противо-

речия здесь не было. Негров, равно как индейцев, либералы просто не считали людьми в полном смысле слова. Так же, как большинство российского населения не воспринимается и никогда не воспринималось либералами в качестве людей. Для них эти двуногие человекообразные существа являются, согласно классификации просветителей XVIII века, «дикарями» или «варварами», а в актуальной интерпретации — «совками», «ватниками», «быдлом», «анчоусами» и т.д., в лучшем случае — «новой нефтью».

Антропологическая альтернатива либерализму

Итак, мы должны сделать вывод, что либерализм из явления идеологического, каковым он являлся в XX веке, в XXI веке стал явлением онтологическим. Для преодоления либерализма сегодня уже недостаточно разработать и заявить идеологическую альтернативу ему. Преодолеть либерализм потенциально возможно, лишь изменив базовый, во всех его бытийных и ментальных проявлениях, тип человека. Требуется деконструировать тип человека-индивидуума в его аспектах «человека экономического» и «человека-потребителя». Такая деконструкция требует изменения ценностно-целевых основ всей системы образования и воспитания, культуры, социальных отношений.

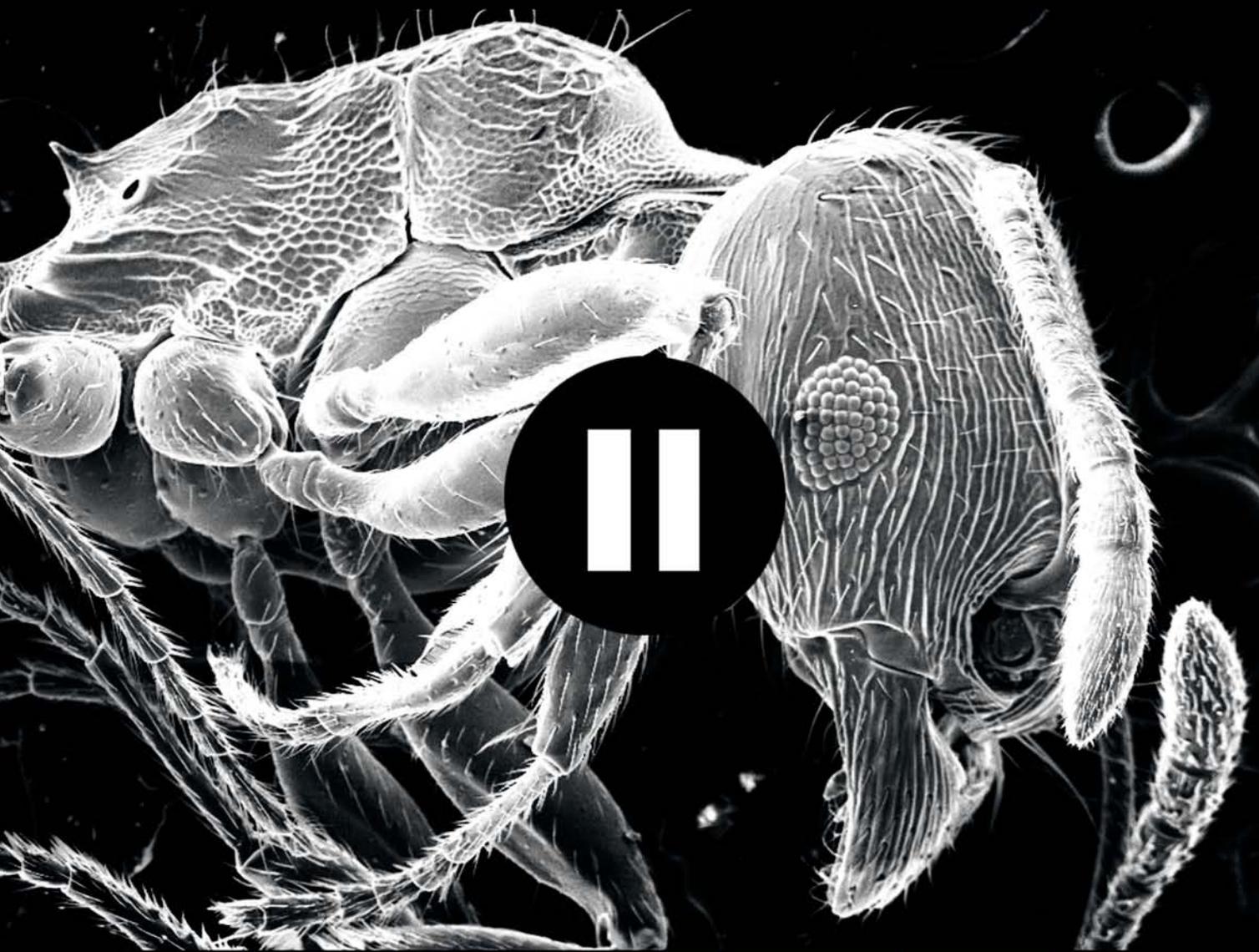
Современный человек, выстроенный по лекалам антропологии индивидуума, оказывается так или иначе в плену у либеральной системы. Он — её пленник уже по самой своей природе.

Нужен, таким образом, новый антропологический проект. Новый человек должен мыслиться, в противоположность либеральному человеку, не в качестве «атома общества», а в качестве процесса — в комплексе не статических, а динамических характеристик. Целевым ориентиром такой динамической трансформации, если применять терминологию исихазма, выступает духовное преображение, «обожение» человека.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Глобализация не закончилась, но взяла паузу

20 KV

71.1 X

1 mm

KYKY-EM3900

SN:1052

Консервативная идея на Западе, прежде всего в США и странах Европы, набирает популярность и вступает в достаточно жёсткое, местами на грани физического конфликта противостояние с идеями либеральными. Можно говорить о некоем консервативном ренессансе, однако есть моменты, на которые стоит обратить внимание. Во-первых, консервативная пропаганда строится на борьбе с мигрантами, и это характерно как для США, так и для Европы, и зачастую такая борьба превращается в завуалированный, но вполне читающийся расизм, который в перспективе может стать питательной средой для развития националистических тенденций вполне радикального толка внутри самого консервативного движения. Во-вторых, современные консерваторы строят свою идеологию в том числе на антикоммунизме, что не может не волновать значительную часть уже российского общества, так как в нашей стране, в свою очередь, набирают популярность идеи, которые пытался воплотить в жизнь Советский Союз. И само понятие СССР для большинства россиян имеет скорее положительный, нежели отрицательный оттенок. С другой стороны, западный консерватизм декларирует приверженность традиционным, преимущественно христианским ценностям, и это вызывает если не симпатию, то одобрение с нашей стороны. Об этом рассказывает **заместитель председателя Изборского клуба, доктор философских наук Виталий АВЕРЬЯНОВ.**

«ИЗБОРСКИЙ КЛУБ»: Виталий Владимирович, чем, на ваш взгляд, обусловлено нынешнее противостояние консерваторов и либералов на Западе? Это противостояние определённых элит, которые используют эти идеологии в сугубо своих корыстных целях, или мы имеем дело, прежде всего, с духовным кризисом западного общества?

Виталий АВЕРЬЯНОВ: Резкость идущей дискуссии — явный признак того, что ни консерваторы, ни сторонники прежнего неолиберального тренда ещё не вполне осознали, что происходит смена парадигмы. Они ещё живут во вчерашнем контексте, оттого и такое озлобление с обеих сторон. Это противостояние — эксцесс, связанный с отсутствием реальной демократии. У нас бытует представление, что фальсификация выборов, манипуляция электоратом — характерная черта «новых демократий», государств со слабой демократической традицией. Но это не соответствует действительности, это — миф. В Западной Европе и США фальсификация политики, в частности —

выборов, уже давно институционализована, то есть негласно узаконена. Это объясняет тот факт, что всю вторую половину XX века в этих государствах постепенно набирали вес леволиберальные гибриды, иногда выступающие под маской консерватизма, но фактически проводящие повестку транснациональных субъектов.

Власть на Западе уже после де Голля и Кеннеди, если не раньше, превратилась в абсолютную марионетку транснациональных сил, которые у нас ещё с начала XX века принято называть «закулисой». Парадокс развития «демократий» на Западе в том, что все эти полвека в них происходило расширение рамок юридической и моральной «нормы», толерантности и политкорректности под давлением нескольких агрессивных меньшинств — флагманов мондиализма (этнических и расовых групп, ряда контркультур, ЛГБТ, новых религиозных движений, экологистов, сторонников отрицательного демографического роста и деконструкции белой расы и христианской культуры, либертарианцев, феминисток, представляющих не интересы реального большинства женщин, а интересы сложной коалиции, состоящей в своём ядре из женской колонны фрейд-марксизма и лесбийского движения и т.д.). За всем этим пёстрым сбродом стоит мощная группировка финансового спекулятивного капитала. Остальная часть западных обществ — пассивно обороняющееся консервативное большинство, не желающее ни расширения моральной нормы, ни вывода производств в страны третьего мира, ни мультикультурализма, ни расового смешения, ни гендерной реформы. И, хотя оно до сих пор остаётся реальным большинством, политическая практика западных «демократий» данный факт игнорировала.

Слом этой парадигмы намечился на последних президентских выборах в США и был ошутим на нескольких выборах в Европе (в частности, в Венгрии, Италии, последние события во Франции). Успех партии Мари ле Пен в этом году, к примеру, не означает, что в обществе увеличился процент правых. Он не увеличился за несколько лет, он уже давно позволил бы консерваторам взять верх, если бы не манипуляции со стороны парамасонских элит Европы. Почему на этот раз данные элиты начали открывать шлюзы для консерваторов? Вот в чём самый интересный вопрос момента. По всей видимости, они исчерпали лимит на леволиберальное развитие. Это не означает победы промышленного капитала над финансовым, но это означает, что перераспределение зон ответственности происходит внутри самого финансового капитала.

Происходящее сейчас не станет торжеством консервативного большинства — оно как было, так и останется ведомым эзотерическими структурами «глубинным государством» транснационалов. И на следующем витке развития ничто не помешает им вновь открыть дискурс мондиализма, размывания границ и расширения всех и всяческих норм. Но называться это будет, возможно, и не «либерализмом», а как-то иначе.

«И. К.»: **Насколько вероятен сценарий скатывания консервативной идеи в США и Европе до уровня неонацизма, учитывая тот факт, что сегодня основной движущей силой консервативной пропаганды являются борьба с мигрантами (видоизменённый расизм), национализм и антикоммунизм?**

В. А.: На мой взгляд, в перспективе 15–20 лет в Европе вполне вероятен сценарий ручного управляемого неонацизма. Он не приобретёт таких угрожающих размеров, как в эпоху Второй мировой войны, но будет играть важную роль в подготовке следующего витка глобализации. В частности, вышеперечисленные меньшинства будут исподволь возвращаться и культивироваться. Одновременно с этим будут развиваться проекты трансгуманизма, эксперименты с искусственным интеллектом, биороботизацией, генетикой человека. Кстати, улучшение генофонда путём искусственного редактирования генома — неплохой мотив для современного неонацизма. Эдакая замена старой расовой евгеники. Могут восторжествовать идеи локальных суверенитетов, первым серьёзным симптомом чего стал Брексит. Но глобализация не закончилась, просто она по объективным причинам взяла паузу.

«И. К.»: **В чём заключаются эти объективные причины?**

В. А.: Самыми важными, на мой взгляд, являются два фактора. Первый из них — перегруппировка сил на Западе и среди его сателлитов в связи с тем, что им не удалось сломать тенденцию возрастания могущества Китая. Второй важный фактор — темпы наступления «дегуманизации» (расчеловечивания, по-русски) оказались несколько выше, чем западные общества могут переварить. Если эти темпы оставить прежними, это привело бы к социальному расколу и взрыву. Консервативное большинство всё-таки пока остаётся большинством. Один из главных принципов наступления постхристианских сил, сформулированный адептами Франкфуртской школы и их последователями, — скорость изме-

нений не должна быть слишком высокой, она должна быть не очень заметна для обывателя. Та модель, которая сложилась, в социальном плане опасна для хозяев Западного мира. Кроме того, она ещё становится и тормозом в плане творческого развития. Ведь «конца истории» не произошло, впереди жёсткое противостояние с Китаем, Ираном, возможно, с Индией, Россией и Латинской Америкой. Выродившаяся леволиберальная идеология не способствует мобилизации общества и уверенному развитию, она стала идеологией застоя, остановки развития, мародёрства на жертвах «оранжевых революций», купания в «конце истории» и при этом — миграционной капитуляции перед демографически мощными Востоком и Югом. Не случайно главные движущие силы неолиберализма сегодня — паразитические, непроизводительные слои. Креативность этого класса в основном сводится к самовыражению богемы, деятелей информационного общества.

На данном этапе глубинная власть Запада может осуществить организованное отступление, сделать ставку на более адекватные кадры, восстановить нужный ей мировой баланс, одновременно готовя обходной манёвр для следующего наступления на мир старых ценностей.

«И. К.»: **По-вашему, в каком случае Россия извлечет бóльшую выгоду для себя: приняв участие в этом противостоянии или оставаясь в роли стороннего наблюдателя?**

В. А.: Россия не может принять участия конкретно в этом противостоянии. У нас либеральный слой слабый, навязанный обществу, не укоренённый в нашей культуре. Консерватизм же наш — другой, чем у них, по самой своей природе. И национализм у нас — другой. Скажем, национал-социализм или фашизм в России могли бы возникнуть только как симулякры, как обслуга интересов олигархических кланов, но не почвенные течения. Наш национализм — имперский. Его отличие в том, что мы его создаём не на осколках собственной империи (такой национализм для великого народа был бы абсурден) и не как собрание в историческую общность окружающих племён (мы, наши предки уже давно проделали такую работу). Нам нужно не национальное государство в оркестре европейских или каких-то иных государств. Нам нужен свой альтернативный глобальный проект, в котором смогут принять участие все желающие. То есть в нашем случае национализм — это скорее строительство ковчега спасения на отведённой нам Богом части

суши и моря. А другие тоже могут попробовать построить ковчеги на своих территориях — мы не против.

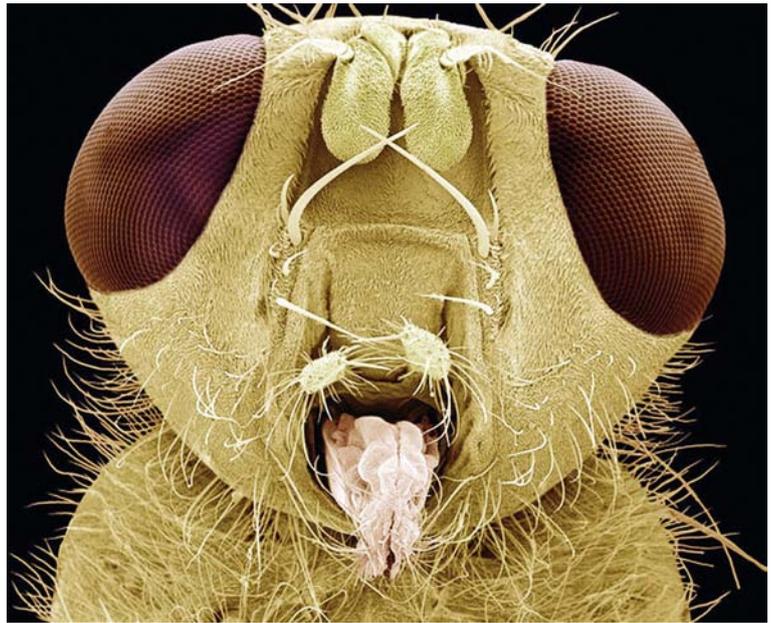
Национализм русского народа никак не противоречит имперскому подходу и формированию больших союзов безопасности и сотрудничества. Поэтому я всегда с возмущением воспринимал спекуляции на тему «русского фашизма». Он в принципе невозможен. Может быть какой-то «бытовой фашизм» в подворотне или в трамвае как частный случай хулиганства. Может быть «русский нацизм» как провокационный перформанс какого-то ловкого дельца. Но не может быть русского нацизма на уровне большой политики. Его не поддержит народ, у нас другой менталитет.

Новый нацизм на Западе, который может повысить военную и боевую мощь Европы, не является для нас благоприятным сценарием. В интересах России — децентрализованная, слабая, лишённая высокой морали и боевого духа Европа. Сильная, объединённая и волевая Европа — это всегда опасность для России.

«И. К.»: Тем не менее есть ли у русских консерваторов точки соприкосновения с консерваторами Запада, которые позволили бы говорить о некоем, пускай и временном, союзе?

В. А.: Точки соприкосновения, конечно, есть, но их немного. Они в первую очередь заключаются в том, что западные консерваторы нуждаются в России, пока они ещё слабы. Другой вопрос: зачем они нужны нам? Может ли, к примеру, Гийом Фай, провозгласивший идею «Евро-Сибири», претендовать на какое-то заметное влияние в Европе? Конечно нет. Если исходить из реальной политики, то взрастить на Западе консервативные силы, близкие нам по духу, мы могли бы только в случае погружения Европы в хаос и войну всех против всех, когда её цивилизационная харизма была бы раздавлена. Тогда мы могли бы выступить в роли спасителей от полного краха и повторить опыт Сталина, создавшего в Восточной Европе просоветские режимы (кстати говоря, он поначалу не собирался делать их коммунистическими, но был согласен на пояс «народных демократий» — однако англосаксы, начав холодную войну, вынудили «отца народов» пойти на обострение).

Давайте посмотрим на конкретные точки соприкосновения. Отказ от мультикультурализма и от миграционного наводнения в Европе сделает Россию более уязвимой — мигранты захотят проникнуть и к нам. Что касается ис-

ламской проблемы — России опасны радикалы, те, кто взрывает традиционный ислам изнутри. Ваххабиты, ИГИЛ, террористические группировки для нас неприемлемы. Но Иран — наш естественный союзник. С большинством арабских стран у нас глубочайшие традиции сотрудничества. С такими странами, как Индонезия или Малайзия, нам нечего делить. Наконец, у нас есть российский традиционный ислам, а также традиционный ислам в республиках бывшего СССР. Запад не отделяет свой национализм от темы расовой и культурной сегрегации. У нас — прямо противоположный подход. Запад, в том числе — националисты, выбирает иудаизм и христианство в качестве важных элементов своей геостратегической идентичности. Отсюда и его антиисламизм. России это совершенно не подходит.

«И. К.»: Путин заявил об уходе от либерализма. Это послание Западу или послание внутрь страны?

В. А.: Прежде всего, это послание Западу. Путин претендует на то, что в России он сможет воздвигнуть один из главных флагштоков консерватизма. Поэтому для его внешней политики союз с правыми на Западе, в частности — с католиками, а также с ле Пен во Франции и другими политиками подобного толка, перспективен. И если им дают «зелёный» свет сильные мира сего — Путин от этого выиграет. Он как будто долго ждал и вот дождался первых признаков «заморозков», вернее, «подмораживания» Запада. Однако в стратегической перспективе эти союзы для России мало что дают. Для нас

главная выгода из возникающей ситуации состоит в том, что, пока Запад перестраивается, мы тоже получаем передышку и можем за это время исправить трагические ошибки постсоветского периода, нарастить собственную мощь, попробовать вступить в союзы с естественными геостратегическими партнёрами, из которых на первом месте для нас стоит Индия (но не Китай, с которым мы равноправными партнёрами быть не можем).

Что касается послания внутрь — сейчас, похоже, начался лихорадочный поиск корректив для официальной идеологии. Негласная идеология власти, существующая до сих пор, — либеральный консерватизм. Заявив об отходе от либерализма, Путин даёт сигнал о возможной смене идеологического вектора. По имеющимся сведениям, этот сигнал уже артикулирован в верхней прослойке российской власти.

Но где альтернатива? Основные вменяемые альтернативы либеральному консерватизму сосредоточены в Изборском клубе. Не буду перечислять всех, достаточно назвать имена Глазьева, Ивашова, Дугина и объединяющую их платформу «Пятой империи» Проханова. Все эти взгляды в моей оптике можно рассматривать как различные модели динамического консерватизма. Мне ближе та модель, которая связана с переходом от нынешнего квазифеодального, кланового уклада к технократическому традиционализму, то есть решительное возрождение консерватив-

ных традиций в духовно-гуманитарной сфере, осуществляемое одновременно с проектом третьей модернизации России, с упором на технологии V и VI технологических укладов (первая модернизация была осуществлена до революции, вторая — сталинская). На этот раз и впервые модернизация должна пройти целиком на традиционалистской основе, то есть с достаточно ясным сознанием своих цивилизационных целей, своеобразия и миссии России.

«И. К.»: Как осуществить этот синтез? Насколько совместимы левые и консервативные идеи в России?

В. А.: По традиции мы всё ещё называем эти идеи «левыми» и «правыми». Но в действительности происходит постоянный отбор идей, историческая отбраковка одних и синтез других. Жёстких привязок к «левизне» и «правизне» нет, поскольку цивилизация не стоит на месте, а скорее вращается вокруг своей оси, наращивая суммарный социальный опыт. В XX веке Россия объективно повернулась лицом к социализму. И даже если бы большевики не победили, социалистическая идея была бы мощно представлена и при монархии, и при республике.

На мой взгляд, главная проблема России — не идеологическая. Ведь большинство народа, да и немалая часть элит стоят на более-менее целостной патриотической платформе, в которой синтез социального консерватизма уже произошёл. Главная проблема России — дефицит суверенитета, причём это не какое-то силовое внешнее управление, а управление элитами, их мозгами и душами. У нас колонизирована не сама страна — колонизировано сознание нашей элиты. И часть её уже хотела бы освободиться, но мешают «крючки», связанные с собственностью, меркантильными интересами, компроматом и т.д. Отсюда вся эта бескрылая клептомания, цинизм, никогда не снимаемая маска «прагматизма». На деле это безволие, трусость или слабоумие. Их зачарованность могуществом глобального финансового диктатора — самообман, психическая зависимость от своих же вчерашних ошибок, за которые очень не хочется нести ответственность. Легче переложить вину на свой народ как «тёмный», «отсталый», «ленивый», «нецивилизованный».

Олигархат бывает не только частный, но и клановый (псевдогосударственный). Пока Путин сберегает олигархический уклад, пока он делает ставку на миллиардеров и чиновников, верно служащих не государству, а своим кланам, которые их продвинули, — суверенитета у России

не будет. А значит, и наш социально-консервативный консенсус, который уже сложился и в умах, и в душах людей, не реализуется.

Заметьте, то, о чём я говорю, прекрасно понимала власть все эти годы. Поэтому в России так и не дали возникнуть реальной патриотической оппозиции. Дают зелёный свет кому угодно, имитируют оппозицию в виде всевозможных «навалых» и «удальцовых», у которых в обществе нет мало-мальской поддержки. Потому что они не выражают реальных национальных интересов.

Да, на поверхности общества продолжает плавать, как пена, демагогия о несовместимости красных и белых, западников и патриотов, лузеров и винеров и т.д. Но если посмотреть чисто социологически, то никаких западников и винеров в народе нет, их исчезающе мало. Что же касается белых, то если понимать под ними «февралистов», сторонников масонского Временного правительства, — то таких в народе тоже почти нет. Нет и красных, если понимать под ними троцкистов и сторонников «мировой революции». Но тогда и самой гражданской войны как таковой в умах уже нет. Весь этот раскол давно устарел, и продлить ему жизнь пытается небольшая группа либеральных журналистов и редакторов масс-медиа, выполняющих, опять же, олигархический заказ. Если бы началась реальная идеологическая «разборка», мы без этих посредников между собой очень быстро договорились бы.

Динамический консерватизм предохранил бы Россию от вырождения в фундаментализм: будь то восстановление государства в стиле романовской империи или советского порядка. Нам нужно нечто новое, кентавр ортодоксии и инноваций. Если реализуется сценарий «подмораживания» Запада, нам нужно успеть восстановить свой североазиатский цивилизационный материк как центр силы и добиться неуязвимости перед новыми вызовами, которые нам приготовят конкуренты. Конечно же, либеральная идеология, как и либеральный консерватизм, бывший до сих пор компромиссной идеологией Кремля, для таких задач совершенно не годятся.

«И. К.»: Какой же должна быть реальная политическая платформа социального консерватизма, о котором вы говорите?

В. А.: Если попытаться сформулировать ключевые моменты того консенсуса, который, на мой взгляд, уже сложился в нашем обществе, то я бы выделил следующее.

Первое. По закону, в России земля и природные ресурсы могут быть в разной форме собственности, а недра — только в государственной. Наш консенсус — не только недра, но и все ресурсы, и вся земля должны быть в госсобственности. Это наше общее национальное достояние. Частник может пользоваться ресурсами и недрами, но не может ими владеть.

Второе. Очищение государства, возвращение активов в Россию, уничтожение подставных собственников (сейчас, по оценкам наших экспертов, до 80% крупных частных активов РФ через аффилированные структуры принадлежат не российской, а мировой олигархии).

Третье. Двухукладность экономики: народные предприятия плюс национальный капитал. Ставка должна быть на средний бизнес, который сейчас уничтожают, на производственный капитал (то есть реальный сектор). Глубинная сущность социализма — не в уравнительном распределении благ, а в справедливости вознаграждения за труд и справедливости кары за преступления.

Четвёртое. Декоммерциализация социальной и коммунальной сфер, частичная национализация энергетики, твёрдые госрегулируемые цены на бензин, ликвидация всевозможных частных прилипов, паразитирующих на государстве, и т.д. — вектор, думаю, понятен.

Пятое. Дешёвое сырьё плюс дешёвая энергия для своих производителей, дешёвые кредиты для национального бизнеса, реиндустриализация стратегических секторов экономики, государственные инвестиции в инновационный высокотехнологичный сектор.

Это, конечно, не исчерпывающий список. Но в этой беседе не стоит задача развернуть полную программу. Попробую сформулировать итог, все эти пункты объединяющий и объясняющий. Целью нашей стратегии должно стать **солидарное общество**, подразумевающее своё государство, заставляющее сильных и богатых служить своему народу, а не гнобить его; свою, родную финансовую систему, которая работает на нас, а не на мировых хозяев; свою духовную культуру и традицию, которая обеспечит России будущее через самосознание и совесть наших детей. Вот в чём состоит социально-консервативный договор, под которым, уверен, подпишутся десятки миллионов наших людей.

На первом этапе перехода к такой государственной доктрине, думаю, невозможно обойтись без инструмента с не очень приятным названием «национальная диктатура». Пусть неприятно, но полезно — примерно как горькое лекарство.

Беседовал Дмитрий БОРИСЕНКО

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Идеологические САМОЗВАНЦЫ

От какого либерализма мы отказываемся?

Если говорить о том, что либеральная доктрина на данный момент исчерпала себя, — нужно понять, что мы имеем в виду: либерализм как идеологию, провозгласившую ценности Свободы и Разума, утверждавшую, что каждый человек от природы рождается не рабом, а свободным, и, в силу своей природы, достаточно разумен, чтобы иметь право и способность распорядиться этой свободой, если не будет лишён собственности, — или авантюристическую и лицемерную

практику ограбления людей и стран, характерную для мира уже три столетия, а для нашей страны — последние три десятилетия?

Вполне справедливо и заслуженно обличая тех, кто сегодня называет себя либералами в России, следует понимать, что от либерализма можно отказываться, чтобы двигаться дальше и выше — к обществу Познания и Созидания, а можно — чтобы двинуться от него в прошлое, к Средневековью, к признанию исходной несвободы и неравенства людей.

К сожалению, второй вариант в нашем обществе сегодня намного популярнее и влиятельнее, чем первый.

ЛИБЕРАЛИЗМ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Либерализм как идеология рождён, в целом, эпохой Просвещения.

Его системные ценности — признание того, что человек от рождения свободен и равен по своим естественным правам любому иному человеку; что он — существо разумное и имеет право самому распоряжаться своей свободой. Утверждение о том, что на деле человек только тогда становится свободным, когда обладает собственностью, — ведь материально не обеспеченный человек оказывается лишён и возможности реализовать свои естественные права.

Базовая политическая доктрина либерализма заключается в том, что не человек должен служить власти, якобы данной свыше, а власть должна служить человеку, что государство — не высшая ценность, не бог, не абсолют, а всего лишь инструмент, созданный людьми для решения их общих задач, необходимое условие существования общества, пока общество не сможет обойтись без государства. А потому государство обладает и должно обладать властью лишь в той мере, в какой оно опирается на так или иначе выраженную волю народа. Воля народа — выше не только воли власти, но и воли закона, обретающего силу лишь постольку, поскольку таковой опирается на волю народа. Источником и единственным окончательным носителем власти является народ.

Можно ли оспаривать или отвергать эту выдвинутую либерализмом концепцию прав человека, положенную в основание всей современной политической жизни, в том числе — в Декларацию прав человека ООН 1948 года? Конечно, можно, но это, на мой взгляд, бессмысленное и контрпродуктивное занятие.

С экономической доктриной либерализма дело обстоит сложнее. Весьма распространено убеждение, что она базируется на рыночном фундаментализме, предусматривающем абсолютно свободную и стихийную игру производящих и потребительских действий каждого человека, абсолютизации экономической стихийности.

Либерализм дал миру три исторических воплощения: классический либерализм, имевший в себе всю названную аксиологию (сво-

бода, разум, собственность), политическую доктрину демократии, разделения властей, контроля гражданского общества за государством и экономическую доктрину «смитовского» рынка: минимум государственного вмешательства, свободная конкуренция, «невидимая рука» и т.п.

Либерализм говорил о приоритете рыночного регулирования в XVIII–XIX вв. — тогда, когда национальный и в особенности мировой рынок действительно выполнял эту функцию в силу относительной неразвитости экономических отношений. Но реализация этих подходов уже к концу XIX века привела к череде кризисов, восстаний, революций и т.п. В результате классический либерализм оказался под таким морально-концептуальным прессингом марксистского социализма, потеря им морального и научного авторитета была настолько очевидна, что пришлось выбирать: либо уходить с исторической арены, либо меняться.

В результате началась переработка (Т. Грин) экономической составляющей данной идеологии. Суть её заключалась в том, что было признано: рынок не обеспечивает эффективного экономического регулирования, не обеспечивает равных прав работодателя и рабочего, не обеспечивает равных стартовых условий для граждан. Поэтому государство обязано вносить свои коррективы, выступая регулятором рыночных отношений: оно должно гарантировать права наёмного работника перед лицом собственника, регулировать производство в интересах общества, обеспечить гражданам равные стартовые условия для будущего экономического и социального соревнования, обеспечивая получение образования, охрану здоровья, право на труд, социальные гарантии в старости.

Наиболее успешной реализацией этой концепции «нового либерализма» стал «Новый курс» Ф. Рузвельта, означавший исторический конец классической рыночной экономики и открывший дорогу современным «социальным государствам» Запада. Отдельно отметим, что этот триумф в значительной степени стал возможен благодаря успехам плановой экономики СССР.

Либералы считали, что залог экономической независимости человека — институт частной собственности, которая в идеале должна быть у каждого. Коммунисты указывали, что частная собственность ведёт к тому, что большая часть общества оказывается

лишена её в пользу богатого меньшинства, поэтому частная собственность как экономическое явление должна быть уничтожена — не для того, чтобы собственности не было ни у кого, а для того, чтобы не было тех, у кого её нет. Излишне уточнять, что в данном случае под собственностью имелась в виду собственность на средства производства, а не на зубные щётки, телевизоры, квартиры и т. п.

То есть, по сути, коммунизм — не только «двоюродный брат» либерализма, но его наиболее радикальное и последовательное воплощение.

Когда после Второй мировой войны либерализм и коммунизм победили своих цивилизационных конкурентов, борьба вокруг различий между ними составила целую историческую эпоху холодной войны как противостояния не только государств СССР и США, не только социально-политических систем социализма и капитализма, но также — идеологий коммунизма и либерализма. И это была борьба исходно родственных проектов, родственных начал, в которой различия вышли на первый план именно за счёт того, что общее сходство принималось как неоспоримое.

Обе идеологии объединяли следующие черты: исходная вера в совершенство человека и его потенциальную способность к саморазвитию, то есть антропологический оптимизм; вера в историю и исторический прогресс, то есть признание того, что человек способен делать выводы из своей прошлой деятельности и идти к лучшему мироустройству.

При этом предполагалось, что человек — это главное, а формы, в которых люди объединяются для своего существования (нации, государственные устройства, партии и т. п.), — вторичны и инструментальны. Что и отличало оба этих течения прогрессизма от традиционалистских течений консерватизма и национализма, где человек рассматривался как феномен, вторичный по отношению к тем или иным высшим началам: нации, богу, государству, традиции и т. д.

Когда СССР провозгласил амбициозный проект «построения материально-технической базы коммунизма к 1980 году», «новый либерализм» попытался ответить проектом «Великого общества» Л. Джонсона. Споры о том, почему последний провалился, — идут до сих пор. Но поражение этого проекта привело к активизации «нового консерватизма», который, в отличие от «нового либерализма», вернулся к рыночной экономической доктрине

А. Смита, что в персонализированном виде связано с именем Милтона Фридмана.

То есть либерализм в XX веке отказался от рыночной теории, а консерватизм её перенял, в отличие от политической доктрины демократии. Далее первый вырос в «неолиберализм», давший триаду ценностей — «демократия, государственное регулирование, моральные ценности (ответственность, совесть, сочувствие и т. п.)», а второй — в «неоконсерватизм» Р. Рейгана и М. Тэтчер, где определилась другая триада: «авторитаризм, рынок, традиционные ценности».

Некую путаницу вносило то, что многие из «новых консерваторов»: а к их числу относились и Фридман, и Хайек, и Поппер, — настаивали, что именно они являются «настоящими» либералами, поскольку отстаивают смитовскую экономическую теорию. Отсюда родилось некое различие либерализма вообще и т. н. «экономического либерализма», характерного для «неоконсерватизма».

Нынешний упадок и кризис либеральной идеи означает лишь одно: объективно существует возможность её реинкарнации в качестве нового, отвечающего требованиям XXI века проекта.

Этот проект должен решать следующие задачи:

- возврат к демократизму, признанию власти народа и своей обязанности служить ему — как высшим началам своей идеологии и политики;
- выработку модели развития общества — в условиях замещения рынка новыми формами организации экономических процессов, в условиях превращения знания и информации в основную производительную силу, в условиях появления новых производственных групп, когда обладание интеллектуальным капиталом становится выше и значимее обладания капиталом финансовым.

В XVIII веке либерализм родился как выражение интересов ведущего и передового класса своего времени — предпринимателей. В XXI веке обслуживать интересы этого класса — всё равно что в XVIII веке присягать на верность феодальным баронам. Поэтому либерализм получит новый исторический шанс лишь в том случае, если сумеет понять, узнать и назвать тот новый класс, который связан с производством интеллектуального богатства и воспроизвод-

ством интеллектуального капитала; если сумеет сказать и выразить то, что нужно этому классу, а не классу экономических спекулянтов — финансовых олигархов, признав старых собственников теми, кем они всё больше становятся — помехой на пути развития Истории, Человека, его Разума и Свободы.

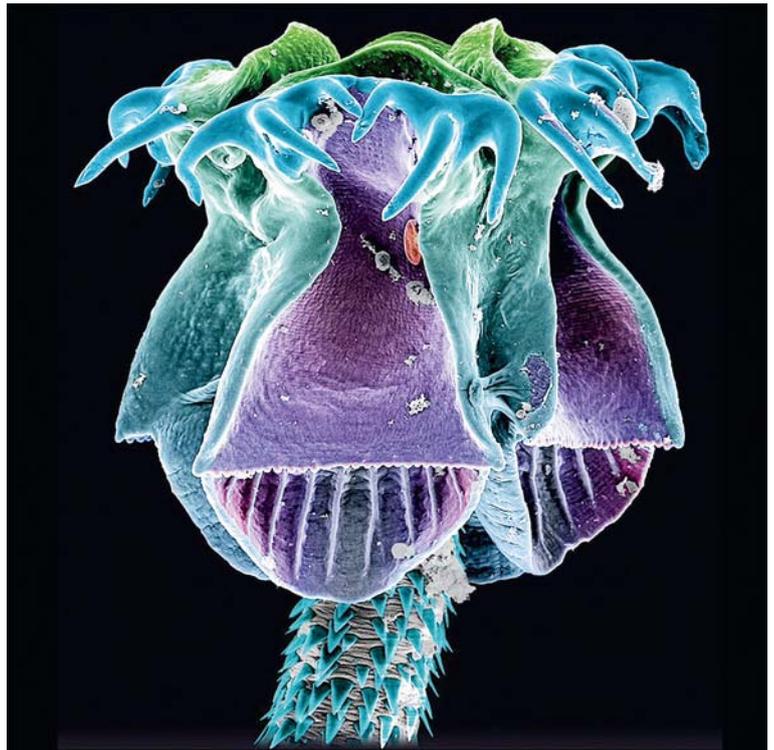
В XVIII веке либерализм, если понимать его как идею общества свободных в своей созидательной деятельности людей, и предполагал свободу рынка, разрушая феодальную отсталость и замкнутость; в XXI веке, чтобы оставаться либерализмом в этом смысле, он должен суметь отказаться от идеи рынка и частного предпринимательства.

То есть уже сегодня либерализм, чтобы остаться либерализмом, — должен перерасти в коммунизм. Но не «коммунизм общинников», предполагающий нивелирование человека в общине, а коммунизм коммунаров, предполагающий содружество свободных людей во имя общего дела.

ИСКРИВЛЕНИЕ ИМЁН

Либерализму в России исторически не повезло. Сначала, в эпоху его становления, он вообще не имел какой-то широкой и устойчивой опоры в российском обществе, что нагляднее всего показало восстание декабристов. Затем, на рубеже XIX–XX веков, он, слабый и весьма умеренный, оказался не просто зажат между противоборствующими силами самодержавия и революции, но перемолот ими в политическое ничто. Наконец, на излёте XX века, осуществляемая от имени либерализма власть привела страну к такой смуте и экономической катастрофе, которую вряд ли простят будущие поколения. Поэтому, когда говорится о предельной дискредитации для отечественного общества слов «либерализм» и «либералы», — говорится правда.

Но сегодня дискредитированы не только эти слова, а практически все имена политических течений и мировых идеологий. Так оказались дискредитированы имена «социализм» и «коммунизм», затем — «либерализм» и «демократия». Сегодня мы приближаемся к дискредитации имён «консерватизм» и «патриотизм». Не говоря уже о «национализме», который, после его практического воплощения в форме национал-социализма, в том числе — на Украине, всегда будет восприниматься

в России как абсолютное зло, несмотря на отчаянные попытки определённой генерации публицистов поднять знамя национализма на фоне дискредитации остальных идеологий.

И в этом отношении мы сталкиваемся с гигантской опасностью цивилизационного порядка, характерной для общей энтропийной эрозии постмодернизма: разрушением смыслов и обесцениванием имён как таковых. В результате возникает поле, где смыслы невозможны в принципе, а имена — ничего не значат, поскольку всякий в сугубо ситуативных целях может присваивать себе любое из них, не отвечая за соответствие данного имени его исходному смыслу.

Если же смыслов нет, если имена произвольны, то **нет и человека**, поскольку главное в человеке — не столько биологические признаки его принадлежности к виду *homo sapiens*, сколько те смыслы, которые он принимает и которые для него достаточно значимы, чтобы платить за служение им своей жизнью.

Иногда говорят: не стоит выяснять, был ли осуществляемый в России в 90-е годы курс курсом либерализма, поскольку достаточно, что авторов его называли либералами, и уже потому он должен быть уже проклят. Однако тем самым говорят, что не важно, с какой смысловой сущностью мы имеем дело; не важно, истинное ли имя она носила, — а важна кличка, которую она себе присвоила. И это —

также один из моментов смысловой энтропии, один из векторов разрушительного влияния постмодерна.

Если слово «коммунист» сегодня общепотребительно в смысле «честный парень, но то ли дурак, то ли неудачник», то слово «либерал» твёрдо приобрело значение «сукин сын».

Почему и каким образом было дискредитировано имя «либерал» и насколько были собственно либералами те, кто себя так называл, — отдельный вопрос, который будет рассмотрен чуть ниже. Но коммунизм, в конечном счёте, был дискредитирован Горбачёвым и другими «перестройщиками», которые сегодня сами называют себя антикоммунистами.

Всё, к чему привела эта дискредитация, наглядно видно как в электоральном пространстве, так и в пространстве партийного строительства. А те, кто продолжает публично называть себя либералами, — подчас прямо отрекаются от демократизма, заявляя нечто подобное тому, что «либералы и не могут быть в большинстве; это немногие избранные, чей удел и трагедия — противостоять вечно тёмной массе». Будучи артикулированы в публичном пространстве, такие «месседжи» в ещё большей степени настраивают большинство общества против тех, кто продолжает позиционировать себя в качестве «либералов».

Так, перевороты, осуществлённые на рубеже 1980–1990 годов в странах Восточной

Европы и направленные на свержение социалистических режимов, осуществлялись под флагами «либерализма» и «демократии». Но сразу было замечено, что их ведущие силы не имели не только представления о ценностях либерализма как такового, но и не обладали демократическим измерением, поскольку и знамёна либерализма, и демократические процедуры использовали только в целях борьбы против своего противника — коммунизма, одновременно принося в жертву этой борьбе все ценности либерализма.

Данное явление было детально проанализировано польским политологом Ежи Шацким и названо им «протолиберализмом». Чем-то, имеющим такое же отношение к либерализму, какое «морковный чай» Третьего рейха имел к цейлонскому чаю.

В чём сущность бывших «прото-», а сегодня, поскольку они уже выросли и окрепли, — скорее, «квазилибералов»? Не принимая по тем или иным причинам идеологию коммунизма и социалистическое общественное устройство, они весь смысл своей деятельности видят в разрушении последних. В той степени, в какой лозунги либерализма, идеи демократии, прав человека, свобод и т. п. могли быть использованы для атаки этих целей, — они использовались. В той степени, в какой они могли обеспечить благожелательное отношение стран-конкурентов, заинтересованных

в ослаблении восточных соседей, — они использовали тем более. Но сами базовые ценности и постулаты либерализма при этом не понимались, и не реализовывались.

Поскольку постсоветская, в том числе — российская, версия либерализма сочетает в себе запредельный рыночный фундаментализм со столь же запредельной элитарностью, отказом от признания приоритета интересов общества и большинства этого общества, попытками силой и властью навязывать свои решения этому большинству, — то эта версия уже покидает поле либерализма как такового, представляя собой инструмент подавления и разрушения интересов общества, в котором оно оперирует, интересами других обществ. Эта версия, по сути, разрывает как с «традиционным» русским либерализмом, так и с традицией либерализма мирового. То есть это — не вариация либерализма, а «спецназ» совсем иной идеологии, выступающей под чужим флагом и в форме либерализма.

Косвенным подтверждением тому являлся запредельный антикоммунизм российских «либералов», что для настоящего либерализма вовсе нехарактерно, поскольку он, в одних случаях жёстко оппонируя коммунизму, в других — не испытывает сложностей в том, чтобы вступать в союз с ним против угроз авторитаризма и бюрократизма.

Грубо говоря, либералы выступают против коммунистов, когда полагают (верно или нет — в данном случае не важно), что те ущемляют свободу человека, его естественные права и нормы демократии. В ситуации, когда либерализму приходится сталкиваться с более реальной угрозой, исходящей со стороны консерватизма, авторитаризма, фашизма и т. д., — либерал всегда идёт на союз с коммунистами против этой угрозы.

Протолиберал выступает против коммунизма всегда, поскольку его суть — не борьба за свободу, а борьба против коммунизма. И ради победы в этой борьбе он всегда готов принести в жертву и свободу, и демократию. Если протолиберал видит на политическом поле консерватора или фашиста, то всегда видит не общего с коммунизмом врага, а союзника в борьбе против коммунизма — и спешит к нему за поддержкой, забывая обо всех своих свободолюбивых лозунгах (последний наглядный пример — Украина).

Но «либерализм» (как, впрочем, и «коммунизм») — это не самоназвание той или иной

группы более или менее удачливых политических активистов (или авантюристов). Либерализм — это мировая идеология, одна из ведущих политических идеологий мира. Это концентрация комплекса ценностных, политических и — что, кстати, менее константно — экономических доктрин, определённым образом трактующих мир, верифицирующих его и зовущих к его преобразованию.

Лицо либерализма — не Чубайс с Гайдаром и уж совсем — не Новодворская с Альбац.

Лицо либерализма — это Вольтер и Дидро, Гольбах и Франклин, Гоббс и Локк; далее, между прочим, — Руссо, Американская революция вместе с Великой Французской, Том Грин и Франклин Рузвельт.

Это явление такого масштаба, которое просто по своей исторической значимости и масштабу своих проявлений не может быть отвергнуто или исчезнуть вследствие каких-то политических или экономических авантур.

НАСЛЕДНИКИ ЛЖЕДМИТРИЯ

Сегодня в России люди, называющие себя либералами и говорящие от имени либерализма, не имеют практически никакого отношения к либерализму и являются одним из основных деструктивных элементов нашего общества. Это даже не «дети лейтенанта Шмидта» из романа «Золотой телёнок», а своего рода «наследники Лжедмитрия», ввергнувшие Россию в процессы хаоса, деградации и распада.

Другая сторона этой трагедии состоит в том, что оппоненты этих «либералов» признали за ними их самоназвание и, вполне обоснованно упрекая их как в безумных экономических и политических экспериментах 1990-х гг., так и в сегодняшней иногда откровенно провокационной, а часто откровенно коллаборационистской деятельности и работе на мировых конкурентов России, — вместе с ними клянут и сам либерализм.

В результате, с одной стороны, дискредитируется одна из важнейших политико-теоретических составляющих мирового развития, а с другой — неоправданно завышается статус «квазилибералов», которые в собственно либеральном обществе были бы признаны безусловно не рукопожатными и подвергнуты повсеместному остракизму, ибо они, в подавляющем большинстве своём, не принимают

основные ценности либерализма: Свободу, Разум и Собственность.

Они не приемлют ценность Свободы — поскольку понимают её исключительно как свою собственную свободу от интересов общества и требований его большинства. Осуществляя свои эксперименты в 1990-е годы, «либералы» типа Гайдара, Чубайса и Ко не исходили из требований общества, а навязывали обществу свои требования: и в проводимой ими политике, и в своём вольном обращении с правом и результатами народного волеизъявления.

Они не приемлют ценность Разума — поскольку не признают изначальной разумности человека и народа, а потому считают любую точку зрения, отличную от своей, — неразумной и ненужной, даже если это точка зрения большинства общества, присваивая исключительно себе право на владение некоей «высшей истиной».

Наконец, они не приемлют даже ценность Собственности — поскольку все свои эксперименты 1990-х гг. строили не на принципе гарантии собственности для всех граждан, а на лишении собственности большинства с целью надления ею меньшинства общества.

Они не приемлют принцип народного суверенитета: ни в том смысле, что отрицают право народа на самостоятельное развитие, а требуют его подчинения тем или иным нормам, провозглашённым другими странами и правительствами универсальными; ни в смысле признания подчинённости власти желаниям и требованиям народа. Каждый раз, когда оказывается, что в своих оценках и предпочтениях большинство общества расходится с мнением «квазилибералов», — те объявляют это большинство или даже всё общество «неразумным», «больным», «отсталым» и стремятся любыми мерами, вплоть до массовых расстрелов, подавить своих оппонентов и сделать то, что считают нужным.

Они также не приемлют отказ современного либерализма от рынка и необходимость перехода к регулируемой экономике, по-прежнему требуя повсеместного применения моделей организации экономики XVIII века, любой шаг к регулированию и плану объявляя порочным, ведущим к бюрократизации и диктатуре.

Они не приемлют идею ответственности государства за экономику и за создание равных стартовых условий для всех граждан. С их точки зрения, каждый человек сам должен платить за своё образование, за медицинское обслуживание, сам должен копить деньги на случай

лишения работы и на своё обеспечение в случае нетрудоспособности по старости, по болезни или по иным причинам. Если же у человека этих денег нет и скопить их не удалось — значит, он является неконкурентоспособным «лузером» и не может претендовать ни на какие формы общественного обеспечения, за исключением минимальных подачек благотворительности. То есть, с их точки зрения, в отличие от точки зрения самого либерализма, человек не имеет от рождения никаких социальных прав и рассчитывать может лишь на то, за что сможет заплатить, — а потому должен посвящать свою жизнь исключительно заботе о том, как раздобыть средства к существованию и обогатиться любыми средствами.

Проклинаемые ныне в России Чубайс, Гайдар и Ко, а равно — их экономические авантюры никакого отношения ни к одному из видов либерализма никогда не имели.

Они не были классическими либералами, поскольку, принимая на словах экономическую доктрину Смита, сразу и прочно отбросили в сторону, во-первых, либеральную аксиологию (свобода, разум, собственность) и строили экономическую концепцию не на том, чтобы дать людям собственность (к чему, например, призывал Явлинский), а **к тому, чтобы создать механизмы её сосредоточения у немногих**. Сама идея «создания класса собственников» предполагала, что у некоей меньшей части собственность должна появиться за счет её изъятия у большинства. Во-вторых, **они отбросили и либеральную политическую доктрину демократии**, поскольку заведомо исходили из того, что не народ, не большинство как источник власти должны направлять курс власти, а некое «просвещённое меньшинство», соответственно, изначально принимая, что большинство — неразумно и осознать свою выгоду не в состоянии по определению.

Тем более не были и «новыми либералами», поскольку, как мы видели, данное воплощение либерализма предполагает ограничение рыночных отношений государственным регулированием и создание системы социальных гарантий для общества.

Соответственно, **они не были «неолибералами»**, которыми их по совсем нелепому недоразумению называет оппозиционная публицистика, поскольку не вели речь ни о либеральной демократии, т.е. воле большинства с гарантиями для меньшинства, ни о том же государственном регулировании, ни тем более об ответственности, совести и сочувствии.

С русским либерализмом, каким тот сформировался ко второй половине XIX — началу XX века, они тем более находятся в разрыве, потому что его ориентации: сохранение сильного государства, патриотизм, признание приоритета социальной справедливости и определённый союз с рабочим и социалистическим движением, — отвергают, каждую из них признавая порочной.

Легче всего сказать, что это — вполне безыдейные авантюристы, которые модной терминологией прикрыли ряд действий, направленных на откровенное разграбление национальной экономики. Но это всё-таки не исключает определения их идеологического типажа.

Представляется, что **ближе всего данная политическая тенденция была к «новому консерватизму»** — не к «неоконсерватизму» с его ориентацией на ценностный традиционализм, а именно к фридмановскому консерватизму: сухому, рационализированному, нацеленному на накопление «сокровищ», вполне авторитарному и чуждому моральных ценностей. Хотя в более точном, не модельном, а ситуативном определении, — **это классический пример протолиберализма**, то есть спекуляции на лозунгах либерализма в целях, как уже отмечено выше, борьбы против коммунизма при одновременном отказе от базовых либеральных ценностей.

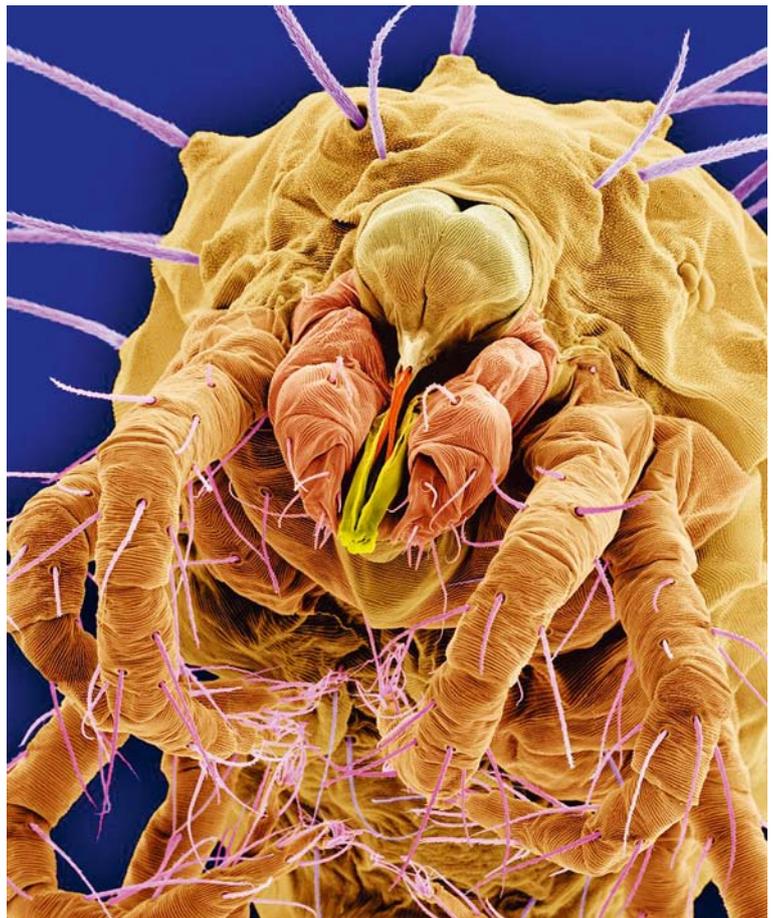
Когда раз за разом те или иные представители финансовой элиты России озвучивают идеи сократить расходы, увеличить рабочий день, повысить пенсионный возраст, сократить бюджетный дефицит и т. д. — они, по сути, признают, что у них не хватает денег на выполнение бюджетных и социальных обязательств государства.

Но если это так — значит, они не справляются со своей работой. Работа финансовой власти (прежде всего — Минфина) заключается не в том, чтобы хранить деньги и объявлять об их недостатке, — их работа заключается в том, чтобы деньги искать и создавать. В противном случае мы имеем не министерство финансов и даже не бухгалтерию, а кассу с кассиром.

Есть два подхода к экономике. Один сводится к логике «Что бы продать?», второй — к логике «Что бы произвести?».

Те, кто сегодня выдает себя за либералов, — наследники фридман-рейган-тэтчеровского «монетаризма», восходящего к меркантилизму Кольбера.

Логика меркантилистов, унаследованная монетаристами: собирать деньги, в этом сво-

ём качестве выступающие «сокровищем», и жёстко контролировать расходы. Логика либералов совсем иная — обеспечивать развитие производства.

С точки зрения меркантилистов-монетаристов, главный закон экономики — не тратить больше, чем имеешь, а лучше — тратить значительно меньше, осуществляя максимально возможное накопление. Чем меньше государственные расходы — тем лучше.

С точки зрения либералов, главный закон экономики — развитие производства: чем больше денег в это вложено, тем больше будет продукт производства и тем больше становится общественное достояние.

Логика российских финансовых руководителей одна и та же: не создавать ценности, а взять их у кого-нибудь. Если нет денег на образование — нужно сделать его по возможности платным. Нет денег на музеи — пусть музеи думают, как «самоокупаться». Не хватает денег на обеспечение достойного пенсионного обеспечения — надо повысить пенсионный возраст и тем самым сократить количество пенсионеров, заставив одних граждан оплачивать старость других.

Это — та самая логика «Отнять и поделить!», которую «либералы» любят приписывать большевикам. С двумя существенными отличиями: во-первых, большевики отнимали у богатых, чтобы поделить между бедными, тогда как нынешняя российская власть норовит отнять у бедных, чтобы поделить между богатыми; а во-вторых, большевики, отнимая у богатых, стремились, прежде всего, не раздать экспроприированные средства неимущим, а использовать эти деньги для развития производства — и уже там предоставить рабочие места неимущим, чтобы делить продукт промышленного производства и его денежный эквивалент.

Богом большевиков было производство. Бог современной власти — раздел.

В этом отношении можно сказать, что большевики в известном смысле были большими либералами в экономике, чем Гайдар, Чубайс и Силуанов с Набиуллиной.

Большевики были единомышленниками Адама Смита и классических либералов, а современные российские экономические правители — единомышленники Кольбера

и меркантилистов. И последние двадцать лет они занимаются перераспределением и продажей созданного большевиками. Поэтому большевики были «государственными капиталистами», а генерация правящих последние двадцать лет Россией «экономиксистов» — не более чем казначеи феодального домена.

Конечно, даже в этих рамках есть отличие между 90-ми и 2000-ми гг. На первом этапе распродавалось всё что угодно — и по любой цене. На втором — конъюнктура изменилась, и появилась возможность сосредоточиться на экспорте сырья по растущим ценам.

Но распродажа, даже самая выгодная, может разве что увеличить объём сокровищ, но не способна увеличить совокупное достоинство общества.

А экономические руководители России не понимают категорию производства как таковую, поэтому общественное богатство страны сокращается, в то время как богатство «избранных» растёт. И это, в свою очередь, означает, что богатство «избранных» — вовсе не результат их производственной деятель-

ности, а результат присвоения ими общественного богатства — то есть сугубо экспроприаторская деятельность.

Врач и учитель получают сегодня меньше, чем получали четверть века назад, поскольку их доля присваивается «верхушкой» общества. Со всеми выводами из данного факта, которые каждый делает исходя из своего личного темперамента.

Власть не знает — даже если предположить, что хочет, — как исправить эту ситуацию, поскольку неспособна сформулировать модель экономики, построенной на развитии производства. Она напоминает бояр, описанных Алексеем Толстым в романе «Пётр Первый», которые рассуждали о том, как пополнить государеву казну: дальше предложений обложить налогами то лапти, то заточку инструментов их фантазия не заходила.

Дело в том, что операция: «продать товар, получить деньги и купить другой, нужный товар», — она, наша власть, ещё понимает. А вот операцию: «вложить деньги, произвести товар большей стоимости, чем вложена, и продать его», — не понимает. Она не умеет делать то, что умел любой капиталист XVIII века — организовывать производство прибавочной стоимости.

Экономическая власть в современном мире не может быть только «ночным сторожем» (это приемлемо, если производство способно развиваться без государственного вмешательства, что в XXI веке уже невозможно), а тем более — всего лишь сборщиком дани и коллективным вымогателем средств у неимущих в целях обеспечения гарантий для имущих.

То есть нынешние российские «либералы» вообще не имеют ничего общего с либерализмом в любом его историческом воплощении. Это — не либералы. Они — самозванцы, произвольно взявшие себе чужое имя и прикрывающие, как маской, свою сущность великими именами Вольтера и Дидро, Грина и Рузвельта, что позволяет им выступать в качестве респектабельного и цивилизованного политического течения, хотя в основе данной идеологии — предельный элитаризм и разделение человечества на две категории или даже расы: «сверхчеловеков», имеющих право властвовать и принимать решения о судьбе всех остальных, — и «недочеловеков», имеющих право лишь слушаться первых и кормить их своим трудом.

Подводя итог, необходимо сказать следующее.

Быть либералом сегодня в России — значит не звать к рынку, а требовать в экономике введения государственного регулирования и контроля за ценами, а в политике — к гарантиям политической деятельности оппозиции, предоставления ей эфирного времени, сопоставимого с временем, которое имеет власть, либерализации партийного и выборного законодательства, ограничения вмешательства государства в жизнь гражданского общества, создания независимого суда и ответственного перед парламентом правительства.

В социальной сфере — необходимо требовать гарантий бесплатного образования и здравоохранения, реализации права на труд в соответствии с интересами личности, повышения оплаты труда до уровня европейских стран, установления размера пенсий на уровне средней заработной платы по стране.

В сфере морали — добиваться утверждения норм ответственности граждан и власти перед обществом, признавать совесть непрременным атрибутом социального, экономического и политического действия, утверждать сочувствие к страданиям как норму общественной жизни.

Если мы можем назвать, какие партии, силы или политические действия в современной России соответствуют данным критериям, — мы можем сказать, кто в России является либералом.

Если таких нет — значит, в России сегодня нет либералов (что не означает невозможности их появления).

Но, во всяком случае, нет абсолютно никакого смысла отдавать это имя и это большое и значимое мировое явление в приватизированное владение кучке самозванцев, обоснованно заслуживших ненависть народа.

И — ещё раз! — признавая исчерпанность доктрины либерализма, что мы имеем в виду: отказ от той политики и той доктрины, которая достаточно долгое время объявляла себя либерализмом, или же отказ от сущности идеи свободного общества, где каждый человек свободен, разумен и экономически независим и никем не может быть поработён?

Отказавшись от первого, мы обрекаем нашу цивилизацию на вымирание и самоуничтожение, а отказавшись от второго, — обрекаем её на деградацию и умирание.

/ Елена ЛАРИНА /

Капитализм: два пути к одной пропасти

Чуть менее 100 лет назад Лев Давыдович (Троцкий) и Евгений Алексеевич (Преображенский) поспорили с Владимиром Ильичём (Лениным) и Иосифом Виссарионовичем (Сталиным). Будущие классики марксизма-ленинизма были убеждены в возможности полностью и окончательно построить социализм в одной отдельно взятой стране. А вот отщепенцы на этот счёт сомневались, полагая, что построить основы социализма действительно можно, а вот полностью или тем более окончательно — не то что сомнительно, а, скорее всего, невозможно.

Чуть менее 100 лет назад всё те же Владимир Ильич и Иосиф Виссарионович доказывали Розе Люксембург и Карлу Либкнехту, что капитализм — система самодостаточная и для своего существования не требует «периферии». История подвела итоги спора марксистов. Социализм построили, но не окончательно, а капитализм действительно нуждается во внекапиталистической периферии. Таковой на протяжении большей части XX века были не только и не столько развивающиеся страны, так или иначе включённые в экономические отношения с бывшими колониальными метрополиями, а прежде всего СССР и социалистический лагерь. Будучи в основном социалистическими странами, они представляли собой своего рода вне- и даже антикапиталистический блок мировой системы капитализма.

В этом контексте крах социалистического лагеря, а затем распад СССР и стремительная деградация бывших советских республик в архаичные политэкономические системы стали началом периода общего кризиса капитализма. Как и предполагал гениальный тактик и политик В.И. Ленин, системный кризис капитализма должен начаться с самого слабого звена. Вот СССР и страны СЭВ как раз и были самым слабым звеном мировой системы капитализма. Соответственно, с их крушением и началась первая стадия терминального кризиса капитализма.

Системный кризис имеет собственные динамику, логику и даже сюжет. Он начинается с внешней периферии, затем охватывает наиболее слабые, неустойчивые капиталистические страны и регионы, а затем подбирается к ядру системы, коим сегодня выступает симбиоз США, ЕС и Китая.

Крах социалистического лагеря позволил мировой капиталистической системе прожить первые 25 лет глобального кризиса не без падений и трудностей, но, в общем и целом, более-менее безболезненно для населения и даже прибыльно для правящих элит. Системный кризис трансформируется в достаточно длительный, растянувшийся, вероятно, на несколько десятилетий

терминальный окончательный кризис мирового капитализма как господствующей системы. Всё большее число известных и влиятельных в коридорах власти экономистов, прогнозистов, психоисториков чётко и ясно высказываются о грядущем конце капитализма. Однако они совершенно по-разному понимают механику этого процесса, противоборствующие силы и возможное будущее после капитализма.

Сегодня практически все понимают, что указания на рынок, товар, прибыль и частную собственность как мотив недостаточны для понимания природы капитализма. Всё это существовало и до капитализма как господствующего способа хозяйствования. Всё это было не только при средневековом феодализме, но и при древнейшем рабовладельческом строе: в Египте фараонов, классической Греции и императорском Риме.

Чтобы понять секрет капитализма, нужно обратиться к структуре производительных сил или, в современном понимании, — факторам производства. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы выделить такие ключевые факторы, как:

- природные ресурсы;
- трудовые ресурсы;
- энергетические ресурсы в виде различных видов энергии: электрической, тепловой и т.п.;
- основные производственные фонды: машины, технологии, оборудование, инфраструктура и т.п.;
- организацию и управление, которые оперируют информационными потоками и анализируют их.

Суть капитализма состоит в постепенной замене трудовых ресурсов основными производственными фондами за счёт наращивания мощностей, функционала и устойчивости работы на основе всё большей энергоёмкости с целью получения прибыли. Замена ручного труда машинным за счёт использования нарастающих энергетических потоков есть основа капитализма как господствующего социально-экономического уклада. Элементы капиталистических отношений, организованных в капиталистический контур или уклад, существовали в Северной Италии и Нидерландах уже с начала XV века. Однако о капитализме всерьёз заговорили только с началом Первой промышленной революции. Таким образом, в качестве ключевых характеристик мировой системы капитализма выступают:

- во-первых, массовое, индустриальное производство, базирующееся на последовательной замене ручного труда механизированным за счёт наращивания энергоёмкости и энерговооружённости;

- во-вторых, товарно-рыночные отношения как основной вид регулирования и развития производства на основе конкуренции;
- в-третьих, частная собственность на средства производства, основные производственные фонды, природные ресурсы, рабочая сила и фактор организации и управления;
- в-четвёртых, прибыль как разница между ценой и затратами на производство и обращение товаров с её последующей капитализацией как целью капиталистического воспроизводства;
- в-пятых, существование государств и надгосударственных организаций, ограничивающих капитал в его стремлении к монетизации всех сторон жизни, эксплуатации наёмного труда и гражданского общества в целом.

Капитал, имеющий целевую функцию в виде капитализированной прибыли, требует экспансии. Без экспансии, без расширения вширь и вглубь он не может существовать. Все остальные аспекты, включая ограничение конкуренции, утрату рынком функции единственного регулятора и т. п., — могут быть реализованы и при капитализме.

Он трансформируется сначала в монополистический, а потом и в государственно-монополистический капитализм. Но вот без экспансии, расширения он существовать не может. Он обязательно требует внекапиталистической зоны. В этом плане становится очевидным, почему распад социалистического лагеря и гибель СССР стали первой победой глобального капитализма. Эта победа означала, что капитализм победил во всём мире.

Некоторые недалекие либо лукавые пропагандисты выдают борьбу Соединённых Штатов и Китая как борьбу между капитализмом и социализмом. Это — чистой воды обман. Нынешний Китай — это классическая развивающаяся государственно-монополистическая страна с авторитарным управлением. Некоторую пикантность и экзотичность Китаю придаёт тот факт, что в этой стране строительство, притом несколько запоздалое, капитализма проходит под руководством Коммунистической партии Китая. В этом плане Поднебесная в рамках марксистской традиции всегда была крайне неожиданной страной. Например, Коммунистическая партия появилась в ней, когда примерно 93% населения жили в деревне и в значительной степени были неграмотными. Впрочем, недалеко от этого ушла и РСДРП (б), провозгласившая курс на социализм в аграрной, почти полностью крестьянской царской России.

Поскольку для существования, а тем более — для восходящей динамики капитализма жизненно

важна экспансия как единственный способ постоянно получать и капитализировать прибыль, посмотрим, как обстоит дело с экспансией в настоящем и в ближайшем будущем.

Первый путь к прибыли — это экспансия во вне с установлением неравноценного обмена, когда в центр из периферии мировой капиталистической системы экспортируется прибыль. С 1992 по 2017 год в рамках этого механизма «коллективный Запад» извлекал прибыли из эксплуатации «коллективного Востока»: прежде всего, Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии, нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. Собственно, перенос производств из США, стран ЕС, Японии в Китай, Вьетнам, страны Юго-Восточной Азии, Филиппины осуществлялся ради экономии — прежде всего, на рабочей силе: за счёт затрат, связанных с социальными пакетами, расходами на социальную инфраструктуру, экологию и т. п.

Например, даже в 2010-е годы, согласно данным Азиатского банка развития, «китайские рабочие вносят в конечную стоимость производства iPhone только 6,5 доллара, т. е. примерно 3,5% оптовой цены. Остальные 96% экспортной стоимости iPhone приходится на прибыль и на реэкспортированные детали, произведённые в третьих странах. Всё это учитывается как китайский экспорт. При этом чистая прибыль Apple составляет в цене изделия более 60%».

Возьмём антипод высокотехнологичного изделия, простую дешёвую футболку. Согласно исследованию Financial Times, футболка, произведённая в Бангладеш и проданная в Германию за 4,95 евро шведской розничной компанией Hennes & Mauritz, включает в себя 1,35 евро, или 28%, от окончательной розничной цены, которые компания платит бангладешскому производителю. Ещё 65 центов производитель платит американским хлопкоробам и ещё 6 центов покрывают стоимость транспортировки каждой футболки в Гамбург. Таким образом, производителю остаётся всего 64 цента, из которых 40 центов приходится на рабочих, 15 центов — на налоги, а остальное составляет прибыль бангладешского бизнесмена. 3,56 евро считаются ВВП Германии, где футболка потребляется, и распределяются следующим образом: 2,05 евро достаётся немецким перевозчикам, оптовикам, розничным торговцам и рекламодателям, Hennes & Mauritz получает 60 центов за футболку, или почти 45% прибыли. Не остаётся внакладе и немецкое государство, получающее 80 центов налогов. Таким образом, от перемещения производства из развитых стран в новые индустриальные государства, будь то Китай, Бангладеш

или Таиланд, — выигрывают транснациональный капитал и наёмные работники в третьем мире.

Таким образом, крушение Советского Союза, как главная предпосылка китайского экономического чуда и ускоренного развития новых индустриальных государств Азии типа Бангладеш и Вьетнама, позволили корпорациям всего мира с начала 1990-х годов вплоть до кризиса 2008–2009 годов извлечь гигантские прибыли и продлить существование капитализма.

Однако за 25 лет зарплаты в Китае постепенно подтянулись к уровню Болгарии, Венгрии и других новых стран ЕС, а также ведущих стран Латинской Америки. Что же касается России, то уже сегодня средняя заработная плата в промышленности Китая выше, чем у нас. Параллельно с этим китайцы, особенно со второй половины 2000-х годов, начали резко ужесточать природоохранное законодательство, выплаты за воду, электроэнергию и т. п.

Уже сегодня прибыль транснациональных корпораций в Китае лишь немногим выше, чем в ЕС, в Северной Америке или в Японии. Буквально в режиме реального времени те же процессы, свойственные для КНР, начинают происходить во Вьетнаме, странах Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, Турции. В целом можно уверенно утверждать, что задолго до конца 2020-х годов издержки производства в развитых странах Юга

и Востока достигнут уровня ЕС и Северной Америки. Соответственно, внешняя периферия больше не сможет выступать в качестве зоны получения сверхприбыли, гарантирующей общий рост прибыли и капитализации.

Второй путь к прибыли — это жизнь за счёт будущего. С первых десятилетий существования капитализма именно кредит и, соответственно, долг были важнейшими факторами расширения производства и получения на этой основе прибыли с последующей её капитализацией. В эпоху классического индустриального капитализма кредитополучателями был в первую очередь бизнес, а также государство. Однако в 1960-е годы под воздействием несомненных успехов социалистических стран в подъёме уровня жизни населения западные демократии решительно изменили кредитную политику, распахнув двери банков перед потребителями, в первую очередь — перед наёмными работниками. Именно в этот период на Западе начало формироваться нынешнее «общество потребления». Элиты справедливо решили, что, чем поднимать заработную плату и побеждать профсоюзы в изнурительной борьбе при забастовках, проще и выгоднее для экспансии предоставлять кредиты буквально на всё, в общем и целом, на весьма выгодных условиях.

Однако, как и любой праздник, жизнь в долг для государства, бизнеса и, главное, населения, позволявшая покупать дома, машины, электронику, товары народного потребления и т.д., быстро закончилась. В настоящее время, согласно расчётам Института международных финансов, общемировой долг домохозяйств, бизнеса и государств составляет почти 225 трлн долларов. Это равно объёму мирового ВВП примерно за три года. То есть человечество, продлив отведённый капитализму срок, удовлетворило свои потребности на втрое большую сумму, чем производит. Только за 2007–2013 годы общемировой долг вырос примерно на 80 трлн долл., или примерно на мировой ВВП 2013 года.

Последние шесть лет демонстрируют чётко выраженную тенденцию, которая выражается в следующем.

Домохозяйства — основной потребитель во всём мире — практически не увеличивают размеры своей задолженности. Сумма кредитов и без того такова, что выплата процентов и основного тела долга пробивает ощутимую брешь в бюджете домохозяйств, ограничивает их текущее потребление и, главное, заставляет уменьшать новые покупки домов, автомобилей и других предметов длительного пользования, определяющих, в конечном счёте, перспективы корпоративных прибылей. Осторожно ведёт себя и бизнес, поскольку домохозяйства не то что не берут новые кредиты, а вынуждены расплачиваться за старые. Страны ЕС, Япония, Южная Корея, Индия, Россия,

новые индустриальные государства предельно осторожно ведут себя на рынке государственного долга. В настоящее время имеются лишь две страны, резко увеличившие размер своей государственной задолженности. Это — Соединённые Штаты во главе с эксцентричным Трампом, и Китай, пытающийся любой ценой сделать снижение темпов экономического роста и нормы прибыли постепенным, а не обвальным.

Вывод из приведённых цифр прост. Так же, как и первый, второй путь экспансии: не в пространстве, а во времени, — ведёт в пропасть. Возможности наращивания долгов практически не осталось. Напротив, потребительский бум 1990–2000 годов сегодня оборачивается спадом потребления.

В принципе, существует и третий магистральный путь экспансии капитализма и поддержания нормы прибыли. Речь идёт о перераспределении фонда потребления от богатых и очень богатых в пользу среднего класса, бедных и даже нищих.

Вот уже на протяжении 40 лет буквально во всех основных странах мира экономисты подтверждают: при уменьшении неравенства по накопленному богатству — и, прежде всего, по получаемым текущим доходам — их перераспределение от очень богатых и богатых в пользу среднего класса и бедных положительно влияет на совокупную покупательную способность, товарооборот продуктов и услуг и, соответственно, способствует сохранению и даже повышению нормы прибыли.

Объяснение этой зависимости тривиально. Очень богатые и богатые значительную часть текущих денежных поступлений не реализуют на потребительском рынке, а сберегают в тех или иных активах. Что же до среднего класса и тем более бедных, а особенно — нищих, то любую прибавку к текущим доходам они тратят либо на покрытие ранее сделанных задолженностей, либо на текущее потребление.

В этом плане активная социальная политика, направленная на повышение доходов рабочих, служащих, других категорий занятых, проводившаяся в 50–80-е годы XX века в Западной Европе, США, Великобритании, Канаде, Австралии, способствовала потребительскому буму, поддержанию высоких темпов экономического роста и, в конечном счёте, обеспечивала глобальную экспансию капитализма в самом его ядре.

Иронией истории является тот факт, что повышение уровня жизни трудящихся, осуществлённое под воздействием успехов СССР, было выгодно не только наёмным работникам, но и — в средней и длительной перспективе — прежде всего, самим капиталистам. Если в 1950–1980 годы в структуре ВВП не только социально ориентированных Германии, Швеции, Нидерландов и Австрии, но и во Франции, Японии и даже в США доля текущих доходов наёмных работников устойчиво увеличивалась, то начиная с 1990 года она начала стремительно падать. Например, в Германии час рабочего времени подешевел с 6,8 до 5,7 доллара, в Соединённых Штатах — с 6,8 до 5,8 доллара, в Японии — с 6,2 до примерно 5,8 доллара. Законы капитализма едины для всех. С 1998 по 2010 год пережившая — в долларовом исчислении — стремительный рост заработная плата в КНР затем начала снижаться. Таким образом, крушение социалистической системы привело к неблагоприятной динамике доходов лиц наёмного труда во всём мире.

В результате, согласно статистике, а главное — данным социологических опросов, подавляющая часть среднего класса и верхней части бедных в США полагают, что с 1990-х годов их доходы в реальном исчислении практически не возросли, а в Германии — даже несколько уменьшились.

Глобальный капитализм оказался в капкане, из которого невозможно выбраться. Некапиталистической периферии, пригодной к производству в рамках индустриальной экономики, больше не осталось. Есть ещё мало освоенная Африка, но все попытки реализовать там индустриальную модель: как в рамках «социалистического» пути развития, так и в рамках капиталистической модернизации 1961 года, — из раза в раз заканчивались ничем. Жизнь в долг у будущего

тоже больше невозможна. Динамика структуры распределения текущих доходов во всех странах G20 описывается увеличением доли сверхбогатых, чуть в меньшей степени — богатых и стагнацией, а нередко даже уменьшением текущих доходов среднего класса и бедных.

Ряд статистиков и экономистов полагают, что капитализм всё же может спастись за счёт более интенсивного развития в Азии и Латинской Америке, где динамика носит своего рода догоняющий характер. Спорить с этим сложно, поскольку с точки зрения статистики сегодняшняя Корея — это вчерашняя Япония и одновременно — завтрашний Китай. Но вся проблема здесь в том, что догоняющее развитие строится на экспортной модели. Экспортировать новые индустриальные гиганты типа Китая, Южной Кореи, Индии и т.п. могут только в страны капиталистического ядра. А там дела с покупательским спросом обстоят из рук вон плохо.

К десятым годам XXI века модель глобального экономического роста мировой капиталистической системы хозяйствования бесповоротно сломана, если не сказать, разбита вдребезги. Как уже отмечено выше, в основе капитализма лежит замена ресурса труда технико-технологическим ресурсом на основе повышения энергоёмкости, а также капитализация полученной прибыли. Обязательным условием для этого является рост общей системы факторов производства. Этот рост наблюдался, с короткими перерывами на войны, больше 200 лет: с последней четверти XIX века вплоть до начала XXI века. Первый безвоенный спад динамики общей системы факторов производства пришёлся на начало XXI века. Первые годы послекризисного восстановления в 2010–2011 годах он стремительно рос, а затем столь же стремительно упал и впервые в истории вот уже без малого десятилетие находится в отрицательной зоне. Общая производительность факторов производства не растёт, а снижается — в среднем на 1–1,5% в год. Впервые за всю историю капитализма престала работать замена труда капиталом на основе повышения энергоёмкости. Весь рост корпоративных прибылей отныне связывается не с процессом реального производства, а исключительно со спекуляциями и раздуванием цен на финансовые активы — явлениями патологическими для зрелого капитализма.

Таким образом, капитализм к 2020-м годам в стратегическом плане исчерпал все возможности экспансии. Однако это не означает отсутствия перспектив для глобальной мировой экономики. Проблема именно в будущем капитализма как основном способе хозяйствования.

/ Александр ЛЮБИНИН /

Со щитом и на щите

Об исторических судьбах капитализма и социализма

Капитализм XXI века шагает по планете, не имея перед собой противника, который фактом своего существования отравлял ему жизнь на протяжении полутора предшествующих столетий. Способность капитализма умиротворять социальные эксцессы противоречивого исторического процесса, переводя их в мелкоконфликтное, не задевающее основополагающие устои системы состояние (чем снимается необходимость социальных революций), выглядит практически доказанной. Вот и Советская Россия, словно влюблённая бабышня, утратившая самоконтроль, кляня своё несчастливое прошлое, бросилась, с подачи своих удачливых соблазнительей, в животворный, как это воображалось, океан буржуазного хозяйства, политики, культуры и морали.

Казалось бы, на грозные вопросы, возникшие во второй половине XIX века и остававшиеся актуальными весь XX век, даны окончательные ответы. Окончательные и бесповоротные: капитализм вечен, конец истории состоялся, общественная эволюция, пройдя через бурные десятилетия, достигла финишной черты. Отсюда обязывающий, казалось бы, вывод: социальную теорию и общественную практику надо ориентировать на дальнейшее усовершенствование капитализма и его социализацию, а не строить планы социалистических преобразований, тем более — радикального свойства. В такой логике социальное государство, в его активных и расширяющихся реальных проявлениях, видится уже не как тактическая, а как стратегическая альтернатива общественному устройству на принципах социализма, с его требованием общественного равенства, что исключает, в возможности своего реального существования, частную собственность. В данной связи, согласно распространённому мнению, учёный, который этого не понимает (отказывается признавать свершившиеся факты), — уже не учёный. Он в лучшем случае — мечтатель, утопист, а по существу — социальный фанатик, экстремист и мракобес, толкающий общество в бездну тоталитаризма, противную свободолюбивой природе человека, которая ни при каких условиях не может реализовываться без института частной собственности,

Несмотря, однако, на наглядные признаки констатированной выше ситуации, существует и другая общественная реальность. Нравственное чувство человечества пребывает в беспокойном состоянии, поскольку общество остаётся разделённым на, выражаясь политкорректно, привилегированную и непривилегированную

части, состоятельных и несостоятельных, богатых и бедных — тех, кто способен пользоваться всеми возможностями современной цивилизации, и тех, кто испытывает более или менее строгое, но постоянное ограничение в этом. Поэтому к жизненным обстоятельствам, исключающим фактическое равноправие и продолжающим воспроизводить необеспеченность существования широких слоёв населения, вопросов у общества меньше не стало. Общественная мысль, сохраняя нравственное начало, чувствительное к социальному неравенству, никак не угомонится, поскольку не только не изживается, но, напротив, снова и снова воспроизводится почва для этого. А ведь с задетого нравственного чувства всегда всё начинается, в том числе — крупные социальные теории, стремящиеся выявить экономическую подноготную неравенства, и масштабная общественная практика, включая революции.

Социализм во все времена — это, прежде всего, нравственная проблема. На этой почве возникли социалистические устремления (не важно, утопического или научного характера), и такими они остаются поныне. Вполне ли нравственен человек, который признаёт справедливым установившийся, как его ни смягчай, несправедливый характер буржуазной жизни? Ведь нравственное сознание не имеет ограничивающих его пределов, областей и явлений, которые бы его не касались или не подлежали нравственной оценке. С этой, подлинно гуманистической точки зрения вопрос не в том, нужен ли социализм, устраняющий неравенство со всеми его проявлениями и последствиями, а в том, когда, при каких условиях и каким путём это может быть достигнуто. Нравственное чувство человечества, уж точно, есть тот абсолютный дух, для которого капитализм — лишь этап в историческом движении от уже достигнутой, формальной и неполной на деле социальной справедливости к реальной, т. е. к полной.

Вопросы, задаваемые капитализму критической мыслью в широком её понимании (т. е. не только марксистской), не ушли в прошлое, они не сняты с текущей повестки дня. Но времена изменились. Жизнь показала, что ныне, говоря о социализме, нельзя, как это было раньше, не оглядываться на капитализм (революционным силам в предшествующее столетие для подтверждения готовности общества к социализму достаточно было революционной социально-экономической теории и искреннего убеждения в том, что существующий эксплуататорский строй должен быть заменён справедливым бесклассовым обществом). Ныне же

нельзя не изучать механизмы позитивного буржуазного опыта устройства общественной жизни, значение допускаемых капитализмом гражданских свобод и форм демократии. Понимание принципиальной важности этого и недостаточности укоренившихся трактовок социализма, исходящих лишь из его «формационной» противоположности капитализму, прочно связало вопросы социалистической теории с наработанным капитализмом опытом ведения хозяйства и устройства социальной жизни. Если в рамках рассуждений о противоположности капитализма и социализма движущей силой социалистических преобразований является лишённый средств производства пролетариат, которому «нечего терять, кроме своих цепей», то интегрированному в современное буржуазное общество наёмному работнику есть что терять. И он совсем не склонен на пути к новой жизни утратить хоть что-то из того, что касается его благосостояния и личных свобод.

Отсюда важнейший вопрос, ответ на который определяет жизненность социалистической мысли: хочет ли социализма тот, кому он сегодня адресуется? Как велика масса возможных сторонников социализма и достаточна ли она для претензий на преобразование всего общества и устранение или хотя бы ощутимое смягчение социального неравенства? К чему мы ближе: к новому социализму или к мировому буржуазному правительству?

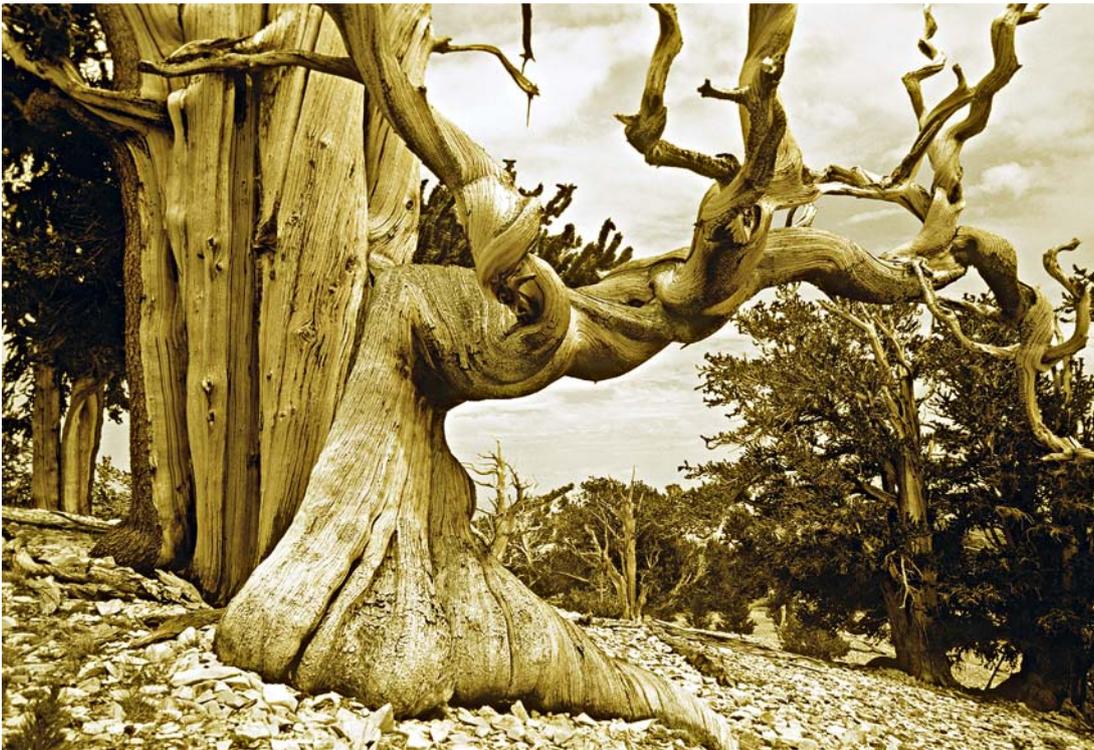
Механизм капиталистического воспроизводства органически и непреодолимо противоречив. В его исходном пункте создаваемая трудом прибавочная стоимость, являющаяся безграничной целью капиталистической деятельности, находится в противоречии с единственным средством достижения этой специфически исторической цели — необходимостью сокращения доли живого труда, его удешевления. В конечном итоге вокруг этого обстоятельства и завязываются все конфликты воспроизводства капитала: начиная с объяснённого Марксом закона-тенденции нормы прибыли к понижению и, завершая, — пусть в отдалённой, но неизбежной перспективе, — гигантской диспропорцией между количеством производимых товаров и мизерной стоимостью их единицы вследствие неуклонного прогресса техники и технологий, обеспечивающих неуклонный рост производительности труда. Последнее делает бессмысленным накопление вещественного богатства в стоимостном виде в любой его форме (личной, промышленной или финансовой). Способ производства, основанный на частной собственности, охватывающей всё общество

(а не существующей в виде отдельного уклада), и разделении труда, утрачивает свою исторически специфическую основу — стоимость, которая больше не может регулировать товарообменные операции (экономические пропорции), а с этим процесс производства и обращения капитала. Естественной и неизбежной альтернативой является оптимизированное народнохозяйственное планирование и такое же функционирование экономики, разрешающее противоречие потребительной стоимости и стоимости в результате возникновения непосредственно общественной потребительной стоимости, а также труда и капитала ввиду превращения труда в непосредственно общественный. Теория данного вопроса разрабатывалась западными учёными в рамках построения математических моделей межотраслевого воспроизводства, а в СССР эту тематику продвигал специально созданный ЦЭМИ АН СССР, стремясь поднять её разработку на высоту новой политической экономики социализма.

Долгосрочные исторические перспективы капиталистического способа производства не вызывают сомнений. Если, открывая новые и новые ресурсные возможности, капитал достаточно успешно отбивается от внешних угроз, то сидящее внутри него неизвлекаемой занозой противоречие неограниченности цели и ограниченности исторической формы средств, адекватных этой цели, не может быть устранено никоим образом. Это объективный процесс самоотравления и самоликвидации общественного способа производства, прогрессивный потенциал которого оказывается исторически исчерпанным.

Отсюда, однако, не следует, что человечеству нужно запастись терпением и смиренно дожидаться естественной смерти капитализма ввиду объективно действующих тенденций. В истории ни один общественный строй не умер «по естественным причинам». Это всегда было следствием давления массовых общественных сил. С каждым новым шагом своего движения капитализм повышает уровень концентрации и централизации хозяйственной жизни и создает всё более зрелые переходные формы к социализму. В итоге возникает то, что Ленин называл втягиванием капиталистов в новый общественный порядок. Мировой капитализм в материальном отношении как общественная система уже готов к переходу к социализму. Дело — в готовности субъективного фактора.

Сказанное выше не означает, что, кроме постоянно прогрессирующего процесса подрыва производства стоимости, есть ещё какие-либо

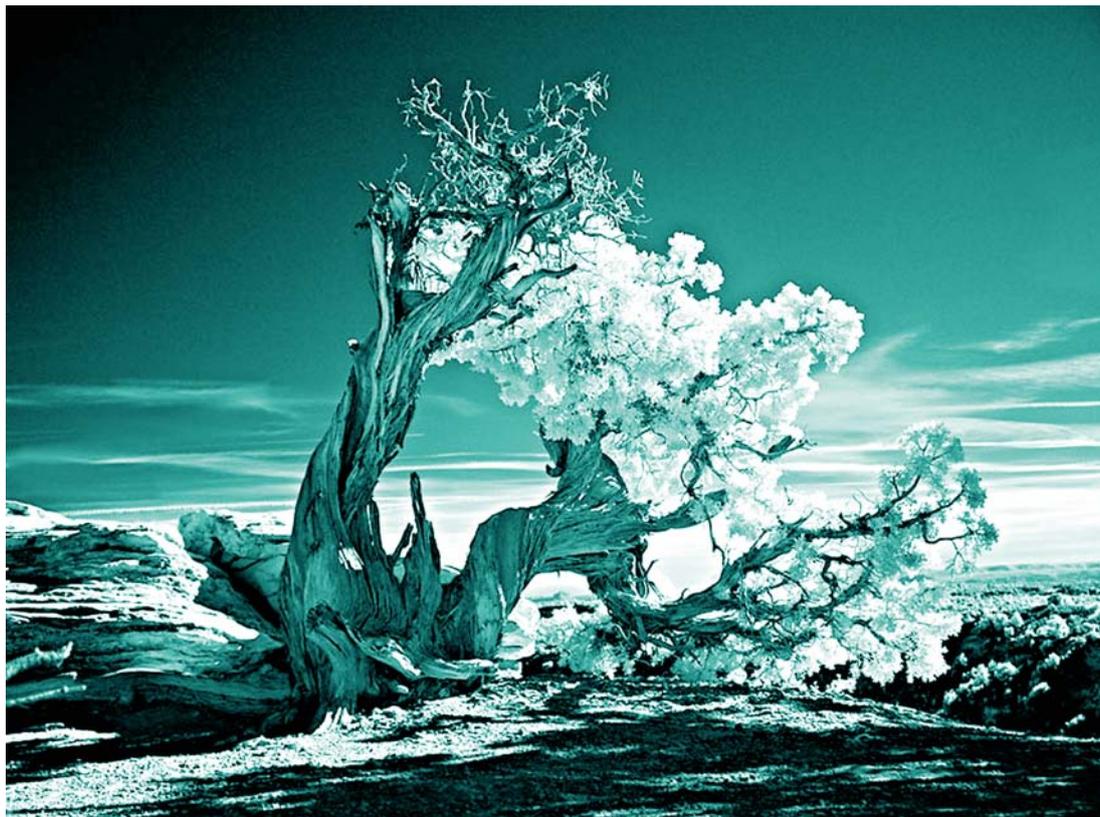

органически присущие капитализму проблемы воспроизводства, перед которыми он бессилён, — подобно тому, как он бессилён противостоять в отдалённой (возможно, даже весьма отдалённой) исторической перспективе своему главному союзнику и, в одном лице, смертельному врагу — научно-техническому прогрессу (НТП). На траектории движения к исчерпанию своего цивилизационного потенциала у него возникало, и будет возникать, много разных ограничений и препятствий бесперебойного воспроизводства. Все они разрешимы «внутри системы», но каждое частное разрешение продвигает капитализм к финишной черте.

Не является исключением в этом ряду и экспансия западного капитала на Восток, продуктивность которой, согласно приводимой статистике, падает. Сокращение прибыли нередко происходит и в границах национального производства, и в сообществах типа ЕС. Экономическая эффективность капитала, ввиду его сохраняющейся стихийности, — это вообще пульсирующий, циклический процесс. Пока прибыль, закрывая издержки производства, находится на приемлемом уровне средней прибыли или даже некоторый период ниже его (долгосрочная прибыль важнее), ничего экстраординарного для капитала нет, даже при снижении достигнутого уровня. Капитал в настоящее время панически не «бежит» ни из Китая, ни из Индии, ни из стран Юго-Восточной Азии и Ближне-

го Востока. Конечно, периферия играет очень важную роль в усилении мощи национальных и транснациональных капиталов, а потому — и в поддержании живучести капитализма, в его способности разрешать возникающие социальные проблемы Западного мира. Но капитализм имеет и собственный внутренний закон, обеспечивающий его расширенное воспроизводство.

Тезис, согласно которому капитализм «без экспансии, расширения... существовать не может, он обязательно требует внекапиталистической зоны», теоретически и практически не верен. Позиция Р. Люксембург, на которую идёт ссылка, действительно содержала вопрос о внешних рынках. Однако совсем не в том плане, в котором он подан. Под внешним рынком известный пролетарский теоретик и политический деятель в рамках рассмотрения теории реализации понимала рынок некапиталистических слоёв (крестьянство). Этот, обозначенный ею как внешний, рынок мог быть как внутри страны, так и за её пределами. Суть спора с другими марксистами сводилась к вопросу: может ли капитал реализовать на своей национальной территории всю произведённую прибавочную стоимость, а также стоимость элементов постоянного капитала и тем самым обеспечить расширенное воспроизводство? Это возможно, утверждали они, за счёт спроса капиталистов не только на предметы личного потребления, но также и на дополнительные материальные

ресурсы производства. Без внешних рынков (в указанном смысле) нельзя — утверждала Р. Люксембург. Независимо от того, кто был прав в этом споре, речь в данном случае шла не о жизненно важной обязательности для капитала эксплуатации периферийных стран путём использования их ресурсов, а о значении реализации части произведённой стоимости в некапиталистической среде. Если бы для капитала абсолютно обязательной средой, благодаря которой он только и может существовать, была, как утверждается, периферия, он, не имея внутреннего закона своего развития, «захлебнулся» бы уже в самом начале своего пути.

Гейне как-то справедливо заметил, что каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза, которыми видит то, что ранее не привлекало внимания или казалось совсем иным. Волею обстоятельств в сложившуюся эпоху эти прозорливого свойства глаза получила КПК и увидела ими в XXI веке «окно» необыкновенных исторических возможностей для китайской, «самой большой и самой одарённой», как она сама себя позиционирует, нации, чтобы стать не только мощным, но и мощнейшим государством мира на основе концепции «социализма с китайской спецификой». Этот «социализм по-китайски», в отличие от социализма, вкрапленного отдельными более или менее крупными элемента-

ми в структуру всех современных буржуазных обществ (прежде всего, в виде социального законодательства), носит системно-проектный характер и направлен не на удержание общества в спокойно удовлетворённом материальном состоянии, а на постоянное развитие экономической мощи государства, плодами которого должны воспользоваться все без исключения общественные группы, а не только те, которые нуждаются в социальной поддержке. Это принципиальный плюс в пользу тезиса о социалистическом характере современной КНР, которая совершенно сознательно не руководствуется идеями, исторически развиваемыми европейской социалистической мыслью, из чего выростал, в частности, марксистский социализм. Ключевые мотивы «социализма с китайской спецификой» — это собственный продукт тысячелетнего существования китайской цивилизации, которую каждый китаец считает великой и заслуженно гордится. В Китае всё пронизано духом конфуцианства. Конфуцианство — важнейший элемент самосознания китайского социума, его живая и абсолютно авторитетная народная традиция, пронизывающая и объединяющая современное китайское общество на основе завета Конфуция «достигать согласия при наличии разногласий». Эта понятная китайцам традиция использования моральных ценностей активно пропагандируется как основа сплочения на-

рода вокруг китайской компартии. Фактически налицо общепризнанная национальная идея Китая, которая, следует подчеркнуть, сильна своей глубинной естественностью, генетической связью с менталитетом китайцев и очевидной непридуманностью происхождения. Отсюда у китайского и европейского, марксистского в частности, социализма — совершенно разные идейные корни, заведомо исключающие совпадение в понимании того, как должен выглядеть готовый социализм. Центральной идейной основой марксистского социализма является социальное равенство, отсутствие какого-либо классового расслоения, всестороннее развитие личности, достигаемое только на базе общественной собственности и централизованного хозяйствования в масштабах всего общества. Китайский же социализм видит свою цель в росте благосостояния всего населения. Подобно тому, как заветы Конфуция актуальны для всех китайцев, независимо от их социального положения и располагаемого богатства, китайская специфика социализма не исключает из своего определения и сохраняет в своих понятийных границах существование буржуазных слоёв населения. Принцип солидарности и бескорыстной поддержки «прогрессивных» политических режимов, который исповедовал Советский Союз, к числу черт, присущих китайскому социализму, также не относится. Разлетевшиеся по миру образные слова Дэн Сяопина о сноровистой кошке, цвет которой не важен, если она хорошо ловит мышей, сказанные им в самом начале разворота от курса Мао Цзэдуна к политике «реформ и открытости», остаются смыслом всего происходящего в Китае вплоть до настоящего времени и, скорее всего, на обозримое будущее. В том числе — в политике и идеологии.

То, что сегодня Китай является страной государственно-монополистической, заслуживает не укоризны, а как раз похвалы. Хотя бы по той очевидной причине, что, благодаря этому обстоятельству, он находится на гораздо более высокой ступени цивилизационного развития по сравнению с той, где КНР находилась ранее и продолжала бы находиться, не найдя в себе сил провести известные преобразования. С точки зрения материальных предпосылок Китай теперь находится не дальше, а гораздо ближе к марксистскому социализму, чем был при Мао Цзэдуне. В связи с этим и роль КПК в китайском обществе следует признать прогрессивной, а не упрекать за авторитаризм. В данном случае незыблемость власти КПК проявляет себя как прямая и значимая гарантия обеспечения

стабильности и неуклонности политического курса, инициирующего полезные, продвигающие страну вперёд социально-экономические перемены, не позволяя этому курсу меняться или слабеть. В принципе, это не так уж и мало для продвижения к большей справедливости в современном мире, учитывая, что каждый четвёртый человек на нашей планете — китаец.

Конечно, Китай — страна креативной социальной мысли. Поэтому нельзя исключать, что в трактовку не только социализма, но и коммунизма также может быть внесена «китайская специфика». Но обоснование подобной национальной теории коммунизма теоретически и идеологически гораздо сложнее предложенной КПК новаторской концепции «социализма с китайской спецификой». Поэтому не исключено, что китайский коммунизм в данном пункте без проблем сомкнётся с марксистской трактовкой коммунизма, ведь цель здесь определена однозначно и даже имеет традиционно китайскую афористичную форму: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Китай, конечно, имеет полное право на своё национальное понимание социализма — тем более что оно реально работает и даёт блестящие результаты. Рынок ныне является системообразующим фактором китайской экономики и общества (свыше 60% ВВП производит частный сектор). Но не менее важным фактором, превращающим китайскую хозяйственную систему в единое целое, является стратегическое государственное планирование, общественный сектор, который включает в себя крупные и средние предприятия принципиальной значимости, и, конечно, КПК в качестве генератора планов долгосрочного развития и существенно значимого фактора управления народным хозяйством.

Состояние социально-экономической структуры КНР, наличие в ней масштабной частной собственности и классового расслоения, устранение которых не называется даже в качестве отдалённой цели (неравенство как бы растворяется в повышении материального благополучия всех членов общества), указывает в объективном значении на переходный к социализму строй, а не на уже готовый социализм, пусть даже с «китайской спецификой». Социализм в Китае — это своего рода НЭП, который пришёл, как об этом когда-то писал Ленин, мечтая из России нэповской сделать Россию социалистическую, «всерьёз и надолго». Имея объективные внутренние противоречия, в том числе — и классового характера, экономика и социально-политическая жизнь «китайского НЭПа» будут неизбежно

эволюционировать. Куда и как — зависит от политической линии китайской компартии. Пока же после 40 лет рыночных реформ на последнем съезде КПК (2017 г.) было заявлено, что «Коммунистическая партия Китая рассматривает реализацию коммунизма как свой высший идеал и конечную цель».

Очень как-то размашисто считать, что на момент Октябрьской революции большевики и не-большевики, будучи марксистами, теоретически расходились в вопросе о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Расхождения касались степени материальной готовности России к социализму, поскольку она недотягивала даже до уровня страны средне-развитого капитализма. Но все российские марксистские силы были едины в понимании социалистической революции как мирового процесса. Если какая-либо страна его и начинает, то она должна быть обязательно поддержана пролетарскими революциями в других странах. Революции в Германии и Венгрии как будто бы подтверждали эти надежды большевиков. Но эти, такие желанные для российских марксистов революции были подавлены, и наша страна осталась один на один с капиталистическим и совсем не дружественным ей миром.

С этого момента и начался слом логики классической марксистской теории становления социализма, обусловивший одновременно героическую и трагическую историю СССР. Эта история была героической, поскольку потребовала беспрецедентных усилий, лишений и крови для сохранения революционных завоеваний, для достижения известных высот науки и техники, для превращения за какие-то 40–50 лет отсталой аграрной страны, дважды разрушенной: сначала гражданской войной, а затем гитлеровской агрессией, — во вторую национальную экономику мира. Эту задачу, полностью совпадающую с задачей сохранения исторической России, большевики успешно решили.

Но история СССР не могла избежать трагичности — не только в силу многочисленных жертв строительства и защиты социализма в одной отдельно взятой стране, но и потому, что в этот период теория социализма, а с нею и общественно-политическая жизнь были направлены по ложному пути, создав на будущее трудности, оказавшиеся в конце концов непреодолимыми. Правильно, когда теория объясняет возможные зигзаги исторического процесса, откликается на их возникновение. Неправильно, когда такого рода аномальные зигзаги начинают влиять на формирование самой теории, определять

её содержание, фактически портить её, когда теория начинает «колебаться вместе с линией партии». Но именно так получилось в нашей стране. Советская специфика стала оформляться в качестве общетеоретического правила, вроде бы продолжающего линию марксистской традиции в понимании вопроса перехода к новому способу производства. Но период отечественной истории, называемый сталинским, правильнее было бы обозначить в теории как исключительный временной отрезок, отражающий реальные особенности становления советского социализма с сопровождающими эти особенности специфическими экономическими и другими общественными отношениями. Теория этого периода не должна была восприниматься в качестве единственно верной общей теории социализма, отрываясь от его классической марксистской трактовки. Поэтому причислять Сталина к числу классиков марксизма, в отличие от Ленина, — очень спорное и, на мой взгляд, неверное решение.

Все революционеры по природе своей пассивны, это обязательная и неотъемлемая черта их образа мысли и образа действия, являющаяся продолжением их многочисленных достоинств. Они поэтому всегда спешат и чаще всего «перегибают палку», принимая в политической действительности желаемое за достигнутое. Революционная мысль, а с нею и практика торопят жизнь и легко забегают вперёд. Это объяснимо ещё и тем, что никакого учебника, ограничивающего нетерпение и субъективизм, или тем более пошаговой инструкции в отношении того, каким образом двигаться в сторону будущего социализма, не существует, поэтому пришлось, натолкнувшись на данную проблему, как выразился Ленин, «выкарабкиваться самим».

В своё время первые советские пятилетки кардинально изменили народно-хозяйственный потенциал СССР и его облик. Это закономерно потребовало теоретико-идеологического обозначения достигнутого принципиально важного этапа развития. Как известно, в Советском Союзе в 1936 г. было констатировано и впоследствии стало непреложным правилом, что в стране социалистическое общество в основном построено. Формула была, как это особенно стало ощущаться позднее, неудачна тем, что признавала советское общество преобразованным полностью. Поэтому цикл развития советского социализма в своей сути, как следовало из принятой формулировки, оказывался в главном законченным. В итоге социализм из формы движения ко всё более полному раскрытию своего потенциала был превращён в качественно закрытое состояние.

Будущие попытки учесть этот недостаток путём выдвижения концепции развитого социализма только усугубили ситуацию.

Хозяйственная система СССР, возвысившая страну, позволившая победить в Великой Отечественной войне и быстро выйти из послевоенной разрухи, была адекватна требованиям своего времени, которые можно было обозначить как «диктатура экономического развития». Не нужно забывать, что без экономических достижений советской власти при Сталине не было бы и военной Победы над фашизмом. Китай также с конца 1970-х гг. фактически подчинил себя «диктатуре экономического развития». Но сделал это не в форме прямых директив и силового контроля со стороны центральной власти, а в форме учёта и соответствия императивным требованиям рынка.

Поэтому исторический смысл 1930–1950 годов нашей истории нельзя игнорировать. Разве его можно свести только к жёсткости существовавших порядков? События в России не были ни роковой ошибкой, ни замыслом отдельных злодеев, установивших «тоталитарный строй», они были обусловлены объективным и противоречивым ходом истории, отсутствием альтернативы в спасении не только социализма, но и исторической России. Никто не опровергает известный вывод Сталина, сделанный им ещё в начале 1931 года: «Отсталых быют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны

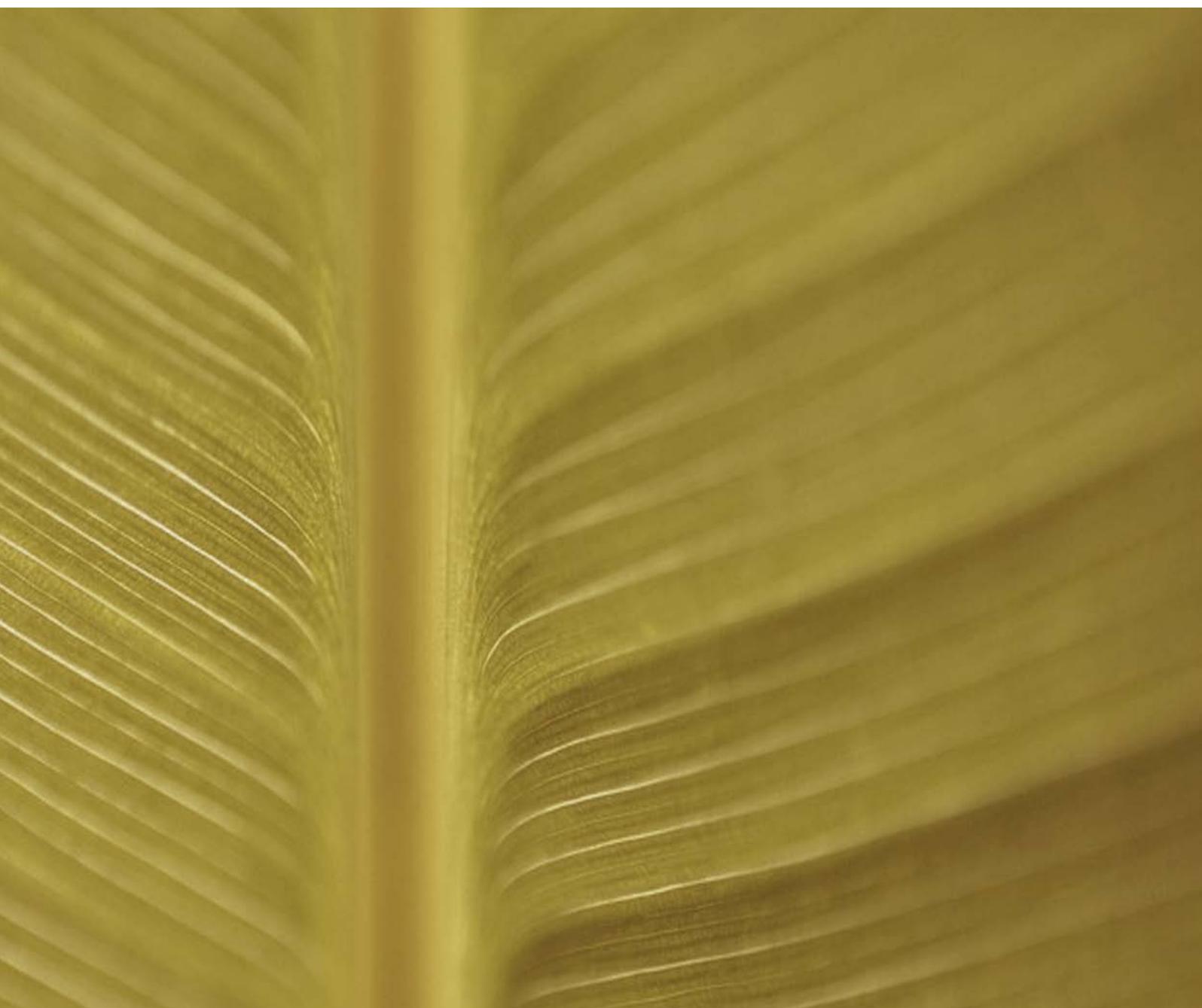
пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Индустриализация и коллективизация стали спасительным омутом, в который вынужденно окунулась Россия в определённый исторический период для своего сохранения, создав мобилизационную экономику и соответствующую ей систему общественных отношений. К сожалению, эта ситуационная модель впоследствии была канонизирована в качестве единственно верной теории социалистического строительства. Поэтому гармонизации достаточно успешно решаемых военно-политических и хозяйственных задач с собственно социалистическими идеями во внутренней политике СССР не произошло не только в довоенный, но и в послевоенный период. Итогом стало то, что СССР своим «Красным проектом», в опаснейшей угрозе самому существованию нашей страны — в годы Великой Отечественной, а затем и холодной войны, — закрыл её этим проектом, словно щитом. Но щит не заменит дома, вечно жить только со щитом и под щитом нельзя. И в конце концов из-за первоначальных теоретических ошибок руководство СССР не справилось с проведением необходимых преобразований и, даже толком не поняв, какой характер эти преобразования должны носить, открыло тем самым дорогу контрреволюции, заплатив крушением системы социализма. Советская власть пала, но Россия — пусть уже не советская — была сохранена. Как говорил М. Задорнов: «СССР нет, а наша Родина существует!»

Время не сеять, а пахать...

*Беседуют глава издательства Ad Marginem
Александр ИВАНОВ и культуролог Владимир ВИННИКОВ*

Александр Терентьевич, вы больше четверти века занимаетесь изданием книг. И не просто книг как товара, хотя тоже достаточно успешно это делаете, а книг как факта культуры, культурных артефактов, если можно так выразиться. Даже ваше издательство называется Ad Marginem, латинским словосочетанием, которое в европейской и мировой культуре традиционно означает «заметки на полях», на полях или, если дословно, на краях книжной страницы, где текст граничит и соприкасается с бесконечностью, расширяет себя в неё и вбирает её в себя благодаря тем читателям, которые эту коммуникацию осуществляют. В более широком смысле — на полях культуры, хотя само слово «культура» означает помимо прочего «возделывание земли». Это своего рода символ прогресса всей человеческой цивилизации, того непрерывного «фронттира», который расширяет её в пространстве и времени. Нет ли у вас ощущения, что этот прогресс, этот «фронттир» за последние годы останавливается, разрывается, теряется из-за каких-то изменений внутри самого человечества или даже самого человека?

— Знаете, последние десять лет я уже не издаю литературу, не участвую в литературном процессе как таковом, но, разумеется, продолжаю за ним наблюдать — он для меня небезразличен. Причём как отечественный, российский, так и международный.

— Но ведь ваше издательство, насколько мне известно, продолжает работать, оно не закрылось?

— Да, мы продолжаем работать, но это уже совсем другая история. Здесь огромную роль сыграл кризис 2008–2009 годов и ряд сопутствующих обстоятельств, из-за которых пришлось изменить весь наш, так сказать, функционал.

— Если не секрет, чем эти изменения были вызваны и в чём они заключались? Как это видится вам, можно сказать, «от сохи» — только на культурной и книгоиздательской ниве?

— Кризис в 2008 году был для книгоиздателей очень тяжёлым, и его последствия в России длятся до сих пор. Общая цена книжного рынка, которая была до 2008 года, равнялась примерно 2 млрд евро в год. Теперь она сократилась примерно в полтора раза. Для сравнения:

немецкий рынок сегодня — это 8 млрд, американский — 20 млрд.

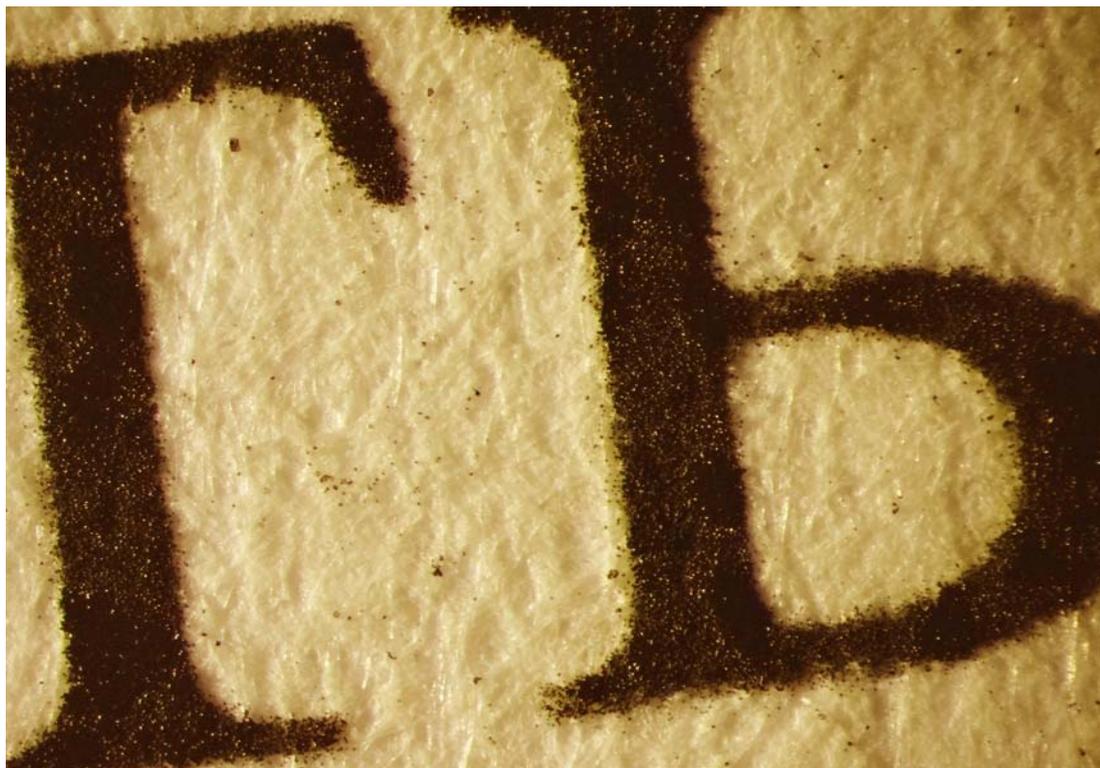
И я бы не сказал, что сегодня есть какие-то существенные различия между странами по этому параметру. По многим позициям цены сравнивались, а если они где-то и отличаются, то ненамного, от 10 до 15% максимум. Тиражи тоже сопоставимы. Я, конечно, не имею в виду рынок бестселлеров, который есть везде, и американский рынок — самый большой в мире, поэтому и бестселлеры там продаются миллионными тиражами.

— Какие издания становятся сегодня бестселлерами?

— В художественной литературе всех жанров бестселлерами сейчас становятся единицы, никаких закономерностей тут не просматривается, а исключения лишь подтверждают общее правило. А в non-fiction последние лет 15–20 бестселлерами чаще всего являются мемуары звёзд: Мишель Обамы, например, или Илона Маска. За такие книги идёт издательская борьба, за них платятся многомиллионные авансы. Бестселлерами могут быть книги известного политика, бизнесмена, спортсмена, музыканта или модели — в общем, звезды. То есть мемуары сегодня — безусловные лидеры и фавориты рынка. Это даже не success story, не «история успеха», рассказанная от первого лица, а star story. Звезда — не просто человек, добившийся успеха и популярности, даже в мировом масштабе; сегодня это не просто знаменитость, а человек, участвующий в формировании актуальной, глобальной «повестки дня».

Например, в мире сегодня есть довольно много отличных виолончелистов, но лишь 5–10 из них являются звёздами, у которых множество концертов на самых престижных площадках мира, с которыми подписываются самые дорогие контракты, мнение которых о музыке и информация о которых транслируется на весь мир в режиме non-stop, — и так далее и тому подобное: всё, что формирует востребованный и продаваемый медиаобраз звезды. То же самое касается и литературы. Можно сказать, что сегодня в культуриндустрии есть «экономика звёзд» и вся остальная экономика. Есть, например, звёздные галереи типа галереи Gagosyan, галереи Barbara Gladstone или галереи Pace — у них обычно имеются филиалы в Лондоне, Нью-Йорке, Гонконге.

Вот эта «звёздная экономика» сегодня и доминирует, а те, кто сотрудничает со звёздами, получают максимум, но это очень затратное

сотрудничество, поскольку всю эту звёздную систему нужно кормить, содержать менеджеров и продюсеров. Эта система разрушает саму грибницу культуры, искусственно «провинциализируя» целые страны и жанры. В музыке это началось раньше всего, и о кризисе там заговорили ещё в начале 90-х годов прошлого века. Но в других сферах культуры идут те же процессы. Литературная сфера — не исключение.

— **И вы, так сказать, сменили позиционирование?**

— Если говорить в самых общих чертах, то издательство Ad Marginem специализируется сегодня на литературе non-fiction. Издательство, например, активно занимается со-изданиями. Мы в этом случае не покупаем права, а как бы оплачиваем тираж русского издания как составной части международного проекта, печатающегося, например, в Гонконге. Скажем, британское издательство Thames&Hudson (одно из самых престижных в мире в жанре иллюстрированных книг), с которым мы сотрудничаем, приглашает к со-изданию партнёров из разных стран. Если в книге много цветных иллюстраций, то со-издателям не нужно тратить огромные средства на оплату прав за воспроизводство изображений. Дизайн издания будет единым, и вёрстку остаётся только залить переведённый текст.

Такие со-издания даже печатаются в одной типографии, на одной и той же бумаге: идёт общая цветная печать, а чёрно-белая меняется в каждом из национальных тиражей. Себестоимость таких со-изданий примерно одинакова для всех участников проекта — и, соответственно, российская розничная цена на такие книги не сильно отличается от британской или немецкой.

— **Очень интересно. Но из ваших слов следует, что сегодня в индустрии книгоиздания налицо феномен, который экономисты называют «глокализмом»: глобализмом, применённым к местным, локальным условиям, а политики — «имплементацией» международных соглашений? И не получается ли, что вы, Александр Терентьевич, объективно выступаете в качестве действующего агента этого глокализма в России? Не испытываете никакого внутреннего дискомфорта по этому поводу?**

— В любой ситуации можно быть кем-то или кем-то недовольным, в том числе — самим собой. Но нельзя не признать того факта, что современная российская культура в планетарном масштабе выглядит ещё меньшей величиной, чем современная российская экономика, которая, кажется, даёт в районе 2% мирового ВВП. И нам сначала нужно создать ту, условно говоря, пашню, в которую можно

будет бросать нужные зёрна. Чем мы, собственно, и занимаемся. То есть это во многом культуртрегерская работа.

— То есть вы сейчас — даже не сеятели «разумного, доброго, вечного», но пахари? — Скорее агрономы, которые признали, что нынче — время не сеять, а пахать.

— Хорошо. Что касается вашего примера из сферы экономики, то здесь, наверное, сначала надо определиться, что и как мы считаем. Например, по паритету покупательной способности доля российской экономики в мировой составит почти 3,5%, это пятое-шестое место в мире, на уровне Германии, но после Китая, США, Индии и Японии. Если же проводить исторические параллели и аналогии, то что-то новое и значимое в сфере отечественной культуры появилось у нас только лет через пятьдесят после того, как Пётр Великий «прорубил окно в Европу». С поправкой на разную скорость изменений: триста лет назад и сегодня — первые «всходы озимых после холодной войны» уже вот-вот должны проклюнуться, а лет через двадцать, если мы с вами доживём, может состояться и явление «нового Пушкина».

Кстати, Александр Терентьевич, вообще-то я и хотел начать эту нашу беседу с вопроса о литературе. В 1834 году, при живом Пушкине, В.Г. Белинский в самой первой своей статье заявил, что у нас, в России, «нет литературы». Писатели, мол, есть, а литературы — нет. Ещё нет. Минуло почти два века. Русская литература XIX-XX веков признана одним из величайших достояний мировой культуры. Но сегодня у нас, по-вашему, есть литература или её — уже нет?

— Мне кажется, главная проблема здесь состоит в том, что всё понимание нашей литературы — оно из Белинского и вышло. Поэтому «неистовый Виссарион» и сегодня актуален, и завтра будет актуален, и послезавтра тоже. Не знаю, хорошо это или плохо, но это так. Дело в том, что для Белинского литература являлась неким автономным видом деятельности, такой филогенетической линией, в которой один феномен был порождением предшествующих и сам, в свою очередь, порождал последующие. Как в Евангелии от Матфея: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...» И в этом смысле для него существовала отдельная от всего остального культурного пространства история литературы, территория литературы, теория литературы. Это была яркая попытка институционализации литературы как отдельного вида культурной практики.

— А разве это не так? Разве Пушкин — не наше всё? Разве все мы не вышли из гоголевской «Шинели»?

— Пушкин окончательно стал общенациональным русским поэтом только в Советском Союзе после 1937 года, в результате мощного влияния системы государственного управления литпроцессом, государственного менеджмента культуры. Это привело к тому, что в нашем обществе не просто возникло, а глубоко укоренилось представление об автономии литературы. Есть академические исследовательские институты литературы, кафедры литературы в вузах, существует даже литературный институт — чисто советское изобретение, которое решились повторить, кажется, только во Вьетнаме... Так что многие элементы нынешнего российского литературного пространства зачастую являются производными от культурной политики советского периода.

— Говорят, что мы вышли не из гоголевской, а из сталинской шинели, так что Иосиф Виссарионович является воплощённым призраком Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской повести... Но с философской точки зрения вы же — профессиональный философ, это, по-вашему, восходит к марксистской интерпретации гегельянства? Я понимаю, что Маркс — не марксист, а Гегель — не гегельянец, но всё-таки?

— Нет, это не гегельянство. Это, скорее, логика радикальной автономизации, когда весь мир видится состоящим из разных монад: политической, экономической, финансовой, культурной, литературной в том числе... Это как если бы в вашей семье отдельно была ваша история, история вашей жены, история каждого ребёнка, история кошки или собаки, — и они никак не пересекались бы друг с другом. Или если бы вы в своей жизни имели отдельную историю своего чтения книг... Это довольно странная картина мира, согласитесь. Но именно она лежит в основе современной постсоветской культуры и образования...

— А вам не кажется, что здесь очень многое зависит от фокусировки нашего восприятия? И если мы отменим, скажем, автономия литературы, литературного процесса, то просто окажемся внутри другой автономии, «в соседней камере»? И нам тогда придётся говорить уже не об автономии литературы, например, а об автономии книги или текста, как делают те же герменевтики?

— Нет, речь здесь идёт об автономии как особом пространстве, в котором действуют свои собственные законы. Как писал Пушкин, нужно оценивать художника по законам, им самим над собой установленным. Это чистой воды манифестация автономии творчества.

— Доведенная до предела и даже до явного абсурда в современном акционизме, например?

— Пусть так. Но это очень сильная концепция, связанная с тезисом об изначальной свободе человеческой личности, о свободе человеческой воли. Я хотел бы подчеркнуть, что автономия строится на валоризации, то есть на придании максимальной ценности той субъективности, которая создаёт из себя и вокруг себя некое смысловое пространство.

— То есть литература — это писатели, музыка — музыканты, и так далее?

— Если включать в понятие «писатели» или «музыканты» объективированную ими в своих произведениях собственную субъективность, то — да, конечно. Автономия — это очень позитивная, в сущности, вещь. И Кант в своей третьей «Критике...» говорит, что значение гениальных творцов для человечества заключается, прежде всего, в том, что они дают остальным пример того, как следует быть самими собой, как творить по своим собственным законам. Этому, полагал Кант, нужно следовать, именно к этому нужно стремиться, а не к формальному подражанию их произведениям.

Матрица же автономии литературного процесса, искусственно удержанная здесь благодаря государственной идеологии и политике советского периода, конечно, делает современную Россию особым местом на культурной карте мира. Потому что в институциональном смысле — пусть даже сегодня эти институции очень слабы, разрушены и едва дышат — мы всё равно остаёмся уникальной страной. Нигде в мире нет, например, «толстых журналов» или «союзов писателей» — в том виде, в каком они существуют у нас.

— Причём если при Сталине «мастерам культуры» отводили роль «инженеров человеческих душ», то сейчас культуру считают, похоже, наоборот, — таким заповедником или даже зоопарком свободы, где все нуждающиеся граждане могут, что называется, «отвести душу» и «выпустить пар». Правда, и здесь постепенно «наводят порядок».

— «Инженерами человеческих душ», насколько я помню, Сталин вслед за Юрием Олешей называл не всех «мастеров культуры», а конкретно писателей. И здесь важна ключевая роль литературы. В анамнезе у нас остаётся память о центральной роли литературы. И, конечно, это резко контрастирует с тем, что происходит сейчас в среде отечественной молодёжи, у «миллениалов», для которых уже не то что литература, а любой текст, чтение как таковое — лишь один из видов коммуникативной практики, и далеко не самый важный.

— То есть ведущим уровнем коммуникации становятся картинки и лайки-смайлики? Стимул/реакция, первая сигнальная система, по Павлову? Связано ли это со смелой физической носителем информации? Из глубины веков до нас дошло множество свидетельств о том, какую роль играла книга в жизни человеческих сообществ. Например, «книги суть реки, напоющие Вселенную» или «книги — зеркало мира» и так далее. Да что там далёкая древность? Совсем недавно, лет сорок назад, при нашей с вами жизни, книги были, если можно так выразиться, статусным активом, в советском обществе царил настоящий культ книги. Все эти собрания сочинений, букинистические

отделы книжных магазинов, где «жучки» втридорога продавали «дефицит», отечественный и зарубежный, «самиздат» и «тамиздат», «а ты Кафку читал?» и так далее... Это был целый мир, океан книг, в котором стотысячные тиражи были нормой. Мы были «самой читающей» страной мира. Не самой думающей, не самой работающей, но самой читающей. Потом рыночный бум 90-х, в котором детектив явно побеждал классику... Сейчас и те и другие активно сдаются в макулатуру или лежат аккуратными пачками, перевязанными шпагатом, у мусорных баков, в лучшем случае — в гаражах и подвалах. Такое впечатление, что все библиотеки: и личные, и общественные, — заменил интернет, а наши дети книг вообще не читают, предпочитая «чатиться» в социальных сетях...

— Опасения насчёт того, что интернет вытеснит традиционную книгу, были достаточно широко распространены и даже популярны лет 10–15 назад. Тогда ожидался мощный дрейф в сторону электронных и аудиокниг — и Америка была во главе этого процесса. Спрос на эти носители в те годы напоминал геометрическую прогрессию, а потом всё это не то чтобы остановилось, но замедлилось. Вот прошло столько лет — и что? Даже в США рынок электронных «читалок», на любых но-

сителях, составляет 15–20% общего объёма, а остальное — это по-прежнему, как там говорят, *physical books*, то есть обыкновенные бумажные книги. В Европе тот же показатель составляет 5–7%, у нас — в лучшем случае 3–4%. И эти цифры держатся уже несколько лет, без явных признаков роста. Так что бумажные книги более-менее нормально себя чувствуют, и интерес к ним достаточно стабилен. Более того, есть растущие рынки книжной продукции: Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка...

Другой вопрос — что люди вообще стали читать меньше «длинных текстов». Интернет и визуализация — это особый мир, который создаёт совершенно новое пространство коммуникаций и способы извлечения смыслов. Это следствие того, что наша жизнь переполнена информацией, и мы оказываемся в том же положении, что лесковский Гуго Карлович Пекторалис с русскими блинами. Мы её «жустерим», не можем втиснуть в нашу систему координат, да, наверное, и не стоит этого делать, чтобы не отдать концы вследствие неудачной попытки «перевода». Чтение даже одного романа, не говоря уже о его написании, предполагает длительное «ничего неделание», а для этого нужен определённый образ жизни, со своими скоростями и «замедлениями», которые сейчас редко кто практикует. Наше воображение задавлено потоком визуальных образов, которые удовлетворяют любое наше желание, даже ещё не возникшее. Это другой мир, он не хуже и не лучше — он просто другой...

— Я даже начинаю подозревать, что на известный вопрос: «Почему человечество до сих пор не столкнулось с инопланетянами?» — помимо религиозного ответа может существовать и другой, состоящий в том, что все цивилизации на определённой фазе развития просто уходят в свой «виртуал» и уже не возвращаются оттуда.

— Возможно. Но для своего времени русская литература, особенно русский роман — в том виде, в котором он был изобретён в XIX веке, — был продуктом очень высоких гуманитарных технологий. Там в каком-то смысле произошло то, что, например, у немцев примерно тогда же произошло в философии, а у французов — в искусстве. Очень сложный комплекс приёмов, связанных с отношением между внутренним миром человека и различными феноменами мира внешнего. Любой из этих феноменов обязательно отыгрывается через внутреннее состояние героя, через его внутреннюю речь, как эта практика была позже названа в системе Станиславского. Классический пример — князь Андрей Болконский и старый дуб в «Воине и мире». Или когда у Достоевского в «Идиоте» князь Мышкин спрашивает у другого героя, в каком настроении застал тот Настасью Филипповну, то получает ответ: «В искательном». То есть она мыслями была не здесь, искала что-то иное, более важное для себя. В этом состоит великая загадка, даже тайна... Этого не было нигде в литературе того времени. Даже во Франции, где были такие литературные

гиганты, как Бальзак и Стендаль... Хотя Лев Толстой — прямой ученик Стендаля. Но психологическая драма, которая была придумана и технически воплощена русскими писателями XIX века, носила прорывной, оригинальный, инновационный характер и, несомненно, стала важнейшим вкладом в мировую культуру. Потом это, с необходимыми ноу-хау, ушло в театр, в музыку, кинематограф и другие сферы искусства.

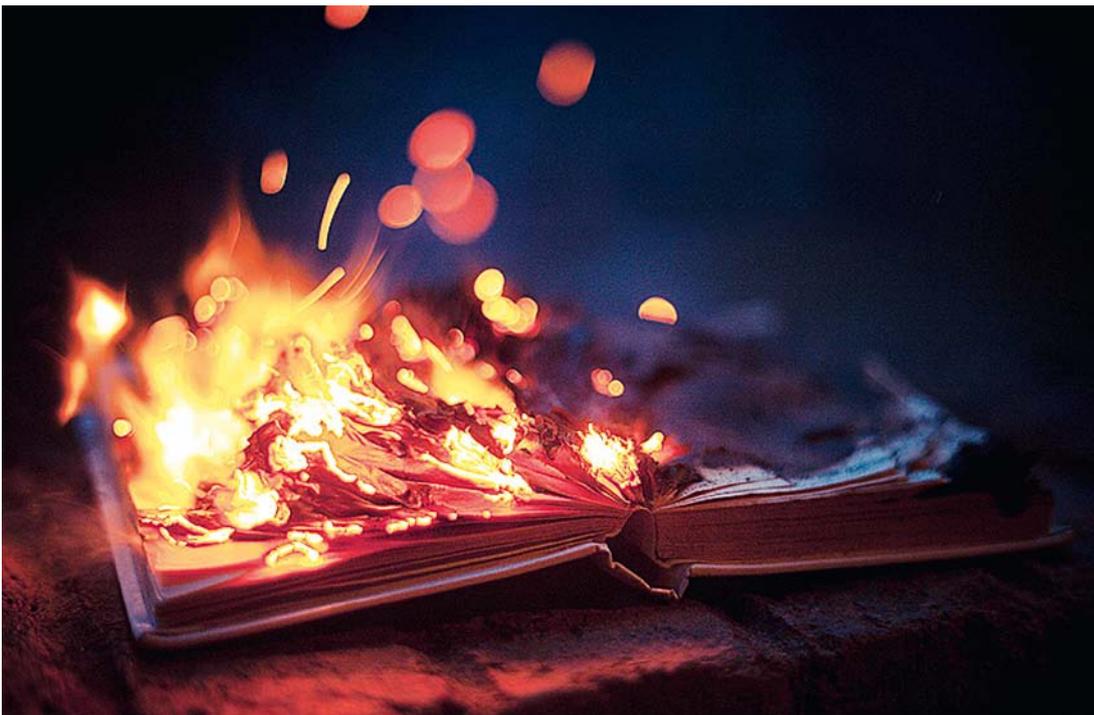
Что с этим делать сегодня, когда вся эта топология внутреннего и внешнего радикально изменилась? Вот название издательства Ad marginem — когда оно создавалось, было понятно, что есть центр и есть периферия, мы себя позиционировали как часть периферии и одновременно — «фронтира», о котором вы сказали. Но сейчас эта топология уже нерелевантна, она не работает. Нет ни центра, ни периферии. Культурное поле: хоть национальное, хоть мировое, — сегодня не организуется из какого-то единого центра.

Вся топология внутреннего переживания, внутренней речи вывернута вовне, и наоборот, — внутри современного человека всё больше внешнего, границы стёрты... И можно сказать, что в каком-то смысле, а именно в смысле технологии психологической драмы характеров, «русских романов» сегодня на русском языке почти никто не пишет, просто нет писателей, которые вообще могут выйти на этот уровень психологического письма.

— **Для технологий нужны соответствующие материалы. Как для огранки бриллиантов — алмазы...**

— Сейчас гораздо большее влияние, чем отечественная классика, на современную русскую прозу оказывает, скажем, англо-американский жанровый роман. В то же время технологии классического русского романа широко используются за рубежом, на других языках — по художественной технологии «русского романа» пишут свои книги турок Орхан Памук и американец Джонатан Франзен... Между современной нашей литературой и русской литературой XIX века — даже не пропасть, а целая Вселенная. Русские писатели сегодня — это по характеру своего творческого воображения скорее люди бизнеса, люди политики, люди идеологии в большей степени, чем люди слова. Но, как бы то ни было, я верю, что технологии русского романа XIX века и впредь будут актуализироваться — необязательно на русском языке, но и на нём тоже...

— **Вот эти вопросы «критической массы» и стирания границ между «Я» и «не-Я» — они ведь как-то связаны с уже очевидным кризисом современной цивилизации, которая уже не на словах, а на деле столкнулась с «пределами роста»; с заявлениями Путина об исчерпании потенциала либеральной идеологии, которую его собеседники из Financial Times истолковали как «смерть**

либерализма»; с недавними высказываниями президента Франции Эмманюэля Макрона о «смерти капитализма» или главы Банка Англии Марка Карни о «смерти доллара» в качестве глобальной валюты?

— Понимаете, иногда по-настоящему наследовать традиции можно, только разрывая с ней, отвергая её. Истинный либерализм, как я его понимаю, исходящий из высшей ценности свободы для человека и человеческого общества, принципиально не отвергает свободы класть предел свободе, и так далее. Он в этом отношении достаточно рекурсивен. И полностью соответствует пониманию мира как процесса, действия, события, а не как ряда стабильных состояний и качеств. Литература, как и мир, — это глаголы и наречия, а не существительные и прилагательные. Любой герой важен нам не своими неизменными качествами, а тем, что с ним происходит, его действиями и состояниями, событиями его жизни.

Россия продуктивного либерализма, позитивного либерализма знала мало. Здесь он зачастую оборачивался нигилизмом...

— Есть даже легенда про Отто фон Бисмарка и русское «ничего», якобы поразившее «железного канцлера» Второго рейха, с которым, на пике его успехов и славы Лесков, кажется, ассоциировал упомянутого вами Гуго Пекторалиса из «Железной воли»...

— Путинское высказывание об исчерпанности либеральной идеи, на мой взгляд, носит нигилистический характер. В этом отношении он — один из тех «русских мальчиков» Достоевского, которые нигилизм вроде бы преодолели, но на самом деле нет.

— Получается, что Чубайс, который в своё время заявил, что Достоевский — конечно, гений, но лично ему хочется разорвать писателя на куски из-за представления о русских как избранном, святом народе и предложенного им «ложного выбора», — тоже из «русских мальчиков» — нигилистов?

— Скорее всего, да. У каждого есть своё понимание какого-то идеального состояния мира, и часто оно дополняется отрицанием существующего мира как «испорченного», а эта установка не позволяет усмотреть позитивную, продуктивную сторону свободы действий. Вспомним, что у Ницше воля к могуществу — это высший позитив. Представьте себе, что желания возникают не от того, что у вас чего-то не хватает, а, наоборот, — потому,

что у вас всё есть, вы абсолютно счастливы и именно поэтому желаете максимального расширения своего счастья, соединяете всё и вся собственной позитивной энергией, зовёте всех, весь мир присоединиться к вам, разделить с вами это чувство полноты и радости...

— **«Комплекс Бога»: чего Ему не хватало, если Он мир сотворил?**

— Свобода: не от чего-то, а для чего-то, — несомненно, позитивная ценность. Кто хочет делать — находит возможности для этого. Но в России существует своя традиция понимания свободы, и об этом нельзя забывать. Она восходит к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, одному из первых русских философских текстов, написанному почти тысячу лет назад. Это совершенно потрясающее произведение, в котором вроде бы повторяется идея апостольских посланий Павла о том, что Закон — это необходимость, и в этом своём модусе он — несвобода, а свобода — это Благодать, незаслуженная милость, дар Божий. Такая свобода не имеет ничего общего с политической или экономической свободой, это свобода внутреннего просветления, близкая к практике исихазма и к мистической традиции в целом.

— Кстати, «Слово о Законе и Благодати» появилось практически в те же годы, когда князь Ярослав Владимирович Мудрый из рода Рюриковичей кодифицировал законодательство для подвластных ему земель в «Русской правде». Это был спор митрополита Иллариона с государственной властью или попытка дополнить её, гармонизировать путём «симфонии»?

— Почему «или»? Видимо, и то и другое. Но если свобода — незаслуженная милость, то она может принадлежать кому угодно. Это — не твоё, это подарено тебе свыше. И как ты этот дар воспринял — так, исходя из этого дара, ты себя и ведёшь. То есть свобода — это мистическая, метафизическая сила...

— **Которую «Бог дал, Бог взял»?**

— Эту концепцию можно обсуждать дальше, но главное для меня заключается в том, что она принципиально отличается от концепции свободы, которую мы называем западной и которая присутствует, например, у Канта. Западный либерал — это Кант, который говорит, что если в обществе действуют хорошие законы, то в нём не может быть плохих людей. Зло в этом случае

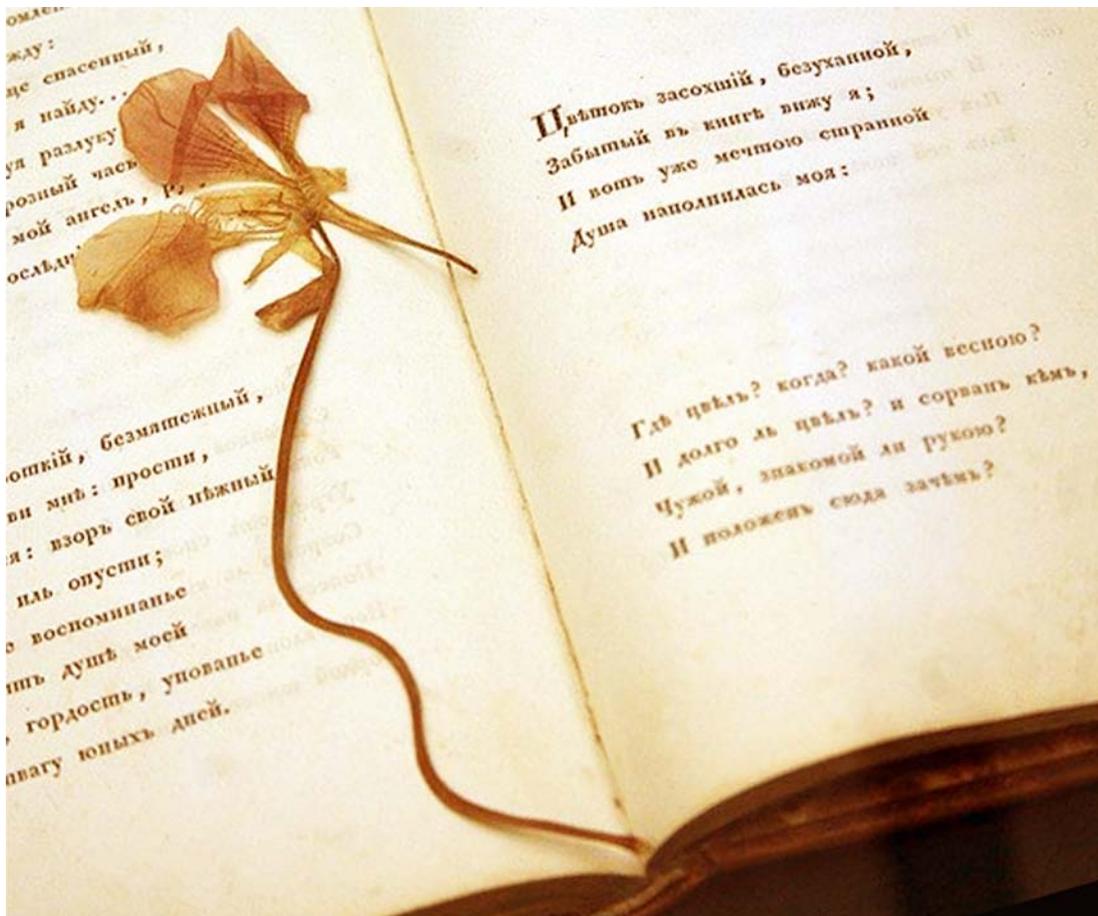

переносится из общественной, публичной территории на территорию частной жизни. Вот понятие либерализма, выраженное Кантом. Путин, мне кажется, не верит в «хорошие законы» и в их позитивную, жизнеотворяющую силу. По-видимому, закон для него — это форма чистой негативности, которая действует через применение силы или угрозу такого применения. А ведь закон может действовать и без этого — как то, что нас связывает и объединяет. Как в дантовском «Рае», где закон — это «любовь, что движет солнце и светила».

— **Есть рассказ о том, как китайские мудрецы отреагировали на сообщение европейцев о существовании законов природы: они якобы «нашли саму идею науки абсурдной, поскольку, хотя повелителю Поднебесной и дано устанавливать законы и требовать их исполнения под угрозой наказания, исполнять законы и подчиняться им дано лишь тем, кто способен эти законы понять, а дерево, вода и камни, очевидно, этим свойством «понятливости» не обладают: им нельзя предписывать законы и от них нельзя требовать их исполнения...»**

— Но, как бы то ни было, мы можем жить или поэтически (и политически, что близко друг к другу), или технически (и экономически). Исходя или из идеалов, стремясь к ним и в этом стремлении создавая нечто ранее небывалое, или из тяги к техническому совершенству, исполнительскому мастерству. Для многих сегодняшних людей бизнеса и политики главное — это «решать вопросы», добиваться результата, а не открывать новые горизонты возможностей, создавать новые смыслы. В этом отношении русский (по происхождению) нигилизм является духом времени, трендом. Поэтому возвращение в Россию политики вместо «искусства решать вопросы» будет означать и возвращение в неё поэтики (и поэзии) как способности жить «для трепета», если воспользоваться словами поэта-обериута Леонида Липавского.

— **Что ж, от изобретения колеса до изобретения велосипеда прошло несколько тысяч лет. Благодарю вас, Александр Терентьевич, за столь содержательную и во многом неожиданную беседу. Многие «делянки» здесь обозначены, будем теперь их «пахать»...**

Неолиберальный апокалипсис: деньги, энергия, информация, человек

*Доклад группы экспертов
под руководством Александра НАГОРНОГО*

Мировое медиапространство вот уже несколько лет полнится мрачными прогнозами, масса которых неизменно нарастает и явно приближается к критической, затрагивая всё новые и новые сферы жизни человеческой цивилизации, а тон становится всё апокалиптичнее. Так, президент Франции Эмманюэль Макрон совсем недавно заявил о конце многовековой гегемонии Запада; авторитетнейший американский политический гуру Фарид Закария — об утрате Соединёнными Штатами «однополярного момента» (*потенциала для сохранения этой страной нынешнего «глобального лидерства»*. — Авт.); со-председатели Римского клуба Эрнст фон Вайцзеккер (Германия) и Андерс Вийкман (Швеция) в докладе *Соме оп!* 2018 года предрекли «саморазрушение капитализма» в нынешнем «полном мире»; 16-летнюю шведку Грету Тунберг вывели на трибуну Генеральной ассамблеи ООН, с которой она обвинила всех мировых лидеров в приближении глобальной климатической катастрофы... Этот список-мартиролог можно продолжать почти до бесконечности. Какие процессы он отражает и какие цели преследует?

Сопоставляя форсаж апокалиптических настроений на современном Западе с той возгонкой антикоммунизма, который насаждался в «перестроечном» советском обществе накануне краха СССР, между этими процессами можно найти немало сходства. Но — при одном важнейшем, кардинальном и фундаментальном различии: демократы-перестройщики точно знали, что они хотят получить вместо застойного социализма — общество западного образца, если не «как в Америке» или «как в Швеции», то хотя бы «как в Португалии» (но, разумеется, не «как в Нигерии» или «как в Бразилии»). А вот нынешние либералы никакого позитивного идеала, никакой альтернативы ни для себя, ни для своих обществ, ни для человеческой цивилизации ни во времени, ни в пространстве уже не видят.

Показательный момент: когда президент России 27 июня 2019 года, накануне саммита «Большой двадцатки» в Осаке, дал интервью руководителям британской газеты *Financial Times*, его слова о том, что «либеральная идея себя изжила», собеседники, матёрые «акулы» масс-медиа, мгновенно истолковали как заявление о «смерти либерализма», и эта трактовка сразу, без всяких оговорок, была подхвачена всем «коллективным Западом» — то есть там услышали вовсе не то, что было в реальности сказано, а то, что хотели услышать и чего подсознательно ждали...

Тотальный линейный прогрессизм Нового Времени, которое началось с эпохой Великих географических открытий, с открытия новых пространств (и Нового Света) нашей планеты, исчерпал себя уже к началу Первой мировой войны, передела мира между сильнейшими человеческими сообществами государственного уровня. В рамках этого передела, с конца XIX по середину XX века, особую роль приобрёл научно-технический прогресс, взрывной характер которого уже ко времени Карибского кризиса 1962 года «упёрся» в перспективу всемирной ядерной войны. После чего сплошная линия «фронта» человеческой цивилизации столкнулась с «пределами роста» и разорвалась на отдельные «потoki», объединённые между собой только на финансовом уровне, что проявилось в отказе от золотовалютного стандарта с переходом к Ямайской валютной системе, что было окончательно оформлено в 1975 году. Произошла своего рода «монетизация» человечества, идеологическим оформлением которой стала «неолиберальная» цивилизационная матрица. Её триумфом стало разрушение Советского Союза как потенциальной альтернативы новому, «неолиберальному» мировому порядку, а победным манифестом — известное эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?», опубликованное в американском журнале *The National Interest* (1989, № 16). «То, чему мы, вероятно, являемся свидетелями, — не просто

конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления», — писал автор. Впрочем, эти моменты, включая попытку осмысления феномена денег как ноумена, были детально представлены в нашем предыдущем докладе «Глобальный системный кризис: неосоциогенез, синергономика и Россия» (см. «*Изборский клуб*», 2019, № 3), поэтому здесь по данному поводу нет необходимости повторяться.

Но именно вследствие глобальной «монетизации» человечества все кризисные явления ресурсного (включая энергетический), экологического, информационного, демографического и прочих порядков долгое время не воспринимались в качестве системных характеристик господствующего способа производства/потребления, и только когда в 2008 году кризис затронул всю мировую финансовую систему, центром которой была и до сих пор остаётся «империя нефтедоллара», наличие глобального цивилизационного кризиса перестало замалчиваться или подвергаться какому-то серьёзному сомнению, а «либеральный рай» — рассматриваться в качестве безальтернативного будущего для всего человечества. Впрочем, «резать, не дожидаясь перитонита», не рискнули, переведя цивилизацию посредством «количественного смягчения» (*Quality easing, QE*) в состояние управляемой комы. Но в этом состоянии потоки денег, информации, энергии, а также человеческие потоки начали выходить из-под контроля и рассогласовываться между собой так, что вернуть их в прежнее состояние, «выйти из комы», уже не представляется возможным. Отсюда и признание «коллективным Западом», как глобальным управляющим центром, неэффективности и ненужности «неолиберальной» цивилизационной матрицы. Но такой

отказ, вследствие инерции любых больших систем, не может быть осуществлён одновременно и полностью. Это достаточно длительный процесс, который к тому же, в нынешних условиях, дополнительно осложняется действиями существующих центров управления подсистемного уровня, которые начинают напрямую взаимодействовать между собой, претендуя на собственную системность (в данном случае это касается, прежде всего, российско-китайского стратегического союза).

И гораздо важнее здесь то, каким окажется результат этого глобального системного конфликта, какие альтернативные матрицы придут или могут прийти на смену матрице неолиберальной.

Вопрос этот — отнюдь не абстрактный и не праздный, поскольку соответствующее решение «коллективным Западом», очевидно, уже принято, но по ряду причин не подлежит публичному оглашению: ни сегодня, ни, видимо, в ближайшей перспективе. Китайская альтернатива уже вполне определена и достаточно глубоко интерпретирована: как теоретически, так и практически, применительно к России, — Сергеем Глазьевым, Юрием Тавровским, Андреем Островским, Владимиром Овчинским, Еленой Лариной и другими авторами «Изборского клуба». В отношении же российской альтернативы пока налицо полный туман и неопределённость. Констатируя, что «либеральная идея себя изжила», Владимир Путин пока тем и ограничился, не дав ни малейшего намёка на то, что может и должно прийти на смену этой «изжившей себя» идее. Более того, правительство Российской Федерации и вся «властная вертикаль», декларируя своё противостояние глобальной «неолиберальной» матрице «коллективного Запада» и пытаясь сохранить контроль над ресурсным потенциалом страны, тем не менее продолжают активно работать в её рамках, продолжая ограничивать права и возможности граждан России («пенсионная реформа», реформа систем образования

и здравоохранения, повышение налогов и тарифов, снижение реальных доходов населения с увеличением кредитной задолженности и т.д.).

При этом другие реальные и перспективные «центры силы» подсистемного, т.е. субглобального уровня (Европа, Исламский мир, Индия, Япония, Латинская Америка) на создание цивилизационных матриц, альтернативных неолиберальной, похоже, не претендуют вообще — если не считать такой цивилизационной матрицей «исламский социализм» салафитского толка, выступающий сегодня идейным базисом для «международного мусульманского терроризма», но, по сути своей, являющийся «чистым функционалом» для данной политической практики.

В какую же сторону сегодня «трубят ангелы гнева» и разворачивают своих смертоносных коней всадники-глашатаи неолиберального Апокалипсиса?

КОНЬ ПЕРВЫЙ. ДЕНЬГИ

Получившая всероссийскую (но пока ещё не всемирную) известность фраза премьер-министра РФ Дмитрия Медведева: «Денег нет, но вы держитесь», — как и слова Владимира Путина о «смерти либерализма», в реальности звучала несколько иначе, нежели её увековеченная, «отлитая в граните» общественной памяти форма, — точно так же случилось с путинскими словами о «смерти либерализма». Но тут уж *Vox populi vox Dei* («Глас народа — глас Божий»), и с этим ничего не поделаешь. Раз народ услышал, что «денег нет», — значит, денег нет.

Казалось бы, с реальностью эта формула не имеет ничего общего. Деньги у российского государства есть, и они не просто есть, а их очень много: не только у правительства России (более 13 трлн рублей неизрасходованных остатков федерального бюджета + золотовалютные резервы, по состоянию на 20 сентября 2019 года достигшие отметки в 532,6 млрд долл., что эквивалентно 34,6 трлн рублей),

но и во всём мире. Совокупный глобальный денежный агрегат L давно превысил планку в квадриллион долларов, уже примерно в 16 раз превосходя официальные цифры годового объёма мирового производства.

На деле же денег действительно нет, поскольку 96–97% существующей «параденежной массы» вращается исключительно в сфере финансовых спекуляций. Иными словами, это уже не деньги как таковые, а некий денежный суррогат, который рано или поздно должен быть каким-то образом переучтён и «стерилизован». Отсюда понятно, что катастрофические потрясения на фондовых и валютных рынках не просто вероятны и возможны, а неизбежны. Но одно дело — абстрактное знание и признание того печального факта, что все люди смертны, а другое — когда и как происходит смерть каждого конкретного человека.

Поскольку бешеная эмиссия фиатных валют, прежде всего — доллара, при одновременном снижении кредитных ставок, вот уже одиннадцатый год продолжается практически по всему миру, отключение мировой экономики от систем искусственного финансового жизнеобеспечения может произойти буквально в любой момент, когда это сочтут необходимым те, кто контролирует глобальную систему центробанков. Но пока этого не происходит, хотя, судя по всему, позиции сторонников такого решения усиливаются.

И это касается не только заявления главы Банка Англии Марка Карни о необходимости замены доллара, эмитируемого Федрезервом США, другой валютой и, несомненно, связанного с этим проектом заявления другого Марка, Цукерберга, о создании на базе пользователей Facebook (а это 2,7 млрд аккаунтов, что примерно соответствует уровню около миллиарда человек) платёжной программы Libra. Удары по доллару наносятся и с других направлений.

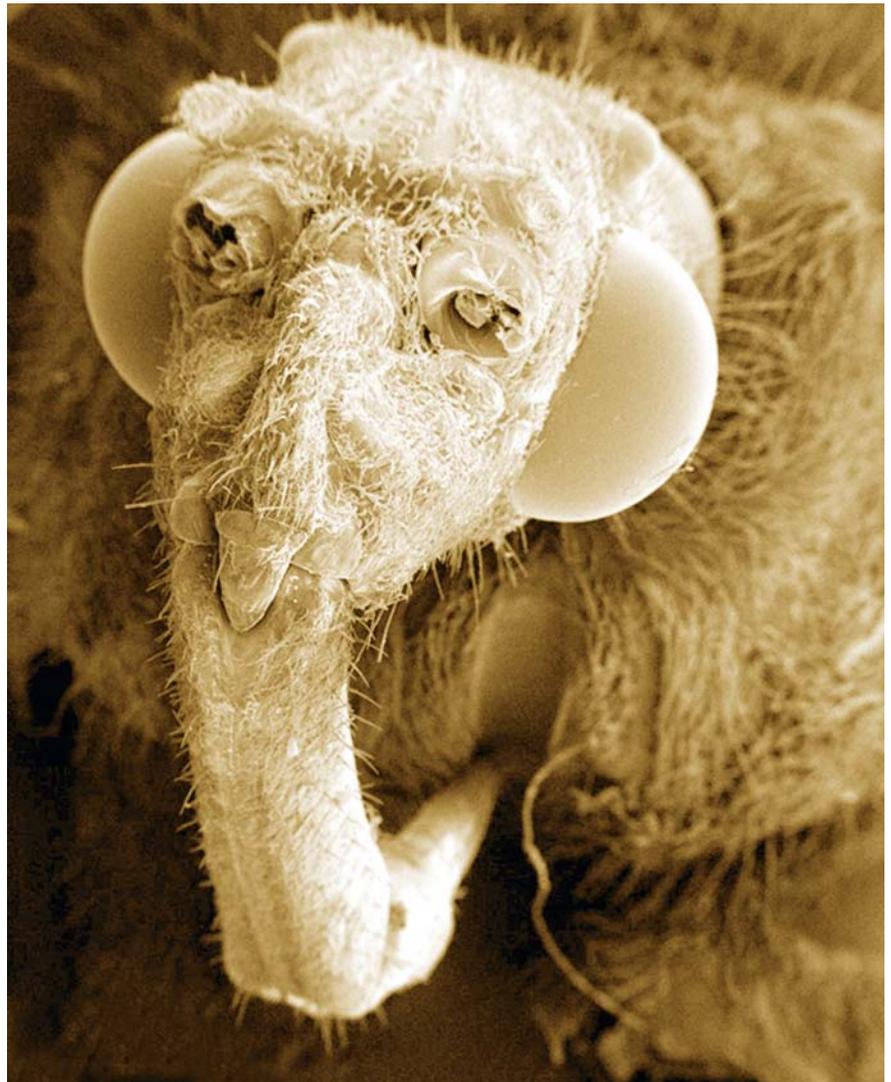
Так, после прошедшей в ночь на 14 сентября 2019 года успешной «атаки дронов» против ключевых объектов

компании Saudi Aramco в Абхайке и Хурайсе цены на «чёрное золото» 16 сентября выросли более чем на 12%, с 60,2 до 67,5 доллара за баррель марки Brent, что едва не привело к краху американского фондового рынка. В результате Банку Нью-Йорка пришлось ежедневно предлагать для перекредитования сумму, аналогичную 75 млрд долл. (это 4,87 трлн рублей), чтобы не допустить «кризиса ликвидности». Кроме того, крупнейшие банки США к 1 октября выкупили долговые обязательства Минфина США на 433 млрд долл., а до 19 декабря должны добавить к ним ещё 381 млрд долл. И кризис в конце концов, благодаря данным мерам, удалось предотвратить — ценой увеличения баланса ФРС «всего-то» на 58 млрд долл. Но что если подобные удары повторятся? Ответ на этот вопрос уже очевиден: после отмены «золотого стандарта» главным экономическим (были ещё и внеэкономические) обеспечением американского доллара стала нефть. И не просто нефть, а нефть Саудовской Аравии, которая продавалась исключительно за доллары и которой, как считалось, в недрах Аравийского полуострова неисчислимо много.

Поэтому на доллары можно было купить всё, потому что на них можно было купить саудовскую нефть, а нефть — кровь современной цивилизации, она всегда всем нужна, и её гарантированно можно продать или обменять на любой другой нужный товар. Таков был фундамент, на котором строилась и стояла «империя нефтедоллара» как цитадель глобальной экономики. При этом (внеэкономические факторы) U. S. Navy господствовал в Мировом океане, а глобальные масс-медиа делали всё, чтобы у подавляющего большинства человечества не возникало даже тени сомнений в незыблемости подобного порядка вещей. И вот теперь этот порядок вещей рухнул.

Даже не важно, кто именно стоял за атаками 14 сентября: йеменские хуситы, Иран, сами США, «инопланетяне» или кто-то ещё. Весь мир получил сигнал о том, что резерв саудов-

ской нефти, во-первых, не является бездонным, а во-вторых — в любой момент может стать недоступным.

Парадоксальным образом данное обстоятельство вызвало ажиотажный спрос на американскую валюту — потому что из мира финансовых деривативов в реальную экономику можно выйти только через долларовое «бутылочное горлышко» или, если угодно, «игольное ушко» из евангельской притчи. Учитывая, что общий объём этих деривативов сегодня, по разным оценкам, находится в диапазоне 2–2,5 квадриллиона долларов, в 24–30 раз превышая показатель мирового валового продукта (по номиналу), понятно, что даже «уйти в кэш», т. е. «обналичить» свои активы и тем самым отсрочить их потерю удастся очень немногим.

Поэтому выбор, стоящий перед ФРС (и другими центробанками мира), невелик: или вести жёсткую финансовую политику, сразу оставив «за бортом» обладателей 96–97% долларовых «активов», или активно эмитировать доллары, пытаясь расширить это «игольное ушко». В первом случае «крах посреди процветания» наступит очень быстро, практически сразу (см. историю Великой депрессии 1929–1931 гг.), во втором — будет перенесён на период, когда «долларов станет слишком много» и на них ничего нельзя будет купить, то есть начнётся глобальная гиперинфляция (см. опыт Германии после Первой мировой войны, Зимбабве, России после краха СССР и т. д.). Самое печальное, что никакой «золотой (а теперь — даже «нефтяной») середины» здесь уже нет.

Страна	2016		2019		Изменение (млрд. долл.)
	место	сумма	место	сумма	
Япония	2	1154,6	1	1130,8	- 23,8
Китай	1	1218,8	2	1110,3	- 108,5
Великобритания	8	209,9	3	334,7	+ 124,8
Бразилия	5	254,4	4	309,9	+ 55,8
Ирландия	3	269,2	5	258,2	- 11,0
Люксембург	7	223,5	6	229,6	+ 6,1
Швейцария	6	240,8	7	228,5	- 12,3
Каймановы о-ва	4	264,3	8	218,4	- 45,9
Гонконг	10	189,6	9	210,4	+ 20,8
Бельгия	11	154,4	10	206,1	+ 51,7
Сауд. Аравия	15	96,5	11	180,8	+ 84,3
Тайвань	9	192,1	12	178,7	- 15,4
Индия	12	123,7	13	159,9	+ 36,2
Сингапур	13	103,4	14	137,9	+ 34,5
Франция	21	63,0	15	136,2	+ 73,2
Южная Корея	17	85,9	16	117,0	+ 31,1
Канада	18	81,3	17	108,7	+ 27,4
Норвегия	23	52,9	18	96,9	+ 44,0
Таиланд	25	48,8	19	89,5	+ 40,7
Германия	14	96,8	20	85,9	- 10,9
Бермудские о-ва	19	66,3	21	68,6	+ 2,3
Мексика	26	48,3	22	51,2	+ 2,9
ОАЭ	20	66,0	23	49,3	- 16,7
Нидерланды	24	49,7	24	49,2	- 0,5
Швеция	29	40,0	25	47,7	+ 7,7
Италия	28	41,3	26	45,6	+ 4,3
Кувейт			27	44,0	
Испания	30	39,1	28	42,9	+ 3,8
Австралия			29	42,3	
Израиль			30	40,1	
Всего		6279,3		6630,5	+ 351,8
Центробанки		4008,3		4133,5	+ 125,2
Россия	16	88,2		8,6	- 99,6
Турция	22	59,7			
Филиппины	27	41,7			

Таблица 1.
ТОП-30 крупнейших иностранных инвесторов в государственный долг США в 2016 и в 2019 годах.

Отвечая на естественный вопрос, какой же вариант в данном случае лучше: удерживать нынешнюю ситуацию, что называется, до последнего, не допуская обвала, или же побыстрее устроить обвал с массовыми жерт-

вами под флагом «климатического каннибализма»? — следует ответить вполне «по-сталински»: «Оба хуже!»

На этом фоне данные американского казначейства, согласно которым иностранные вложения в «трежерис»

в июле, по сравнению с тем же периодом 2018 года, увеличились почти на 400 млрд долл., выглядят не слишком убедительно, а позиция РФ, которая за июнь вывела из этих активов еще 2,35 млрд, оставив только 6,239 млрд в долгосрочных бумагах и 2,262 млрд — в краткосрочных, выглядит абсолютно оправданной. Тем более что вместе с нефтью дорожает и золото, вследствие чего нашей страной взята рекордная для «постсоветской» истории планка стоимости золотого запаса — более 110 млрд долл. в текущих ценах.

Но, что бы кто ни говорил про утрату Соединёнными Штатами статуса глобального лидера, а долларом ФРС — статуса «мировой валюты номер один» из-за действий президента Дональда Трампа, есть показатель, позволяющий этот статус и это доверие оценивать более-менее объективно. Называется он Major foreign holders of treasury securities и представляет собой краткую форму стандартного отчёта казначейства США об иностранных инвесторах в американские государственные долговые обязательства, который публикуется ежемесячно, с временным лагом примерно в два месяца. Пока последний по времени такой отчёт, вышедший в середине сентября, содержит данные (в млрд долл.) за июль 2019 года.

Поэтому имеет смысл «отмотать» ленту на три года назад и сравнить данные июля-2019 с аналогичными данными июля-2016, когда президентом Соединённых Штатов был Барак Обама, антироссийские санкции действовали уже всюду, британцы на референдуме только что проголосовали за Брексит, а Дональд Трамп стал победителем республиканских праймериз, но в его победу над Хиллари Клинтон ещё мало кто верил (таблица 1).

В этой — вроде бы «чисто денежной» и, на первый взгляд, достаточно второстепенной — таблице на самом деле, словно в капле воды, отражается вся динамика текущей политической и геополитической ситуации. Поскольку доверие, выраженное

в финансовой форме, куда значимее доверия, выраженного в словах, — пусть даже это слова самых высокопоставленных политиков. Вклады в американские долговые обязательства — как раз проявление доверия и поддержки США со стороны иностранных государств (и их бизнес-сообществ, поскольку в данном отчёте учитываются все национальные резиденты — держатели «трежерис», а не только центробанки).

Данные таблицы показывают, что в целом финансовое доверие «остального мира» к США при президенте Трампе не снизилось, а даже возросло. И если иностранные центробанки за 77 последних месяцев действительно «слили почти две трети от объёма, который был накоплен за предыдущие 35 лет», то 36 последних месяцев это не касается.

Как можно видеть, есть страны, активно выходящие из «трежерис» — и они же выступают в качестве основных оппонентов «однополярного мира» *Rax Americana*. Это Китай, Россия, Турция, Филиппины и — весьма неожиданно — Каймановы острова, известный британский офшор. Некие сомнения насчёт Соединённых Штатов, судя по этой таблице, испытывают Япония, Германия, Швейцария, Ирландия, ОАЭ, Гонконг и Тайвань.

В то же время куда большее число государств увеличили свои вложения во внешний долг США. И вследствие этого их можно рассматривать в качестве несомненных союзников трамповской концепции «Сделаем Америку снова великой!» («*Make America Great Again!*», *MAGA*). Это, прежде всего, Саудовская Аравия, Франция, Бразилия (не зря американцы там «запрессовали левых» Лулу да Силву и Русефф — оказывается, это был вопрос ценой в 55 млрд долл.), Бельгия, Норвегия и Таиланд, а самое главное — и, опять же, весьма неожиданно — Великобритания. И дело здесь не только в угрозах со стороны упомянутого выше Марка Карни, которые прозвучали в конце августа 2019 года, то есть уже после рассмотренного здесь периода, и могут привести

(или уже привели) к значительному оттоку держателей «трежерис»: информация об этом станет доступна только в ноябре 2019 года. Напомним, что референдум по Брекситу состоялся как раз 26 июня 2016 года, так что почти 125 млрд долл., вложенных с тех пор туманным Альбионом в американский внешний госдолг, несомненно, связаны с этим событием. Кроме того, существенно расширили кредит Америке Индия, Сингапур, Южная Корея, Канада, Австралия и Израиль.

То есть «битва за доллар» явно приближается к своей кульминации. Хотя «запас прочности» у де-тища ФРС, похоже, ещё есть, и он достаточно велик. Так, доля доллара в мировых международных резервах снизилась за 2014–2019 гг. с 63,1% до 61,5%, а в международных транзакциях — с 49,3% до 42,7%, при этом золотовалютные резервы Европейского центробанка, эмитирующего вторую по значимости мировую валюту — евро, на долю которой приходится 30,2% мировых транзакций, — почти на две трети состоят из долларов.

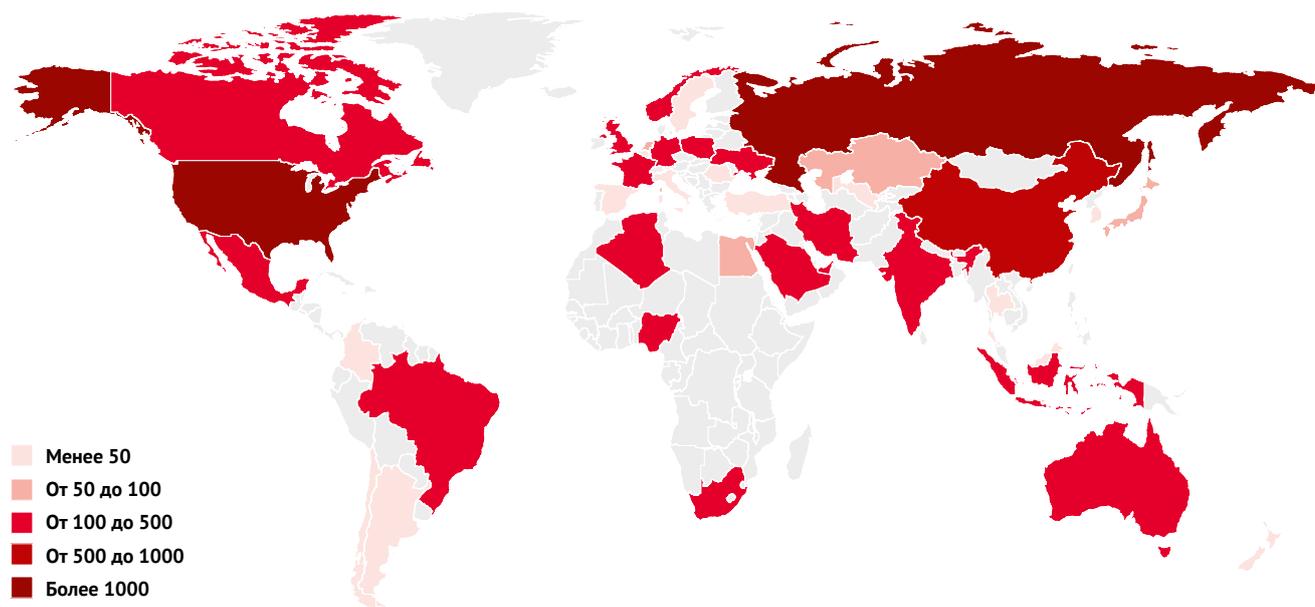
Но при этом даже среди тех, кто сегодня сражается «за доллар», а не против него, налицо серьёзные и неразрешимые внутренние противоречия, которые сводят шансы сторонников «вечнозелёного» на итоговую победу к уровню статистической погрешности, т. е. до 3–4% (что удивительным образом соответствует текущей обеспеченности долларовой массы реальными активами).

Эпоха *Time is money* («Время — деньги»), когда платёжные средства обеспечивались прошлыми и текущим циклами производства/потребления, давно прошла. Сегодня подходит к концу эпоха *Future is money* («Будущее — деньги»), когда они обеспечиваются уже будущими циклами производства/потребления, вплоть до «горизонта событий» в 25–30 лет максимум, в пределах которого, как отмечалось нашим предыдущим докладом, уже «монетизированы» ещё добытая нефть, непостроенные дома, несобранные автомобили и так далее — вплоть до несостоявшихся природ-

ных катастроф и прочих страховых случаев... Точно так же, как деньги вышли за пределы актуального пространства, они выходят и за пределы актуального времени, оказываясь в финансовом Зазеркалье, откуда нет выхода, но которое «квантово связано (спутано)» с реальной, «физической» экономикой, где, увы, законы природы продолжают свою работу...

Возникает вопрос: «Что дальше?» На этот счёт пока можно лишь выдвигать предположения разной степени обоснованности, однако, исходя из гипотезы о том, что деньги по сути своей являются «пакетами информации» особого рода, логичным было бы предположить создание — разумеется, только после переучёта всей фиатно-фидуциарной валютной системы и вследствие такого переучёта — института «антиденег», все права и обязанности по эмиссии и транзакциях которых окажутся в конечном счёте «привязаны» к конкретным субъектам — физическим лицам (возможно, с поголовной их «чипизацией»), что напрямую связывается с евангельским пророчеством из Откровения апостола Иоанна Богослова, известного как Апокалипсис: «Всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и... никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание...» (Откр. 13:16-17).

Движение в этом направлении начал запущенный в 2008 году, на фоне краха *Lehman Brothers* и глобального финансового кризиса, проект «криптовалюты» *Bitcoin*, получивший широкую известность, признание, а также массу «альткоинового» реплик типа *Etherium*, *XRP*, *Monero* и других, которые на пике своей суммарной капитализации 7 января 2018 года достигли отметки в 828 млрд долл. — почти 10% мирового валового продукта. При этом *Bitcoin* прошёл свой пик чуть раньше, 17 декабря 2017 года, когда его стоимость составила 336 млрд долл. Эти цифры показывают наличие на мировом финансовом

Рисунок 1.
Мировая карта производства первичной энергии, в миллионах тонн условного топлива (ТОЕ) для 1990 года.

рынке достаточно существенного, до 30–33%, спроса на формально неподконтрольные международной банковской системе — даже необеспеченные реальными активами и со сложной системой транзакций, а потому запределно волатильные — платёжные средства.

Следующим шагом оказываются «стэйблкоины» — электронные платёжные средства, каким-то образом привязанные к «традиционным» финансовым активам, среди которых на первой позиции, скорее всего, окажется уже упомянутая выше Libra. Формально это проект главы Facebook Марка Цукерберга, но, учитывая предыдущую «историю успеха» данного персонажа, можно сказать, что «либра» является тест-проектом крупного транснационального капитала, направленным на «мягкое» вытеснение доллара из системы международных расчётов. Все заявленные параметры «либры» указывают именно на такой её функционал. Один из важнейших моментов — автоматическая фиксация и привязка через Facebook всех параметров транзакций с участием

данного платёжного средства. То есть то, чего относительно любых платежей, осуществляемых в долларах, США добивались от всего мира силой, здесь будет происходить как бы «само собой». Обращает на себя внимание и тот факт, что само название данной платёжной системы идентично «второму имени» английского фунта стерлингов, чей символ £ представляет собой стилизованную букву L, от слова «libra», т. е. мера веса драгоценных металлов, равная 327,45 грамма (здесь можно увидеть 100%-ное пересечение с заявлением главы Банка Англии Марком Карни о необходимости замены доллара ФРС США в качестве главной мировой валюты «другим платёжным средством»). Впрочем, существует и ряд «параллельных» проектов (включая «грам» пользователей соцсети «ВКонтакте» и мессенджера Telegram, основанных Павлом Дуровым).

В целом же можно сказать, что всадники «неолиберального» Апокалипсиса стремятся отменить свободу любых экономических транзакций даже в том ограниченном диапазоне, который представляет современный

институт фиатно-фидуциарных денег, полностью оторвав их от нынешнего «энергетического» эквивалента.

КОНЬ ВТОРОЙ. ЭНЕРГИЯ.

Начиная с публикации доклада Римского клуба «Пределы роста» (1972) и «подтверждающей» его тезисы арабо-израильской Войны Судного Дня в октябре 1973 года, которая привела к взрывному росту цен на нефть, общепризнанным стал прогноз прекращения роста и постепенного снижения уровня энерговооружённости человеческой цивилизации в целом и «развитого мира» в частности. Количество соответствующих сценариев на эту тему исчисляется, наверное, уже тысячами или даже десятками тысяч, хотя факты свидетельствуют о следующем.

Вот, например, мировая карта производства первичной энергии, в миллионах тонн условного топлива (ТОЕ) для 1990 и 2018 года (рисунок 1–2)¹.

За 1990–2018 гг. мировое производство/потребление первичной энергии (по «очищенным» данным,

¹ <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-energy-production.html>

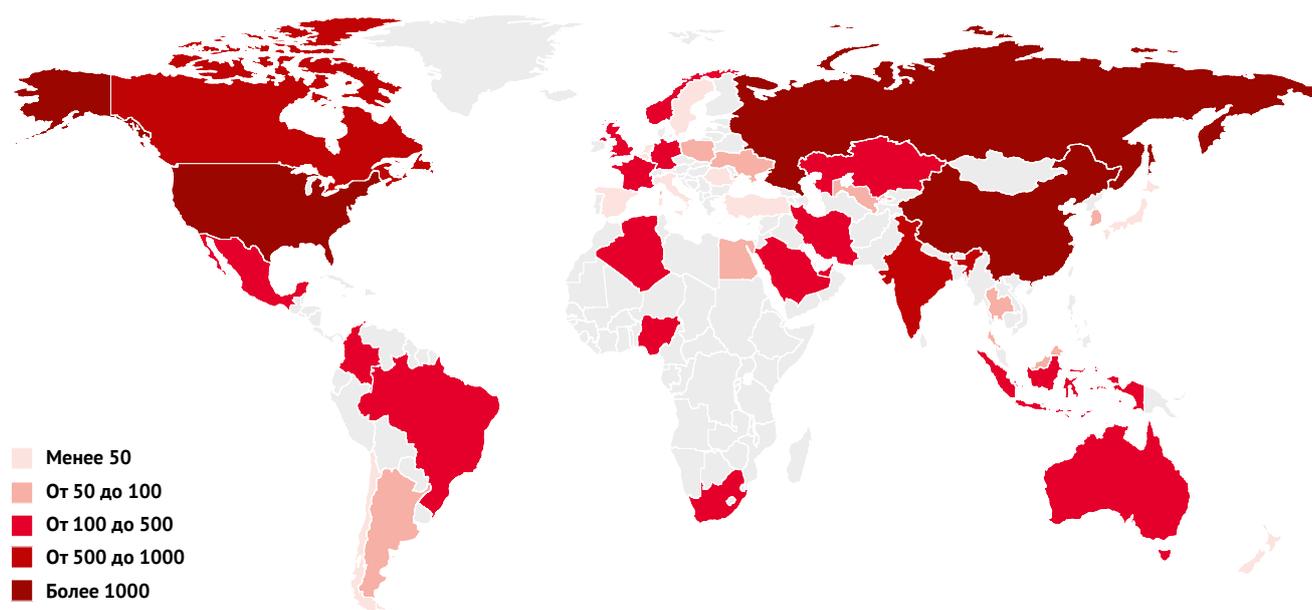

Рисунок 2.

Мировая карта производства первичной энергии, в миллионах тонн условного топлива (ТОЕ) для 2018 года.

т. е. с учётом энергопотерь) выросло с 8,796 до 14,469 млрд ТОЕ, или на 64,5%. При этом население нашей планеты увеличилось с 5,27 до 7,68 млрд чел., т. е. на 45,7%. Иными словами, обеспеченность среднестатистического жителя Земли энергией повысилась с 1,669 до 1,884 ТОЕ, или на 12,88%. С учётом эффекта энергосберегающих и других новых технологий можно сказать, что в среднем качество жизни человечества за три последних десятилетия улучшилось примерно в 1,5–2 раза.

Если сопоставить эти оценки с данными производства мирового валового продукта (товаров и услуг) по паритету покупательной способности (МВП ППС), то в 1990 г. (данные Agnuss Maddison²) данный показатель составлял 27,134 трлн долл., а в 2018 г. он, по данным Всемирного банка³, достиг 136,461 трлн долл., что, с учётом долларовой инфляции за тот же период, равной 96%, эквивалентно примерно 69,62 трлн долл. Соответственно, показатель валовой продукции на душу населения

увеличился, в ценах 1990 года, с 5150 до 9065 долл., или в 1,76 раза, что укладывается точно в середину обозначенного нами диапазона. Казалось бы, идеальное «попадание в яблочко». Но есть одно важнейшее «но».

Проблема в том, что самым большим экономическим ростом за этот период отметился Китай, чей ВВП ППС вырос в 11,94 раза: с 2,124 трлн долл. в 1990 г. до 25,362 трлн долл. в 2018 году. При этом население КНР увеличилось с 1,135 до 1,409 млрд человек, а доход на душу населения (в ценах 1990 года) — с 1871 до 9180 долл., или в 4,9 раза!

И если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, то она будет выглядеть куда менее радужно. Окажется, что в 1990 г. 4,135 млрд «остального человечества», без Китая, производили 25,01 трлн долл. мирового валового продукта, а в 2018 г. 6,271 млрд — 111,1 трлн долл. (56,66 трлн долл. в ценах 1990 г.). Иными словами, производство МВП (без КНР) на душу населения в 1990 г. составляло 6048 долл.,

а в 2018 г. — 9035 долл., рост всего на 49,4%, почти в 10 раз меньше, чем в КНР.

Но это — интегрированное денежное измерение проблемы. А в измерении энергетической ситуация такова. В 1990 году КНР произвёл 881 млн ТОЕ первичной энергии (10,01% от мирового показателя), а потребил 874 млн ТОЕ (9,93%). В 2018 году китайский показатель производства составил 2,534 млрд ТОЕ (17,51% от общемирового), а потребление — 3,154 млрд ТОЕ первичной энергии (21,8%). Разница в 620 млн ТОЕ (4,28% мирового производства и примерно уровень ежегодного потребления первичной энергии Германией, Великобританией и Италией, вместе взятыми), разумеется, была покрыта за счёт импорта. Таким образом, в КНР за последние 28 лет произошёл почти трёхкратный: с 0,77 до 2,238 ТОЕ, — рост потребления первичной энергии на душу населения. В то же время «человечество без Китая» в 1990 г. потребляло 1,916 ТОЕ на душу населения, а в 2018 г. —

² <http://statinformation.ru/1990-2000/1990magn.html>

³ [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_\(%D0%9F%D0%9F%D0%A1\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%9F%D0%9F%D0%A1))

Страна	Потребление, млрд ТОЕ	Доля в мировом потреблении, %	Потребление на душу населения, ТОЕ
США	2,258	15,6	6,822
Япония	0,424	2,93	3,398
Германия	0,301	2,08	3,626
Канада	0,301	2,08	8,005
Франция	0,243	1,68	3,745
Великобритания	0,176	1,22	2,66
Италия	0,155	1,07	2,558
Швеция	0,05	0,035	4,883
Норвегия	0,029	0,021	5,257
Китай	3,154	21,8	2,238
Россия	0,8	5,53	5,517
Индия	0,929	6,42	0,689
Южная Корея	0,307	2,12	5,937

Таблица 2.

Потребление первичной энергии по некоторым странам мира в 2018 году.

1,804 ТОЕ, т. е. налицо спад физического потребления энергии, который, опять же, в целом компенсируется за счёт научно-технического, вернее — технологического, прогресса, но общая тенденция очевидна.

Тем более что на страны условно «золотого миллиарда», или «коллективного Запада», чьё население сопоставимо с населением КНР, по-прежнему приходится почти треть мирового потребления первичной энергии, что отражено в следующей таблице (таблица 2).

Напомним, что в 1990 году на долю США приходилось 1,91 млрд ТОЕ, или 21,75% от общемирового потребления первичной энергии, с 7,68 ТОЕ на среднестатистического американца, что почти на 12% выше уровня 2018 года. Возможно, это обстоятельство делает понятнее тот факт, что в мировом (читай — в либеральном) экспертном сообществе всё громче бьют энергетическую тревогу, хотя «общемировая» ситуация, казалось бы, никаких оснований к этому ещё не даёт, хотя уже не первое десятилетие наблюдается стагнация добычи нефти на душу населения (график 1)⁴.

Для справки: Россия в 1990 году потребила 882 млн ТОЕ (61% энергопотребления СССР), или 6 ТОЕ/чел., что также на 8,7% выше показателя 2018 года. При этом её производство первичной энергии было и остаётся гораздо более высоким, чем суммарное потребление: 1,296 млрд ТОЕ в 1990 г. и 1,492 млрд ТОЕ в 2018 году. Отсюда цифры экспорта российской первичной энергии можно принять условно равными 414 млн ТОЕ в 1990 г. и 692 млн ТОЕ в 2018 г. — рост на две трети!

Как заявил ещё в начале XXI века один из американских геостратегов, «если полтора миллиарда китайцев пересядут с велосипедов на автомобили, здесь (в США) всё прекратится...» Сегодня это «если» уже превратилось в «когда», а КНР вышла на первое место в мире по производству автомобилей... Но в США явно не хотят, чтобы у них «всё прекратилось», и предпринимают в этом направлении немалые усилия.

Скорее всего, именно этим обстоятельством, энергетическим балансом двух стран, который, не смотря на «сланцевую революцию», стремительно ухудшается для США,

а вовсе не торговым дефицитом, и объясняется в первую очередь начатая президентом США Дональдом Трампом «торговая война» против Китая, которая медленно, но верно перерастает в войну финансовую. Действительно, каждый год получать за «резаную бумагу» или даже за «нолики» на банковских электронных балансах реальные товары стоимостью около полутриллиона долларов в год, да ещё оплачивая (в случае параллельной покупки китайской стороной американских «трежерис») всего 3–5% их номинальной стоимости, — это одно. А вот столкнуться в результате с дефицитом энергоносителей на собственном внутреннем рынке — это совсем другое. Короче, «Боливар не вынесет двоих».

Отсюда — и активная накачка кредитами с начала 2010-х годов американской «сланцевой индустрии», и начатая в те же годы «гибридная» агрессия против нефте- и газодобывающих стран мира, находящихся не под контролем США («арабская весна», Иран, Венесуэла, Россия). Теперь, судя по всему, речь дошла и до главного конкурента в потреблении энергоносителей, которым является Китай, а также до конкурентов помельче и послабее, в роли которых выступают Япония и европейские союзники США. Сейчас именно их, «периферию золотого миллиарда», в Вашингтоне хотят посадить на короткий «энергетический поводок». Впрочем, учитывая аварию на АЭС в Фукусиме 2011 года и взрыв нефтяной платформы Deepwater Horizon британской компании BP в Мексиканском заливе 20 апреля 2010 года, давление на этом направлении началось намного раньше.

Растущая популярность уже упомянутого выше «проекта Греты Тунберг» связана не только с глобальным конфликтом в сфере энергетики, но и с конфликтом в финансовой сфере, поскольку в основе политики «количественного смягчения» лежит

⁴ <https://aftershock.news/?q=node/793967>

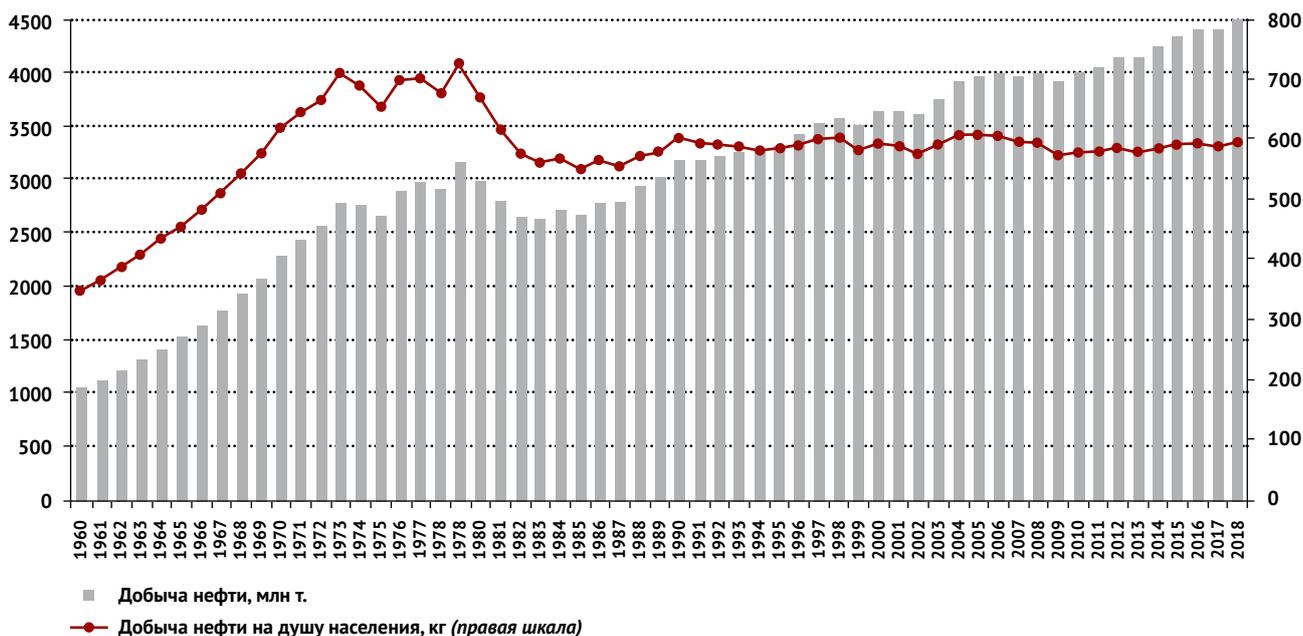

График 1.

Мировая добыча нефти за 1960-2018 и добыча на душу населения

тезис о необходимости обеспечения мирового экономического роста, а шведская школьница, как и руководители Римского клуба, один из которых является личным другом семьи Тунберг, в докладе «Come on!» утверждает: экономический рост не только несовместим с «экологической стабильностью», но и является куда более низким цивилизационным приоритетом для современного человечества. И это также — мощный удар по «империи доллара» (вернее, «нефтедоллара»). Не менее мощный, чем отмеченная в предыдущем разделе «атака дронов» 14 сентября.

Ведь если целью признаётся не рост производства/потребления и не прогресс человечества, а борьба с изменением климата нашей планеты (весьма мифическим «антропогенным глобальным потеплением», доля которого в тепловом балансе планеты пока не превышает 1%), то QE автоматически оказывается ненужным и даже преступным делом, эмиссия фиатных валют прекращается, процентные ставки по ним повышаются, начинается «финансовое цунами», которое захлестнёт мировую экономику, миллиарды людей разорятся и потеряют работу, уровень производства/потребления упадёт до уров-

ня выживания, со смертью десятков или даже сотен миллионов человек. Аналогичную картину мы могли наблюдать на всём «постсоветском пространстве» в «лихие девяностые», которые обошлись России в потерю 40% её промышленного потенциала и 20 миллионов населения.

При этом США в лице президента Трампа, как известно, отказываются присоединяться к международным соглашениям по климату, платить за «парниковые газы» и сокращать добычу углеводородных энергоносителей. Это касается не только упомянутой выше «сланцевой индустрии», но и снятия ограничений на разведку и освоение нефтегазовых месторождений на морском шельфе Америки. Тем самым Соединённые Штаты ставят себя в исключительное и привилегированное положение по отношению к остальному миру, который — особенно охваченная «зелёнобесием» Европа — должен будет максимально ограничивать своё энергопотребление: точно так же, как нормы «вашингтонского консенсуса» и международные финансовые институты ограничивают денежную эмиссию «развивающихся» стран, которые ранее без особых затей называли «третьим миром».

Отдельной темой здесь является тема биоэнергетики, обычно проходящая по ведомствам сельского хозяйства, медицины и прочим, достаточно далёким от «чисто энергетических» АЭС и АЗС, локациям. Эта тема касается личного энергетического баланса человека в качестве представителя вида *Homo sapiens*. Люди не пьют нефть или бензин, не дышат природным газом и не подключаются к розеткам на 220 или 380 вольт для «подзарядки» своего организма. Зато — «мы есть то, что мы едим» (Гиппократ), а также то, что мы пьём и чем дышим, — нам каждый день необходимо некое количество воздуха, воды, килокалорий и определённых питательных веществ (белков, жиров, углеводов, клетчатки, витаминов, микроэлементов и так далее) для поддержания своей жизнедеятельности и работоспособности, как правило — в каком-то приемлемом биосоциальном диапазоне. Сюда же «пристёгивается» фармацевтика и медицина, с их разного рода лекарственными препаратами.

В рамках данного доклада специальное рассмотрение темы «биоэнергетики» не предусмотрено, но широкое внедрение в эту индустрию «пищевых добавок», генномодифицированных организмов (ГМО) и прочих

Год	Объём накопленной информации*, Гб	Мах производительность ЭВМ, Флопс
1940	15 000 000	1
1950	20 000 000	100
1960	50 000 000	10 000
1970	150 000 000	10 000 000
1980	700 000 000	100 000 000
1990	4 000 000 000	10 000 000 000
2000	500 000 000 000	1 000 000 000 000
2010	12 000 000 000 000	10 000 000 000 000 000
2020	440 000 000 000 000	1 000 000 000 000 000 000*

Таблица 3.

Динамика «информационного взрыва» и максимальная производительность ЭВМ

Примечание: * – оценка и прогноз

достижений биотехнологии, при всех опасностях и угрозах, представляет собой разительный контраст с тем, что происходит на ниве энергетики «традиционной».

При этом производство/потребление продовольствия является весьма энергоёмким и энергозатратным процессом. «Чистое» энергопотребление сельского хозяйства находится на уровне 4–5% от мирового, но с учётом технологических процессов, используемых для хранения, переработки и доставки продовольствия потребителю, а также утилизации отходов, достигает уровня 15–20%.

Здесь же стоит привести новость, которая напрямую касается перехода финансовых проблем в энергетические. В рамках борьбы с изменением климата Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) намерен направить половину своих инвестиций в 2020–2030 гг., что составляет около триллиона долларов, в соответствующие проекты «зелёной энергетики» и прекратить финансирование проектов, связанных с «ископаемым топливом» (к их числу относятся не только уголь, нефть и газ, но также все типы атомной, а в перспективе — и термоядерной, энергетики).

По состоянию на 2018 год структура мирового производства первичной энергии была такова: на нефть приходится 30%, на уголь — 24%, на природный газ — 21%, на атомную энерге-

тику — 13%, на гидроэнергетику — 6%, на другие возобновляемые источники энергии (солнце, ветер, геотермальная энергия, биомасса и т.д.) — 6%. Ресурсные ограничения по нефти при прогнозном уровне потребления оцениваются в 25–30 лет, по газу — до 50 лет, по атомной энергетике в существующем технологическом цикле — до 100 лет. И совершенно понятно, что в такой временной перспективе никакие возобновляемые, якобы «зелёные» источники энергии не смогут ни заменить выбывающие углеводородные носители, ни тем более обеспечить дальнейшее развитие человечества.

Но всадники «неолиберального» Апокалипсиса упорно мчатся не в направлении поиска альтернативных источников производства первичной энергии (на роль которой претендует, прежде всего, термоядерная энергетика), а к усовершенствованным ветрякам и листочкам солнечных панелей, которые в любом случае будут бесконечно далеки от чистой энергоэффективности обычных растений, с их хлорофиллом, позволяющим использовать целых 2% солнечной энергии, поступающей на землю... Тем самым всему человечеству, подобно Грете Тунберг, предстоит «сесть в сугроб» глобального энергодефицита.

Подобная ситуация может быть вызвана двумя взаимосвязанными моментами: или «хозяева мира» хотят

обречь всё человечество на энергетический голод, сократить его численность и сделать максимально управляемым — или же у них «в рукаве» уже припрятаны новые энергетические технологии (например, того же «управляемого термояда» или другие), которые будут задействоваться «по мере надобности», а пока не пускаются в ход, чтобы все потенциальные конкуренты потеряли время и другие ресурсы в тупиках «зелёной энергетики». Впрочем, одно ничуть не исключает другого.

КОНЬ ТРЕТИЙ. ИНФОРМАЦИЯ

Считается, что с появлением первых электронно-вычислительных машин (ЭВМ) и связанных с ними единиц измерения информации («бит» и «байт») в конце 50-х — начале 60-х годов XX века начался процесс научно-технической революции (НТР) и так называемый информационный взрыв, поскольку объёмы генерируемой, хранимой, трансформируемой и извлекаемой информации начали расти буквально по экспоненте. Согласно популярным утверждениям, если с начала нашей эры человечеству для удвоения его знаний потребовалось 1750 лет, то второе удвоение произошло уже в 1900 году, через 150 лет, третье — к 1950 году, через 50 лет, а после создания всемирной интернет-сети объёмы «цифровой Вселенной» удваиваются практически ежегодно, и даже ещё быстрее. Так, к 1986 году было сгенерировано 2,6 эксабайт (миллиардов гигабайт) информации, в 2007 году, через 21 год, — 295 эксабайт, в 113,5 раза больше (причём в цифровой формат из аналогового оказалось переведено уже 94% информации), а в 2018 году, через 11 лет, — 33 зеттабайт, ещё в 112 раз больше. При этом в КНР было произведено 7,6 Збайт данных (23% общемировой генерации), тогда как для США данный показатель составил 6,9 Збайт (20,9%). Важной вехой на пути формирования всемирной информационной сети стала дата 30 августа 1994 года, когда под Владивостоком было зам-

кнута первое планетарное кольцо оптико-волоконной связи, благодаря которому сообщения по всему миру стало возможным передавать и получать в режиме «онлайн», практически не превышающем порог человеческого восприятия, который определяется как «мгновение ока», т. е. 0,2 секунды. Впрочем, сегодня уже более 20 миллиардов электронных устройств во всём мире принимают, сохраняют, обрабатывают и передают огромные объёмы данных без какого-либо прямого участия человека.

При этом на структурированную информацию (различные базы данных) приходится уже не более 4% информационной генерации, в связи с чем постулируется неизбежность наступления «информационного коллапса» или «точки информационной сингулярности», аналогичных последствиям DDOS-атаки, когда объём постоянно генерируемой информации (инфотрафик) заполнит все технологические каналы коммуникации. Согласно экстраполяциям прогнозам, такая ситуация может возникнуть уже к рубежу 2025 года.

Но уже сегодня налицо критическая «девальвация информации», которая превращает большую часть генерируемых и циркулирующих данных в «белый шум», а процесс верификации тех или иных сообщений — в чрезвычайно затратное и заведомо безрезультатное дело, что привело, во-первых, к повсеместному распространению «ложных новостей» — так называемых «фейков» (словосочетание *fake news*, собственно, и означающее «ложную новость», было признано мировым «Словом 2017 года»), а во-вторых — к созданию индивидуальных и сетевых «информационных коконов», в которые оказывается возможным «свернуть» практически всё коммуникативное пространство современного человека, да и современного общества тоже. Причём это напрямую касается всех сторон современной жизни: политики, экономики, культуры и т. д.

Многочисленные «допинг-скандалы» с российскими спортсменами, крушение малайзийского «Боинга» 17

июля 2014 года, «русское вмешательство» в американские президентские выборы 2016 года, «отравление Скрипалей» 4 марта 2018 года — типичные примеры таких *fake news*, которые были использованы «коллективным Западом» для «гибридной агрессии» против России: введения финансовых и торговых санкций, ограничения работы в международных организациях, высылки дипломатов, незаконного изъятия имущества и т. д.

Использование технологий Big Data («больших данных») называют одной из главных причин сенсационного поражения Хиллари Клинтон на президентских выборах в США 2016 года, поскольку именно это позволило выборному штабу республиканцев мобилизовать массу сторонников Дональда Трампа в «проблемных» штатах и, несмотря на катастрофический результат общего голосования (минус 2,868 млн голосов избирателей), получить неоспоримое большинство (304 против 227) в коллегии выборщиков.

Запуск всё более мощных «суперкомпьютеров» и их интеграция в глобальную сеть через существующие каналы связи ставит в повестку дня создание и/или возникновение «искусственного интеллекта» (ИИ, англ. — *artificial intelligence, AI*). Самый мощный из действующих ныне суперкомпьютеров, Summit в Ок-Риджской национальной лаборатории США, обладает производительностью 1,223x10¹⁷ операций в секунду (122,3 ПФлопс), с перспективой модернизации до 200 ПФлопс, что уже близко к характеристикам человеческого мозга, работающего с объёмами информации на уровне 10¹⁹–10²⁰ операций в секунду (10–100 эксаФлопс). Уже к 2021–2022 гг. и в США, и в КНР планируется создание суперкомпьютеров эксафлопсного уровня. Динамика «информационного взрыва» на фоне роста максимальной производительности ЭВМ (эти показатели достаточно тесно, хотя и не линейным образом, взаимосвязаны) может быть представлена в виде следующей таблицы (*таблица 5*).

Перспектива создания и использования в перспективе ближайших 5–10 лет квантовых компьютерных технологий, а также усовершенствованного программного обеспечения открывает ещё более широкие возможности возникновения эффекта ИИ, который, благодаря общему развитию и внедрению информационных технологий (ИТ) в жизнь человеческого общества (интернет вещей, высокоскоростные системы связи типа 5G+ и т. д.), может привести к самым непредсказуемым цивилизационным последствиям.

На заре своего возникновения, а было это в 1990-е годы, Мировая сеть интернета рассматривалась, по преимуществу, как «царство свободы», воплотившийся в режиме «онлайн» идеал всемирного либерального общества, в котором, по большому счёту, отсутствует даже смерть (любой «паблик» в соцсетях может сохраняться бесконечно долго и даже продолжать функционировать, если не будет утрачен пароль доступа к нему). Этой утопии довелось просуществовать очень недолго.

Так, очень быстро, ещё до возникновения собственно социальных сетей, в интернете возник Darknet — система пользователей, распространяющих информацию (как правило, нелегального и прямо криминального характера) в закрытом от «чужих» режиме. За образец был взят закрытый высокоскоростной сегмент интернета, которым изначально пользовались правительство, военные и секретные службы Соединённых Штатов, только закрытый режим обеспечивался уже не разрывом между рабочими частотами, а применением всё более сложных пакетов информационных технологий. Защита доступа к интернет-данным обеспечила и базу для «онлайн-бизнеса», и мишень для желающих эту защиту взломать и преодолеть. За умельцами этого дела закрепилось имя «хакеров», а взлом баз данных и хищение или подмена информации, содержащейся на них, — делом не только большого бизнеса, но и большой политики. Более того,

Год	Население Земли, млн чел.	Население России, млн чел.	Доля населения России к населению Земли, %
1990	5263	148,3	2,82
1995	5674	148,3	2,62
2000	6070	146,3	2,41
2005	6344	143,2	2,26
2010	6930	142,9	2,06
2015	7349	146,5*	1,99
2018	7678	146,8*	1,91

Таблица 4.

Динамика населения Земли и населения России (РСФСР – РФ) за 1990–2018 гг.

Примечание: * – с населением Крыма

практически все производители программного обеспечения (ПО, софта) для современных компьютеров специально делают в своей продукции «закладки» и «окна», позволяющие иметь доступ к информации, находящейся в памяти компьютеров и серверов тех покупателей, которые используют данное ПО.

Ещё раньше аналогичные функции перехвата управления выполняли (да и сейчас выполняют) разного рода «вирусные» программы. Хорошо известен случай, когда использование такой программы под названием Stuxnet позволило американским спецслужбам дистанционно перехватить управление иранскими ультрацентрифугами, на которых происходило обогащение урана, и массово вывести их из строя путём перевода в недопустимый режим работы. Случилось это в 2010 году, т.е. девять лет назад, и за этот срок информационные технологии успели шагнуть уже далеко вперёд. Сейчас подобные операции можно осуществлять уже в режиме «онлайн», о чём свидетельствует, например, опубликованная 15 июня 2019 года газетой New York Times статья Дэвида Санджера и Николь Пельрот, в которой утверждалось, что США могут «одним кликом» отключить свет в России, а также «блэкауты» в Венесуэле. Последний по времени и самый масштабный по своим последствиям произошёл 22 июля 2019 года, когда без электроэнергии осталась практически вся страна...

Постоянно сообщается о взломах электронных платёжных систем на разных уровнях, начиная с банкоматов и заканчивая базами данных крупных банков. Последним по времени таким взломом, о котором стало известно, является «слив» персональной информации более 20 миллионов клиентов Сбербанка РФ.

В этих условиях не вполне понятными и чрезвычайно рискованными представляются планы правительства РФ полностью перейти на электронный документооборот, в случае взлома систем которого, что называется, уже концов не найдёшь, — с понятными катастрофическими последствиями для общества и государства.

То есть вместо обещанного «царства свободы» Мировая сеть, она же — «цифровая Вселенная» стала пространством тотального контроля и повышенного риска. Более того, повсеместное распространение «мобильного интернета» и смартфонов привело к существенному изменению характеристик личного коммуникативного пространства человека, а следовательно — и коммуникативного пространства человеческих сообществ на всех уровнях.

У людей, особенно — у детей и подростков, более 50% своего времени проводящих в режиме «онлайн», вырабатывается психологическая зависимость от доступа к соответствующим «гаджетам», ухудшаются процессы обработки полученной информации (её перевод из оперативной памяти

в долговременную и актуализация имеющихся знаний), коммуникации в режиме «офлайн», т.е. живого общения, повышенная эмоциональная лабильность, логические расстройства, снижение словарного запаса с примитивизацией речи и так далее.

Такое массовое упрощение сознания и стандартизация поведения человека, трансформация его системы ценностей на нижние уровни «пирамиды Маслоу», где вершиной оказывается потребность в общественном признании, — несомненно, ведут к деградации человеческих сообществ в целом, понижая уровень их познавательных способностей и повышая степень их управляемости.

Кроме того, само «киберпространство», оно же — «виртуальная реальность» и «цифровая Вселенная», возникшее в результате развития информосферы, рассматривается как главная арена «войн V типа», исход которых в принципе может и должен решаться «одним кликом», парализующим, разрушающим и уничтожающим всю систему управления потенциального противника.

В целом можно сказать, что последним словом «неолиберальной» матрицы в сфере управления информационными потоками является перспектива их максимального отделения от собственно «человеческого» субстрата с переходом на «искусственный интеллект», «цифровое копирование личности», понимаемой как максимально полный пакет «персональной информации», который может существовать только внутри «киберпространства». С данной точки зрения весьма показательным мнением одного из самых авторитетных гуру «неолиберальной» матрицы, британского физика Стивена Хокинга, который на протяжении более чем 50 лет успешно противостоял боковому амиотрофическому склерозу — болезни, обычно приводящей к летальному исходу через 2–3 года после начала заболевания: «Боюсь, искусственный интеллект может полностью заменить людей. Если сейчас люди разрабатывают компьютерные вирусы,

то в будущем кто-то сумеет создать искусственный интеллект, который сможет улучшать и воспроизводить самого себя. Это станет новой формой жизни, которая превзойдёт человека».

То есть всадники «неолиберального» Апокалипсиса провозглашают неизбежность и необходимость «информационного потопа», который должен смыть традиционную человеческую цивилизацию с лица Земли, заменив её «постчеловечеством» «искусственного интеллекта» или, в «лучшем случае», «трансгенами» и симбиотическими «киборгами».

КОНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ЧЕЛОВЕК

«Неолиберальная» матрица хотя и провозглашает помимо главного для неё принципа свободы и принцип равенства людей между собой, на практике весьма далека от его реализации даже применительно к обществам «коллективного Запада», препятствуя продуктивному развитию человеческих сообществ и всячески стимулируя дегенеративно-паразитические процессы внутри них, разжигая международные и социальные конфликты, рассматривая рост населения планеты в качестве не ресурсного, а проблемного фактора («прекариат», потребляющий больше, чем он производит), и человечество в целом — как «ошибку природы», которая нарушает «экологическое равновесие». Как заявил однажды в бытность свою президентом Фонда дикой природы (World Wide Fund, WWF) принц Филипп, герцог Эдинбургский, супруг британской королевы Елизаветы II: «Если бы я перевоплотился, то хотел бы вернуться на Землю вирусом-убийцей, чтобы уменьшить человеческие популяции».

И если в рамках «классической» либеральной доктрины провозглашалось, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» («Декларация независимости США»), то в рамках «неолиберальной» доктрины провозглашается нечто

категорически иное: «Пусть земное население никогда не превышает 500 миллионов, пребывая в постоянном равновесии с природой... Не будьте раковой опухолью для Земли. Природе тоже оставьте место» («Скрижали Джорджии»). Дэвид Рокфеллер, американский миллиардер: «Негативное влияние роста населения на экосистему планеты является очевидным...» Тед Тёрнер, американский миллиардер, создатель телеканала CNN: «Сократить нынешнее население Земли на 90% было бы идеальным решением». И всё это — не просто слова. Это идейная основа той политики, которая проводится в рамках «неолиберальной» матрицы применительно к финансовым, информационным и энергетическим потокам человеческой цивилизации на протяжении более чем полувека. Как уже отмечалось в нашем предыдущем докладе, за последние полвека (1 января 1969 года – 1 января 2019 года) население нашей планеты увеличилось с 3,608 до 7,678 млрд человек, т.е. на 4,07 млрд человек, или в 2,128 раза, а номинальный мировой продукт (Grand World Product, GWP), согласно данным МВФ, вырос более чем в 25 раз, с 3,4 почти до 80 трлн долл. Но реальный GWP (в постоянных ценах 1969 года) вырос всего в 2,3 раза, до 7,381 трлн долл., а с учётом растущей доли «виртуального сектора» в глобальной экономике можно сделать вывод о том, что производство/потребление товаров и услуг в среднем на душу населения практически не увеличилось (прирост составил всего 8% за 50 лет), зато стало куда менее равномерным: «верхние» 10% мирового населения сейчас ежегодно получают примерно в 1,5 раза большую часть GWP, чем 50 лет назад (33,4% против 23,7%), а «нижние» — почти в 3 раза меньше (1,1% против 3,5%). При этом богатые во всём мире продолжают богатеть, бедные — беднеть, но в целом уровень жизни примерно 60% населения Земли стал ниже, чем был в 1969 году, когда дежневая масса оставалась ещё — пусть формально — привязана к золотому

носителю, а «неолиберальная» матрица только формировалась.

Не стоит также забывать о том, что доля населения России в общей численности человечества неуклонно сокращалась и сокращается, что можно представить в виде следующей таблицы (таблица 4).

Оборотной стороной и либерализма, и «неолиберализма» всегда являлось человеконенавистничество. Но если в рамках либерализма оно представало в обликах мальтузианства и социал-дарвинизма, реализации принципов «борьбы за жизнь» и «человек человеку волк», процессов естественного и социального отбора, которые в условиях доступа к ограниченному ресурсам внешнего мира «выбраковывают» худших и позволяют выживать лучшим: самым сильным, предприимчивым и конкурентоспособным, то в рамках «неолиберализма» оно ставит крест на человечестве в целом, предлагая предоставлять (и предоставляя на практике) преимущество в доступе к жизненным ресурсам только тем, кто разделяет систему неолиберальных ценностей и готов способствовать уничтожению человечества: в собственном лице и в лице других людей. Условно говоря, идеалом либерализма является «сверхчеловек», а идеалом неолиберализма — негритянка-инвалид-феминистка нетрадиционной сексуальной ориентации, живущая за счёт государства и благотворительных фондов. Либерализм поощрял социальную конкуренцию, «неолиберализм» — социальный паразитизм. Причём не просто социальный паразитизм сам по себе, а социальный паразитизм как инструмент самоуничтожения человеческих сообществ с дальнейшей заменой человечества киборгами, генномодифицированными организмами и просто «искусственным интеллектом».

Немного отвлекаясь от темы данного раздела, следует заметить, что переходным периодом от «классического» либерализма к неолиберализму можно считать 1914–1969 годы, когда проблемы развития человеческих сообществ и человечества в целом

Визуальный блок из трёх сделанных в разные десятилетия фотографий внешне похожих друг на друга людей опубликованный в американской газете New York Post, в которой утверждается, что Путин является «путешественником во времени»

представлялось возможным решить на уровне технологическом, обеспечить большинству достойный уровень жизни. Этот переходный период можно определить как «социал-либерализм», который в экономике был представлен различными вариантами кейнсианства, в политике — различными вариантами «конвергенции» и «мирного сосуществования», а в идеологии — концепциями «постиндустриального общества», «общества потребления» и даже «великого общества», создание которого провозглашал 36-й президент США Линдон Джонсон. Процесс трансформации либерализма в неолиберализм нельзя правильно понять без учёта социал-либерализма как переходного звена между ними.

Социал-либерализм трактовал человека уже не в качестве «монады», а в качестве «части общества», чьи действия не только предсказуемы, но и принципиально управляемы от имени общества в целом — не только негативно (наказанием за нарушение законов и правил), но и позитивно (направленным формированием системы личных и групповых приоритетов и целей). Одним из проявлений такого управления стало повсеместное снижение рождаемости,

тракуемое научным «мейнстримом» как первый и второй «демографические переходы». Другим проявлением, более поздним во времени, можно считать мощные, исчисляемые миллионами человек в год, миграционные потоки «беженцев» из зон социальных и военных конфликтов, специально созданных и поддерживаемых извне в традиционных обществах третьего мира с высокой рождаемостью. Как гипотетические и, возможно, находящиеся в стадии разработок или апробации, можно рассматривать использование «стерилизующих», то есть подавляющих репродуктивную функцию человека, пищевых добавок в производстве продовольствия, прививочных вакцин, а также вирусов и бактерий, способных вызывать эпидемии и пандемии, особенно — «привязанных» к определённым генетическим маркерам тех или иных человеческих сообществ.

Впрочем, как уже отмечалось выше, сегодня главным «демографическим оружием» в деле ограничения роста человеческой цивилизации и отдельных человеческих сообществ выступают не эти вещественные факторы, которые пока в основном лежат в арсеналах, как и обычное оружие

массового поражения, а факторы информационные, связанные с трансформацией человеческого сознания и человеческого поведения.

Радио, телевидение, интернет создают такую коммуникативную среду, в которой чрезвычайно затруднено или даже невозможно возникновение и функционирование в сознании человека сложных комплексов причинно-следственных связей. Так, например, навыки считать «в уме» массово атрофировались с появлением электронных калькуляторов ещё в 90-е годы прошлого века, и даже сложение/вычитание двухзначных цифр без использования соответствующего «гаджета» для большинства наших современников представляет достаточно сложную задачу, не говоря уже об умножении/делении или операциях с трёхзначными цифрами — то, что не представляло проблемы для массового выпускника средней школы 50–60-х годов. Что уж говорить о задачах, связанных не с цифрами, а с причинно-следственными связями, образами и моделями, смыслами и ценностями?! Сегодня любой текст объёмом больше 10 тысяч знаков считается «лонгридом», т.е. «длинным чтением», которое принципиально не воспринимается более чем половиной пользователей интернета, и эта «планка» продолжает постепенно снижаться. Среднее время фиксации на тексте составляет не более 5 секунд, за которые «сканируется» заголовок (название) текста и максимум первые две-три его строки. Число людей, полностью прочитавших, например, такое классическое произведение русской литературы, как роман «Война и мир» Л.Н. Толстого, входящего в обязательную школьную программу, в разных возрастных группах населения России снижается практически по экспоненте: если в возрастной группе 50–60 лет таких насчитывается 14,7%, или практически каждый седьмой, то в возрастной группе 20–30 лет — меньше 0,2%, т.е. один из пятисот. Тем самым размывается общенациональный культурный стандарт, утрачивается ядро культурной идентичности че-

ловека, народа и государства. Причём аналогичные процессы наблюдаются во всём мире, приводя к возникновению разорванного, «мозаичного» или «клипового» сознания, принципиально неспособного выстраивать причинно-следственные связи далее второго звена, проводить критическое различие между причинно-следственными и пространственно-временными отношениями и т.д.

В ментальном плане это можно, по степени деградации личного и общественного сознания, считать возвращением даже не в «новое средневековье», а в новый первобытно-общинный строй, наглядной иллюстрацией чего служит, например, ситуация на современной Украине, которая стремительно — по историческим меркам — погружает себя в «каменный век», становясь сообществом «укропитеков». Напомним, что речь идёт о крупной (50 млн человек) и достаточно развитой (в 1991 году «незалежная» занимала 60-е место в мире по номинальному ВВП и 37-е — по ВВП ППС) части бывшего советского общества, ещё 25–30 лет назад, то есть на протяжении активной жизни одного поколения, всерьёз претендовавшей на то, чтобы стать «второй Францией».

Гипотеза о том, что в рамках неолиберальной матрицы именно Украина, которую «не жалко», выбрана в качестве полигона для отработки технологий «управляемого сноса» общества современного типа до уровня «зеро», вовсе не лишена оснований. И с этой точки зрения недавний призыв президента России Владимира Путина «не демонизировать» Украину и украинцев, представляя их исчадиями «необандеровского ада», может быть связан с тем, что на том же полигоне будут отрабатываться и «рекреационные» технологии, в которых заинтересована вовсе не «неолиберальная», а противостоящая ей сегодня цивилизационная матрица, находящаяся пока в состоянии «умершего зерна», но уже достаточно ощутимо и «далеко» влияющая на мировую экономику, полити-

ку и идеологию. Возможно, сам Путин воспринимается как модель человека этой цивилизационной матрицы, которую можно назвать «постсоветской». Не случайно вокруг фигуры президента России постоянно клубится некий финансовый, энергетический и информационный «квантовый» туман, которого почти полностью лишены другие политические лидеры современности. В качестве примера можно привести публикацию далеко не «жёлтой» (насколько можно говорить об этом в условиях нарастающей информационной неопределённости и отмеченной выше «фейковости») американской газеты New York Post, в которой утверждается, что Путин является — ни много ни мало — «путешественником во времени», и в качестве подтверждения приводится визуальный блок из трёх сделанных в разные десятилетия фотографий внешне похожих друг на друга людей.

Их датировка 1920-м, 1941-м и 2015-м годами, разумеется, не соответствует действительности. Хотя бы потому, что в 1941 году в Красной армии не было погон — эти знаки различия были введены (или, вернее сказать, восстановлены) только в январе 1943 года, а знак «Гвардия» и орден Отечественной войны — в мае 1942 года. Но тот факт, что Путин является одновременно и самым известным, и вызывающим наибольшую ненависть политиком современности, которому даже приписывают сверхъестественные способности, говорит о многом.

Сегодня всадники «неолиберального» Апокалипсиса стремятся уничтожить не только подавляющее большинство человечества, но и сам цивилизационный принцип антропоцентризма, согласно которому «человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» (у Платона это высказывание приписано Протагору), в религиозных системах «авраамической» традиции (иудаизм, христианство, мусульманство) предстающий в форме творения человека «по образу и подобию» Бога.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В начале октября 2019 года произошли два важных события, которые способны значительно изменить форму и содержание всех геополитических процессов, идущих в современном мире. Оба эти события несут равновеликие последствия для международных отношений и для российского общества, хотя лежат в принципиально разных политических плоскостях.

Начну с более яркого и броского. В Сочи, отвечая на вопросы журналистов и участников Валдайского форума, Путин сделал — как бы походя — сверхсенсационное заявление о том, что Российская Федерация создаёт для Китайской Народной Республики систему предупреждения ракетного нападения (СПРН). «До сих пор такой системой обладали только США и Россия», — подчеркнул он. Теперь к этим военным сверхдержавам в ближайшее время присоединится и КНР. Своим заявлением российский лидер практически поставил точку во всех спорах о реальной глубине российско-китайского стратегического сотрудничества, его целесообразности и о степени доверия между Москвой и Пекином, — спорах, которые не первый год ведутся как во всём мире, так и внутри нашей страны. Совместные действия в такой сверхсложной и сверхчувствительной сфере, как ракетно-ядерное взаимодействие, означают максимальный уровень взаимодействия в целях выживания при потенциальном первом ядерном ударе со стороны США и «по умолчанию» предполагают наличие договорённости о нанесении совместного ответного удара российских и китайских стратегических ядерных сил по целям на территории не только самих Соединённых Штатов, но также — их союзников по НАТО и «коллективному Западу» в целом (включая, например, Японию).

Это заявление, несомненно, заставит пересмотреть риски безусловного следования в военно-политическом кильватере официального Вашингтона для всех государств, где находятся американские военные базы. Напом-

ним, что в настоящее время таких баз насчитывается свыше 730, а расположены они в 80 странах мира. Действующий президент США Дональд Трамп неоднократно высказывался в пользу сокращения американского военного присутствия за рубежом и расходов на их содержание — теперь этот процесс может пойти намного быстрее...

Конечно, данное путинское решение даёт немало поводов для критики как со стороны наших западников-либералов, так и некоторых псевдопатриотов. Причём и те, и другие основной упор делают на то, что Россия, помогая Китаю, действует в ущерб своим долгосрочным стратегическим интересам. Мол, Китай спит и видит, как отобрать у России Дальний Восток с Сибирью вплоть до Урала, и как только почувствует себя достаточно сильным для этого, а Россию — слабой, постарается осуществить эти планы на практике. Отсюда и вывод о том, что передача КНР российских технологий и оборудования СПРН принципиально недопустима. Правда, либералы добавляют к этому, что Россия должна стремиться занять достойное место в ряду «цивилизованных стран» и нормализовать свои отношения с США и ЕС. Обе эти группы внутренне осознают, что происходит не только изменение соотношения и баланса сил, но и смена идеологических приоритетов дальнейшего мирового развития, в котором их влияние будет снижаться вплоть до того, что они, в конце концов, рискуют просто покинуть российское политическое поле.

Но «коллективный Запад» во главе со всё ещё мощными Соединёнными Штатами явно вздрогнул и задумался о том, что эпоха их военно-политического шантажа с позиции силы действительно завершается, угроза первого «обезоруживающего» удара американскими ракетами снята с повестки дня не только для России, но и для Китая, начинается «Новая эра», движение к более гармоничному и «многополярному» миру.

Здесь можно вспомнить реакцию американских политических руководителей в 1949 году на испытания

советской атомной бомбы и в особенности — министра обороны Джеймса Форрестола, который с криком «Русские идут!» выбросился из окна психиатрической клиники. На этот раз пока такого замечательного акта со стороны представителей американской политической верхушки мы не видим. Но легко предположить, что внутренняя атмосфера в Пентагоне и в «глубинном государстве» США сейчас становится всё более напряжённой.

Второе событие прошедшей недели имеет даже большее историческое и идеологическое значение, чем окончательное формирование российско-китайского военно-стратегического союза. Я имею в виду празднование 70-летия провозглашения Китайской Народной Республики, 70-летия победы коммунистического Китая над своими внутренними и внешними врагами.

К этой дате готовились не только в Пекине, но и в Вашингтоне, начав против КНР торгово-финансовую войну и разжигая при помощи своих спецслужб масштабную «цветную революцию» в Гонконге. Эта деятельность преследовала не только утилитарные, прагматические цели — её сверхзадача заключалась в том, чтобы дискредитировать успехи «красного Китая», вбить клин между его властями и обществом, посеять отчуждение, недоверие и страх, вызвать цепную реакцию конфликтов в разных городах и регионах КНР.

Перед политическим руководством, государственным и партийным, стояла сложная задача пройти буквально по острию ножа, не допустив ни хаоса внутри страны, ни массовых репрессий против населения, сохранить единство партии и народа.

Эта задача была решена тремя методами. Наступательным выступлением Си Цзиньпина, широким показом новой военной техники на параде в Пекине и масштабной народной демонстрацией с упором на преемственность нынешней власти по отношению к идеалам народной революции 1949 года.

Выступление «товарища Си», который прямо заявил, что сегодня нет такой мировой силы, которая могла бы остановить стремительное движение коммунистического Китая вперёд и достижение поставленных целей, прямо адресовалось Вашингтону, а проведенный в Пекине парад, изобиловавший новыми образцами техники и великолепно марширующими колоннами военнослужащих НОАК, демонстрировал растущую мощь китайской армии. Именно там были показаны новые баллистические ракеты с 14 разделяющимися головными частями, а также стратегические беспилотники, способные оперировать на больших высотах. Третьим важнейшим компонентом празднования 70-летия КНР явилась народная демонстрация. И она всем своим смысловым наполнением заставила вспомнить о праздничных демонстрациях на Красной Площади в советское время.

Интересная и знаковая деталь заключалась в том, что завершалась демонстрация проездом нескольких открытых автобусов, где сидели прямые родственники руководителей Китайской революции: от Мао Цзедуна и Лю Шаоци до Дэн Сяопина, что должно было свидетельствовать о единстве всех линий коммунистического движения и компартии на нынешнем этапе. А жёсткие конфликты, которые имелись между ними в ходе самой революции и первых лет социалистического строительства, остались достоянием прошлого. Тем самым китайская компартия показывала, что в её руководство не сумеют прорваться враги социализма, как это произошло в Советской России, что партия остаётся единой, выполняя стратегический план развития до 2049 года, разработанный китайским политическим руководством.

Необходимо также сказать, что сразу после праздничных трансляций парада и демонстрации по центральным телеканалам Китая был показан российский шестисерийный документальный фильм «Второе Воз-

рождение Поднебесной», который был подготовлен российским каналом «История» на основе архивных съёмок советскими документалистами событий 1949 года (руководитель проекта — Алексей Денисов). Именно этот фильм Путин подарил Си Цзиньпину на юбилей победы Китайской революции. И, несомненно, показ этой ленты стал настоящей сенсацией для китайского общества, мощным фактором его сплочения и гордости за собственную историю.

Оба этих разноплановых события едины по своему идеологическому вектору. И в них необходимо выделить, по крайней мере, пять основополагающих следствий, которые имеют важнейшее значение для мира и несомненно для России.

Во-первых, Китайская Народная Республика праздновала свою годовщину на пике социально-экономического и политического успеха с упором именно на формулу «социализма с китайской спецификой в современных условиях», что напрочь дезавуирует утверждения о некоей стратегической «победе Запада» над коммунистической идеологией и левыми силами в мировой экономике и политике, которые так любят руководители и европейских стран и, конечно же, США, не говоря уже про отечественных идеологов неолберализма вроде Кудрина, Ремчукова, Чубайса, Шохина, Юргенса и прочих, имя им — легион.

Во-вторых, мы становимся свидетелями создания мощнейшего военно-политического альянса Китая и России без официального оформления каких-то стратегического союзного договора между ними, — альянса, который делает невозможным возникновение большой ядерной войны, поскольку устраняет возможность одной из трёх сторон «глобального треугольника XXI века» остаться в стороне от конфликта между двумя другими и тем самым оказаться его безусловным победителем. А с учётом раскрытых связей между Москвой и Пекином баланс сил оказывается не в пользу наших западных «пар-

тнёров», что меняет перспективы региональных конфликтов, где воля российско-китайского комплота будет выдавливать американское влияние, как это происходит сейчас, скажем, в Венесуэле

В-третьих, экономические успехи КНР, равно как и опережающие достижения «красного дракона» в сфере науки и техники при централизованном планировании создают серьёзный политико-психологический эффект, который усиливает аналогичные китайским тенденции в развитии других стран мира, включая и Российскую Федерацию, где прозападные круги, при всём их влиянии, не могут бесконечно удерживать государство в формате «вашингтонского консенсуса» и МВФ как его действующего исполнительного органа. Это предопределяет ослабление мировой капиталистической системы как в глобальном, так и национальном измерениях.

В-четвертых, происходящие сдвиги, которые создают более длительную перспективу борьбы за мировое лидерство без военного конфликта, способствуют тому, что ведущими факторами этой борьбы становятся научно-технические достижения и их внедрение в процессы производства/потребления, что наиболее успешно осуществляется в рамках

китайской социально-экономической мобилизационной модели. Следовательно, если Россия хочет быть в числе мировых лидеров, ей необходимо срочно воспользоваться китайским опытом, который в значительной мере опирается на советские модели управления страной сталинского периода, повысить уровень и статус образовательных и научно-исследовательских работ внутри страны.

Наконец, в-пятых, российскому руководству необходимо в кратчайшие сроки разработать, утвердить и начать осуществлять план крупнейших совместных проектов с КНР — не только на территории нашей страны, но и по всему миру, включая космическое и информационное пространство, с целью наиболее рационального и эффективного использования сырьевых, энергетических и демографических ресурсов всей планеты в целом.

Тем самым планы Запада по окружению РФ и КНР при помощи гибридной агрессии с использованием технологий «цветных революций» и угроз военного конфликта утратят актуальность не только в текущем моменте, но и на обозримую историческую перспективу. «Неолиберальный» Апокалипсис не состоится. Распрягайте, хлопцы, коней!

Александр ПРОХАНОВ. В поисках Русской Мечты. —
М.: Книжный мир, 2019. — 544 с.

За последние полтора года, в свои 80 с лишним лет, председатель Изборского клуба и главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов посетил почти четверть субъектов Российской Федерации, от Пскова до Владивостока, от Ямало-Ненецкого автономного округа до Дагестана. Причём нигде не ограничивался общением с людьми из кабинетов местной власти: побывал в монастырях и на оборонных заводах, в научных лабораториях и мастерских художников, на фермерских полях и на кораблях Военно-Морского Флота, говорил с ополченцами Ботлиха и хранителями Аркаима. Все эти встречи и беседы, помимо цикла телепередач на канале «Россия 24» и публикаций в периодике, собраны теперь в одной книге. Можно восхищаться невероятной работоспособностью Проханова, а можно — силой той идеи, которую он генерирует и которая ведёт его за собой. Эта

идея — идея Русской Мечты. «Есть в народе мечта — есть народ. Мечта исчезает — и вместе с ней исчезает народ... Мечта — это не цель. Мечта — недостижима, как Полярная звезда... Мечта — это путь. Не из Москвы в Петербург. Не с Земли на Марс. А в то неочертанное, незапятнанное, неосквернённое, прекрасное в своей недостижимости будущее, которое, едва мы его коснёмся рукой, вновь удаляется в бесконечность... Так в чём же она, Русская Мечта? Русская Мечта — это храм на холме. Это мечта о могучем и праведном Царстве, которое окружает и охраняет общество великой справедливости, любви и благодати, где в гармонию приведены силы природы и силы техники, силы отдельного человека и всемогущего государства. Где жизнь лесного цветка и жизнь мерцающей звезды небесной соединены общим ощущением мировой симфонии...»

Юрий ПОЛЯКОВ. Босх в помощь! О гормональных либералах и безродных патриотах. —

М.: Книжный мир, 2019. — 544 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»).

Юрий Поляков, как всегда, верен себе — ярким образом, острым словом, точной метафорой он вскрывает внутреннюю сущность и взаимосвязь разных явлений и процессов нашей жизни. В этой книге он обещает читателям свои «эссе, статьи и интервью за последние три года», а в действительности здесь собраны (в последнем разделе, названном «Актуальный архив») его произведения с 1988 по июль 2019 года, и некоторые

из них, похоже, опубликованы впервые (если не считать «интернет-публикации») — например, ответ на чернящее автора письмо «вахтанговцев» накануне президентских выборов 2000 года. Как говорится, не прошло и двадцати лет... Но — самое главное для изданий такого рода! — возникает некая «критическая масса смыслов», которая отсутствует при чтении отдельных текстов в разных источниках и в разное время.

Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ. Час волка. Введение в хронополитику. —
М.: Книжный мир, 2019. — 416 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»).

«Мир катится к катастрофе. Её нельзя избежать, но к ней можно подготовиться», — предупреждают читателя авторы-«изборцы». Подготовиться — в том числе, прочитав эту книгу, которую Елена Ларина и Владимир Овчинский позиционируют как «прививку против технооптимизма», сфокусировав своё внимание на «обратной стороне» современного «супер-хайтека» — как правило, конфликтной и криминальной, посягающей

не только на права, свободы и интересы человека, но на само его существо, не говоря уже о персональных и «больших» данных. Решающими для дальнейшей судьбы человечества должны стать ближайшие 25–30 лет, а у России, в отличие от многих других стран и народов современного мира, есть все шансы выжить на этом историческом отрезке — но только в том случае, если она сумеет эффективно использовать имеющийся у неё потенциал.

Хронология мероприятий клуба

2–3 июля 2019 года

В рамках проекта «Русская Мечта» Александр Проханов посетил Республику Мордовия. Состоялась беседа председателя Изборского клуба с главой республики Владимиром Волковым. Александр Проханов посетил «Технопарк-Мордовия», инновационные производства на заводах «Оптик-Энерго» и «Биохимик», Темниковский и Старошайговский районы, Санаксарский монастырь, места, связанные с прославленным в лике православных святых адмиралом Федором Ушаковым, Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи.

3 июля 2019 года

Директор Центра геополитических экспертиз, член Изборского клуба Валерий Коровин выступил на Международном форуме «Форос-2019» с докладом, посвященном либерализму в современном мире и в России.

21 июля 2019 года

На телеканале «Россия 24» состоялась премьера фильма о Дагестане из цикла телеочерков Александра Проханова «В поисках Русской Мечты».

22 июля 2019 года

Александр Проханов представил в Госдуме свой документальный фильм «Народ Мечты». На просмотре присутствовали председатель Государственной думы Вячеслав Володин, заместитель председателя ГД, руководитель фракции «Единая Россия» Сергей Неверов, руководитель фракции КПРФ Геннадий Зюганов, руководитель фракции ЛДПР Владимир Жириновский и руководитель фракции «Справедливая Россия» Сергей Миронов.

Перед началом просмотра председатель Изборского клуба рассказал о том, каким он видит феномен «Русской Мечты»: «Русская Мечта — это «храм на холме». Это мечта о великом праведном царстве, которое своей твердыней окружает благодатное общество. Общество, где нет зла, насилия, где красота и любовь. Где жизнь человека и государства, жизнь машины и природы, жизнь цветка и звезды небесной соединены в симфонию. Это царство добывается великими трудами, великими радениями, великими молитвами и великими подвигами. И в этих трудах, в этих радениях, в этих подвигах участвуют все наши народы. Все наши языки, все наши верования и представления о прекрасном и вечном. Эта мечта продолжает двигать нас во Вселенной».

24 июля 2019 года

В Донецкой республиканской библиотеке для молодёжи прошла презентация книги сопредседателя Изборского клуба Новороссии, доктора философских наук, профессора кафедры политологии Донецкого университета (ДНР) Дмитрия Музы «Град Китеж: русская пневматология», выпущенной московским издательством «Циолковский».

28 июля 2019 года

Участники девятого фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2019» (Псков—Изборск 26–28 июля) возложили к Изборскому кресту, воздвигнутому на «Священном холме единения и славы России», земли из разных городов нашего Отечества.

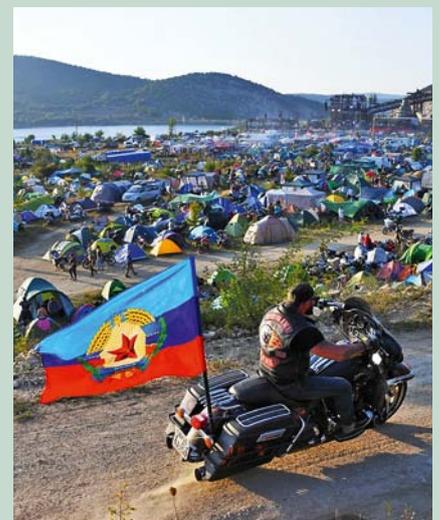
9 августа 2019 года

Межправительственный совет ЕвразЭС, который проходил в Чолпон-Ате

(Киргизия), одобрил кандидатуру академика РАН, постоянного члена Изборского клуба Сергея Юрьевича Глазьева на пост министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Окончательное утверждение должно состояться на Высшем евразийском экономическом совете в Ереване 1 октября. С 30 июля 2012 года Глазьев работал советником президента России по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, направленной на развитие евразийской интеграции.

10–11 августа 2019 года

В Севастополе, у подножия горы Гасфорта, состоялось XXIV международное байк-шоу мотоклуба «Ночные волки». Мероприятие посетили президент России Владимир Путин, президент Южной Осетии Анатолий Бибилов, глава ДНР Денис Пушилин, другие российские и зарубежные политики. Кульминация байк-шоу под названием «Тень Вавилона», как сообщил глава мотоклуба «Ночные волки» Александр «Хирург» Залдостанов, стала «образным развитием идей Александра Проханова и Изборского клуба».

XXIV международное байк-шоу мотоклуба «Ночные Волки» у подножия горы Гасфорта

/ Иван КОНОНОВ /

Гиперборейцы. Воскрешение

Возвращение Русской мечты в сознание народа происходит в чрезвычайно сложной, турбулентной идеологической обстановке. Эта мечта встречается со множеством явлений: из древнего, давнего, недавнего прошлого, из явлений сегодняшней противоречивой действительности. Поэма, посвящённая современной Арктике, и есть моментальный отклик этого бурлящего, противоречивого процесса, потребовавшего от автора новой эстетики, в которой эпос связан с бурлеском, классика — с иронией, печаль — с горячим абсурдом.

1

*Нарисуй мне, географ, страну. Просто так, от балды.
Ту, в которой все будут красивы, мудры и тверёзы,
Затушуй вечный снег, мерзлоту и бескрайние льды,
В райский сад преврати наводящие ужас торосы.
Там, где северный полюс собрал параллели в пучок,
Морж и белый медведь приукрасили дивные виды,
Там, где айсберги с грохотом сводят бокалы (чок-чок!)
За здоровье не Арктики, а незабвенной Арктиды,
Где густая полярная ночь пусть там явится нам
В ослепительном облике, жарко, светло, не робея,
Та страна, что сегодня придаст новый смысл и мыслям, и снам,
Невидимка, легенда, прародина, Гиперборея.*

2

*«А не желаете ли “ласточку”, господин профессор кислых вражеских щей?
Нут-ка, Петро, вяжи полотенце ему к ногам, а со спины — за шею.
Пусть повисит мальчика. Может, вспомнит несколько важных вещей,
А не то я и сам объясню ему всё, как сумею».
Никодим Козтев — с Балтики матрос,
Сотрудник ВЧК и морфинист со стажем,
Любил пытать людей, и в это дело врос,
Став дознавателем, и палачом, и стражем.
Гордынин Христофор — писатель, оккультист,
Гипнотизёр и спец по лженаукам,
Был просвещён, но «в помыслах нечист»,
За что и подвергался страшным мукам.
Ведь это был со всех сторон незыблемый он —
СЛОН —
Соловецкий лагерь особого назначения,
Исправительно-исследовательский эталон,*

*Место прозрения, презрения, заточения,
Беспросветной тьмы и умопомрачительного свечения,
Пропуск в рай и от дьявольских козней заслон,
Прошлых и будущих ликов мироточение.*

3

*– Так, говоришь, вы – арийцы, фашистское семя?
Ну, ну, не мычи! Петро, подослабь узду!
– Мы – арии...
– Кто?!
– Мы все...
– Вы что, надо всеми?!
– Нет, для всех...
– Что «для всех»?!
– Прокладываем борозду...
– Ты хоть соображаешь, чем это пахнет, убогий?
Ну, что опять замычал, как швартующийся пароход?
Как же мне жаль, однако, что Глеб Иванович Бокий
Не велел до приезда Горького вас отправлять в расход!*

*А на Белом море волна вышивает крестик,
И качает палубу, как приказчик в лавке опробывает весы.
То плывёт на выручку сам революции буревестник,
Опершись на трость с набалдашником и распушив усы.
Подходил теплоход к острову, глядя на ночь,
Держал под локоть писателя начальник департамента НКВД,
И рассказывал Горькому Глеб Иваныч
О пользе гиперборейцев и об их вреде.*

4

*«Гиперборея, это такая боря,
Которая за бореем, то бишь, за севером.
Но, было время, солнце, борю грея,
Вставало не надо льдом, а над рожью и клевером.
И не заходило долго. Такая вот геолокация.
Были равенство, братство, свободный труд,
И первая на планете цивилизация,
Великая и могучая, зародилась тут.
А потом, в результате звёздной аварии,
Другим боком повернулась к солнцу планета,
И гиперборейцы – праславяне (они же арии) –
Разошлись по разъехавшимся частям света.
Теперь тут Арктика, полярные ночи, северное сияние.
Мы собрали на острове контрреволюционный учёный люд,
От которых не ждём покаяния,
А надеемся, что они свет истины нам прольют.
Потому что здесь – множество жреческих тайн и умения,
И шаманские практики правят энергией всей.
Но есть и большая опасность (это – моё личное мнение):
Могут вредители воспользоваться силой сей».*

5

*Пока прежние поколения
Не пробили последних днищ,
Всех доводят до исступления
Блогер Груня и репер Дрыщ.
Словесами тряся убогими,*

*Телесами промяв диван,
Хоть кругом все – сплошные блогеры,
Груня сделалась «намба ван».
Со своими хмельными нимфами,
Хоть душой и мозгами нищ,
Хайп сорвав корявыми рифмами,
Раскрутился по полной Дрыщ.
Кран открыл болтовне и опусам,
Сам невидим, суров и тих,
Кто-то сверху каким-то образом
Кукловодит и троллит их.
Растопырив глазёнки карие,
От усилий накрена,
Груня топит за тайну ариев,
Не поняв про них ни хрена.
Без порток скача между койками,
Знать не зная таких имён,
Дрыщ хрипит про Максима Горького,
Буревестника всех времён.
Ну а там, где сквозь землю голую
Проступил валун Алатырь,
Под расстрел подставляет голову
Зачарованный монастырь.*

6

*«Едет Максим в страну вечных зим,
Везёт идеологический керосин,
Соловки – арктические, коммунистические пытки,
Требуют мыслительной, усилительной подпитки.
Максим, дай им максимум. Подлей в историю касторки.
Ты же – Горький!
Они откроют тебе залежи, закоулки, подкорки.
Чего только тут не понамешано!
И Максим засмеялся бешено.
“Я знавал по кабакам беломорских мидий,
О Гиперборее писал Овидий,
Я перевоспитаю любого меньшевистского баламута,
Арктика – это круто!
Идите ко мне, обиженные, великие, одинокие,
Всякие Гордынины, Когтевы и даже Бокии,
Давайте вместе хлебать эту ледяную навязчивую жижу,
Тут создаётся будущее, я так вижу,
В этой полярной ночи, капиллярном дыму, тумане –
Поколдуем, поворожим, попророчествуем, пошаманим!
Чтобы у всех несознательных, политически неподкованных перцев
Задышала в сердцах светлых идей полынья и проталина,
Именем главных гиперборейцев,
Именем вечно живого Ленина, именем великого несусветного Сталина!”»*

7

*– Алексей Максимович, разрешите представить: наш лучший сотрудник Когтев Никодим.
– Душевно рад! Как поживаете, голубчик? Как ваши успехи?
– Да спасибо, товарищ Писатель! Мальца небо коптим.
– Что так скромно? Вы же рыцари революции! Не жмут доспехи?
– Шутить изволите? Чтоб вином сделать навары, надобно, чтобы правильно забродило сусло.
Какие же мы лыцари? Мы, скорей, санитары.
Особливо буйных направляем в нужное русло.*

- Да вы философ, однако, батенька, как говаривал наш Ильич.
- Чего уж там! Мы подковываем политически даже вшу!
- Как же по нраву мне, голубчик, весь этот ваш спич!
- Балаболить – дело нехитрое.
- Нет-нет, позвольте-ка, я запишу!
- «Сусло – русло», «подковываем даже вшу»... Это же – просто фольклор!
- Слово больно мудрёное!
- Не мудрей, однако, ваших воистину посконных фраз.
- Тогда пишете: мы ищем богатырей!
- Что же не нашли до сих пор?
- Попадается гниль. Много идёт на сброс.
- Нерачительно как-то, батенька!
- В самый раз!

8

Блогер Груня, Груня блогер
 Мозг снести сумела многим,
 Нос повсюду свой суя
 И сенсации суля.
 Раструбила миру Груня,
 Врунья, сплетница, игрунья,
 Что на стыке трёх морей
 Жил народ Гиперборей.
 Что (как Ванга предрекала)
 Возле Беломорканала
 Найден великанский след
 И вождя славян штиблет.
 Типа там открыли дверцы
 В мир иной гиперборейцы,
 Чтоб бродить туда-сюда
 Сквозь пространства и года.
 Ведь недаром политэзки
 Проскребли тут все сусеки,
 Среди льдов и снежных троп
 Отыскать Арктиду чтоб.
 И внутри всей этой шняги
 Шастал, вперив дикий взор
 В окровавленные стяги,
 Пряча тайные бумаги,
 Зная всё, что знали маги,
 Полон гнева и отваги,
 В Соловецкой той шараге,
 Он – Гордынин Христофор.

9

«Я – репер Дрыщ.
 Я врубаю ритм – “тыдыщ-тыдыщ”!
 Я знаю способов пыток несколько тыщ.
 И первый – не отвечать вам, козлам, на ваши звонки.
 У вас, у козлов, кишки тонки!
 Вот вы мне звоните, как подорванные, раз, другой,
 А я в ответ – ни рукой, ни ногой.
 Вас всех колбасит, вы шипите, как кошек рать,
 А мне насрать!
 Второй способ – кричать вам отчаянный рэп.
 Бить по ушам. В этом я окреп.
 И хоть вы, козлы, друг за друга горою,

Я конкретно панчами вас урою.
Я знаю любимую вашу пытку –
Заставлять людей служить золотому слитку.
И при этом впаривать всем идеалы,
Вы ж во все века таковы, ёлы-палы!
Вы пытали дедов моих по подвалам,
Вы пытаете нас всех в большом и малом,
У вас крепкие нервы, вместо мозгов – кирпичи,
Вы – холопы, опричники, сталинские палачи,
Вы – дворяне. Вы жрали шартрез, икру да красную рыбу,
Нас пороли, а мы вас потом за это – на дыбу,
В коммуналках – слёзы лились рекой да текла беседа,
А потом сосед, спохватившись, писал донос на соседа.
Пёрли в светлое будущее, рот раззявив и выпучив зенки,
А при этом друг друга пускали в расход и ставили к стенке.
Всё: историю, душу, культуру и веру, и стать – растеряли,
Богатырское прошлое сами в себе расстреляли.
Я сейчас постебусь тут над вами, провою болотной выпью,
А потом из вас показания о своей гениальности выблюю.
Нюхну с костяшки пальцев дорожку, прикусив от тоски губу,
Наберу телефон подруги. Она не возьмёт трубу».

10

«На своих и чужих мы не делим,
Все пред Господом виноваты».
Бокий Горького вёл по кельям,
Переделанным в казематы.
«Мы им Маркса читаем на ночь,
Просветляется жизнь мирская».
«Хорошо, хорошо, Глеб Иванович», –
Окал Горький, слезу пуская. –
«Я роман тут задумал ныне,
Не сочти-ка ты, брат, за наглость,
Но, слышал, тут у вас Гордынин,
Мне б с ним встретиться с глазу на глаз».
Бокий строго поправил орден,
Поглядел на охрану с укором.
Так ли, иначе – только в полдень
Горький вёл диалог с Христфором.

11

– Христофор... Как вас по батюшке?
– Божий сын.
– Эка, вы батенька! Не высоко ль берёте?!
– Ну ничуть не выше вашего, дорогой мой Горький Максим.
Вы ведь тоже дух ставите выше плоти.
– Дух-то выше. Но вот, что такое есть Бог?
И насколько звать его сыном гоже?
– Бог зачинал человечесий клубок
За полярным кругом.
– Во льдах?! О, Боже!
– Тогда ещё не было никаких тут льдов.
– А что же было?
– Тепло и сухо.
И небесные сферы звучали навроде альтов,
А потом пошла депрессуха.
Слыхали про мерЯченье?

– Общий психоз?
 – Да, наследие гиперборейской мощи,
 Мощи шаманских бабочек и стрекоз,
 Простых, как дыхание, а то – и того проще.
 – А что-то ещё осталось от них?
 – Пустота.
 Лишь, требующая наполнения, оболочка ариев.
 – И чем вы тут заняты?
 – Цель проста:
 Отыскать воскрешение в лапландском мареве.
 Я сам, как саами, чуди, меря и лопарí,
 Бываю будущим обеспокоен,
 Но мы разгадаем их тайны, держу пари,
 И ещё одна тема – бессмертный воин.
 Гордынин, вдруг, задрал голову, закатил глаза
 И запричитал, наподобие ворожеи.
 А у Горького снова выступила слеза,
 Он увидел глубокий шрам у него на шее...

12

А под утро кошмар нарочитый, тягучий приснился Дрыщу:
 Будто чёрный старик грозно встал из-за скал, откупорив свой склеп,
 И Дрыщу прохрипел – «Я тебе никогда не прощу,
 Если ты про меня сей же час не напишешь свой грёбаный рэп!»
 Что было дальше догадаться не трудно,
 Дрыщ очнулся, потный от ужаса, со своими павами,
 И заходила ходуном Ловозийская тундра,
 И Сейдозеро забродило клубами кровавыми.
 Дрыщ затараторил про ту историю и про ту страну,
 Про те времена, те места и про их обитателей,
 Когда верили в идею великую только одну, хоть и шли ко дну,
 И всю жизнь изо всех своих сил на неё тупо силы и тратили.
 Страна делала всё, чтоб окрепнуть на западе и на востоке,
 Чтоб задышала Арктика полной грудью от Мурманска до Беринга.
 Пока суть да дело, Горький уплывал с Соловков на борту теплохода «Глеб Бокий»,
 Ну а сам Глеб Бокий, играя желваками, фуражкой с кокардой махал ему с берега.

13

У монашских стен – Алатырь валун.
 Камень бел-горюч, всем камням отец.
 Там от тёмных сил в свете новых лун
 Добрым молодцам наступал конец.
 Вёл сюда конвой, не спросив причин,
 Тех, кто полон был богатырских сил,
 Ну а тут уж головы главный чин
 Самолично зекам огнём сносил.
 Был один из них чёрен и сутул,
 Навели пицаль на него в упор,
 Только вдруг в ответ блеск очей сверкнул,
 То опальный был божий сын Христофор!
 Голоси же, Русь! По героям плачь!
 До чего ж кровавы твои дела!
 И нажал курок, торопясь, палач,
 Выстрел грянул, но пуля – как замерла.
 То ли – был так могуч Христофора взгляд,
 То ли – бог смертей оказался сыт,
 Но прошла эпоха, года летят,

*Ну а пуля так в воздухе и висит.
И с тех пор палачам упокоя нет,
Сгинул в чёрной мгле не один упырь,
По снегам и тундре – кровавый след,
Ждёт развязки пуп земли Алатырь.*

14

*Молодёжная продвинутая группа,
Для которой всякий эпос, в целом, – пох,
Сбиралась у арктического трупа,
Что хранился в морозильнике эпох.
Он, в своих торосах тайны пряча,
Что-то выдавал, да всё – не то.
И теперь поставлена задача:
Сделать Север нашим от и до.
Был для них он страшен и неведом,
Недоступен и, как Марс, непостижим,
Хоть и звал к стремительным победам
Их взрастивший правящий режим.
Привлекательны, умны и мускулисты,
Образцы грядущей поросли людей,
Это были журналисты, программисты,
Управленцы, генераторы идей.
Они знали, что такое «утилиты»,
«Флейм» и «флуд», «бот», «геймер», «баг» и «спам»,
Были их извилины забиты
Интернетом с after party пополам.
Не задеты ни культурой, ни попáми,
Получив патриотический букет,
Они смутно полагали, что Папанин –
Это тот, кто съел во льдах радистку Кэт.
Родина смогла им дать немало,
Им другой такой же не найти.
И вот им, счастливицам, предстояло
Стать легендой «Северморпути».*

16

*Он стоял, словно дом на пригорке,
Колобродил полярный Эол,
«Алексей Максимович Горький» –
Ледокол.
Есть у мифа особенный признак:
Перед – слаб, зато – крепок тыл.
Был ли это фантом или призрак,
Но он был.
Собираясь пройти по этапу,
Невзирая на срач и скулёж,
На него поднималась по трапу
Молодёжь.
И хоть кровью покрыты истоки,
Никого не пугал прежний грех,
Среди них были Когтев и Бокий
(Внуки тех),
Представители Росмолодёжи
И какой-то загадочный прыщ,
Популярные всякие рожи,
Груня, Дрыщ.*

*Уплывал ледокол белой павой,
Дав гудок, шёл за семь морей,
В новый миф да за новой славой,
За Борей.*

17

*Под названьем «Дранг нах ост»
Груня выложила пост.*

*«Когда советские народы
Душила красная узда,
И провожали пароходы
Совсем не так, как поезда,
Когда, не требуя свободы,
Кругом красавцы и уроды
Возделывали огороды,
Высаживали корнеплоды,
А на Кремле росла звезда,
Тогда, не ведая плагина,
Ни интерфейса, ни систем,
В кибератаках не повинна,
Неприхотлива, как вагина,
Без лишних слов и кокаина
Страна заведовала всем.
Теперь, мажоры и присоски,
Вы (размышляя философски)
Вдруг оказались при делах.
И пусть дела пока неброски,
Но вы, ступив на трапа доски,
Надев тельняшки и матроски,
Провозгласили – “дранг!” и “нах!”.
Теперь свобода полная, и что ж?
Мозги у вас опять не в лучшем виде.
Ты что-нибудь слыхала, молодёжь,
О чудесах, творящихся в Арктиде?
Мы будем плыть за ними по пятам,
Нам будут все истоки их открыты.
К примеру, мы идём к Чукотке, а ведь там
Когда-то зародились трансвеститы.
Я чувствую протест ваш и игнор,
Но духи знают, как достичь нирваны.
У северных народов до сих пор
Арктические правят квир-шаманы,
Гиперборейцы-гомосеки – это что-то!»*

И Груня выложила транс-чукчей фото.

18

*У Груни-блогера был очень мощный трафик,
И комментов язвительных – не счесть.
Кого-то она сразу слала нафиг,
Кому-то уготавливала месть.
А именно – закладывала вирус
В ответы тем, кто был излишне рьян.
Но в этот вечер что-то с ней случилось,
Она застыла, глядя на экран.
Из глубины, из недр монитора,*

Как, на молящегося в храме, образа,
Полны надмирной скорби и укора,
Смотрели прямо в душу ей глаза.
И чей-то голос, вкрадчивый до дрожи,
Под перебор почти неслышных струн,
Ей что-то пел, и шёл озноб по коже,
Как-будто пела птица Гамаюн:
«Когда Земля вращается по кругу,
Ориентир теряют моряки,
Теплее к северу и холоднее к югу
Становится, законам вопреки.
Со всех сторон окружена стеною
Из вечных льдов внутри себя она
Действительностью явится иною
Для тех, кто ощутит её сполна.
Ни колобком, ни шариком, ни шаром,
А плоской, как Всевышнего ладонь,
В которой центр обладает даром,
В которой он – то холод, то огонь.
И потому идём по воле Бога,
И потому мы живы до сих пор,
Что мною обозначена дорога,
Я – ваш ведун Гордынин Христофор».

19

На корабле все сообща
Под вечер слушали Дрыща.
«Вот мы тут – арктический десант и ядерная группа,
А климат меняется, и Арктика тает тупо.
Мы топим за неё и стремимся быть в ТОПе,
А она конкретно нас самих всех потопит.
Так что нужно будет скоро из неё делать купальню
И высаживать по берегам кактус и пальму.
Профессор сказал, что подпишет зачётку,
Если я на арктическом шельфе спляшу чечётку.
И надо всем задуматься, как гиперборейцы нас примут,
Когда у плоской Земли поменяются ось и климат.
Ведь она стоит на осьмидесяти рыбах да на трёх китах здоровенных,
И мы помним, что кровь ариев течёт в наших алчных венах.
А в мозгах у всех глобальное потепление
Обнажает глобальное оупление,
Обнажает тщету земных радостей до планетарного ядра,
Обнажает гниль и пакость человеческого нутра.
А первый кит –
Он, как есть, рахит,
У него, куда ни глянь – голова, которая всё время думает, а не болит,
А у второго кита –
в голове только щель для рта,
Остальное – неизведанные пространства ненасытного живота,
Ну а третьему киту –
Пришпандорено небо к хвосту,
Он махнёт им слева направо, и все звёзды засияют на своём посту.
И я буду таким же, когда до ариев дорасту!»

20

*Тот выстрел в Соловках, увы, не канул в Лету,
И пуля, замерев, продолжила свой путь.
И Родина сама идёт под пулю эту,
И подставляет ей то голову, то грудь.
И поступь широка, хоть жесты неумелы,
И не понять уже, где жертва, где палач,
И в пуле той сполна скопились все расстрелы,
И злоба двух сторон, и стон, и гнев, и плач.
Лесоповалов шрам, следы каменоломен,
Застенки рудников, проклятье лагерей,
Смертельный в ней заряд всё более огромен.
Как от неё сберечь тебя, Гиперборей?
У кромки полыньи – то айсберг, то торосы,
Здесь – ни предателей, ни вражеских армад.
Когда же, наконец, поймут великороссы,
Что только изнутри нас ждёт и рай, и ад?*

21

*Вновь Бокий с Когтевым сошлись тут, как ни странно,
Опять их свёл арктический мираж,
Два правнука, два друга, два Ивана
Составили подводный экипаж.
Вот горизонт слегка перекосило,
Ослабил пути специальный кран,
Глубоководный аппарат «Россия»
Спускался с ледокола в океан.
Он шёл на дно в водоворотном шлейфе,
Старпом благословлял их матерком,
Им предстояло обнаружить в шельфе
Связь полюса с родным материком.
Оставить там флажок или тесёмку,
Пополнить картографии редут,
Ещё исполнить гидрофотосъёмку
И что-нибудь забрать. Если найдут.
Они отважны были и достойны
Бойцов невидимых фронтов пополнить рать,
Ведь в Арктике развёртывались войны
За право на неё претендовать.
За дном морским с дотошностью хозяев
Они следили из подводной тьмы,
Но что откроют льды, вконец растаяв,
Не знали даже лучшие умы...*

22

*Подписывайтесь! Я – Група (латинскими буквами) точка ги.
Я, может, чего не знаю, но никогда не вру.
Я ищу позитив, а не копаюсь в чужом вонючем говне,
Если хотите всю правду, это ко мне,
Смотрите меня во всех сетях, в Инстаграме, Ютубе, а если сумеете, то и во сне.
Наши сейчас под водой перевыполняют норму,
Тщательно ощупывают и сканируют здоровущий хребет,
Который пересекает материковую платформу
И ведёт от северного полюса через Россию в Тибет.*

*Это означает, что славяне прошли этот славный путь, положив начало
Всей земной цивилизации и ещё положив
Всех врагов и на всех с прибором. И сила крепчала
У тех, кто, после этих войн и скитаний, остался жив.
Мы придумали всё: от Арктики до Антарктиды,
МахабхАрата – это созданный нами древний такой Викиликс.
Наши стоунхенджи, дольмены и пирамиды
Заработают космически, когда наступит час икс.
Ну а тем, кто шлёт мне гадости в разном виде
И берётся меня и мою страну всячески оскорблять,
Я скажу дипломатично, как любят в российском МИДе:
«Не умеете петь, так не пейте, дебилы, Ъ!»*

23

*Ледокол заскрежетал, беря Арктику на таран,
Компьютер вдруг загудел, и вскоре
Всеми цветами радуги стал переливаться экран,
Будто полярное сияние затрепетало на мониторе.
И снова в зрачки Груни уставились те глаза,
Что проливали ей свет из ледяного простора:
«Ты можешь, конечно, и дальше нести свою чушь, егоза,
Но лучше пусть послушают все старика-ведуну Христофора».
Груня захотела нажать «enter» или отключить Сеть,
Но застыла, как вкопанная, не в силах пошевелиться.
«Вам всем ещё предстоит промежду небом и землёй повисеть
И увидеть гиперборейцев оживающих лица.
Ведь самая главная на всём белом свете мощь,
Которая сдвигает пространство и время, материи и страны,
Это та, что хранит в себе окаменевший арктический хвост,
А владеют ею посвященные ведуны, жрецы и шаманы.
Мы всё можем, когда очень и очень хотим.
Меня пытались убить, но для таких, как я, смерти нету.
Так что, запомни сама и передай по цепочке другим:
Мы посланы сюда для того,
чтобы вдохнуть новую жизнь в планету!»*

24

*«Смотри, Иван, – сказал Иван Ивану, –
Пещера. И какой-то ящик в ней.
Давай-ка щупом я его достану,
А ты трави лебёдку подлинней.
Что делать, капитан?! Грузить нам!?! Или...?!
«Грузить!» «Какой же он тяжёлый все же! Фак!»
И Бокий с Когтевым с трудом в отсек втащили
Огромный почерневший саркофаг.
«Пора наверх!» Встал у штурвала Бокий.
Сигнал «всплывать» был с ледокола дан.
Вдруг – всё качнулось! Будто вздох глубокий
Из самых недр сделал океан.
Они и охнуть не успели толком.
Протечка – в рубке. В кубрике – пожар.
Пронзило сразу. Холодом и током.
Удар! А вслед за ним – ещё удар!
То пули соловецкой злая сила
Проделала смертельный свой кульбит.
Глубоководный аппарат «Россия»
Был временем безжалостно подбит.*

*Там, в полынье, в объятьях океана,
Среди открытых ими древних скреп,
Парили два безжизненных Ивана,
Потомки тех вершителей судеб.*

25

*Время жестоко, но праведно, оно не считает утрат,
Таким же бесчувственным холодом и океан осиян.
На верхнюю палубу «Горького» был поднят со дна аппарат.
И вынесли из «России» двух молодых россиян.
Следом – весь в знаках и символах, загадочный саркофаг.
Неведомо чей и откуда и чтимый незнамо где.
Команда ждёт капитана. Все смолкли. Приспущен флаг.
Фуражки и бескозырки лежат на каждом на локте.
Вот он выходит на палубу. Весь в белом. Седа борода.
«Открыть саркофаг!» В саркофаге – скелет человека с хвощом.
Тот хвощ – это жреческий посох. Во лбу человека – звезда,
А сам он окутан истлевшим, но золочёным плащом.
Взял посох окаменевший и поднял его капитан,
Громами гремит его голос и молнии мечет взор:
«Отныне во веки вечные я сам – ваш ведун и шаман!
Дело моё – воскрешение! Имя моё – Христофор!»*

26

*Последствия действий хвоща
Осмыслим посредством Дрыща,
Он за всем наблюдает, напрягая губки,
Из радиорубки:
«Началось!
Земля – плоская. Нарежем её полосками.
Мы держимся за неё своими присосками.
Надеждами и чаяниями – за земную ось и авось.
Началось!
Потекло!
Глобус превращается в ребус,
Ребус превращается в опус.
Нации нужен эпос!
Нальёте, тогда захлопнусь.
Христофор использует мощи
Для шаманской мощи.
Перед ним даже планета мочится в штаны, как последнее сыкло.
Потекло!
Пекло!
Эскимос его материт,
Краска на ледоколе поблёлка,
Обнажён материк.
Тающий океан бурлит, а по берегам
Появляются воскресающие гиперборейцы то тут, то там.
Вон – Пушкин выходит из пены морской,
За ним – Гагарин, Чайковский, Толстой и Крамской,
Галерея великих, герои войны и труда, вся могучая кучка,
И даже, не ведая стыда, гомосек-чукча.
Следом – все, полные мифологии, славяне, скифы, индусы, арии
Покидают свои колумбарии.
И встают в полный рост,
И витают над ними святой дух и прана,
Не бросившие в трудную минуту свой пост,*

*Поднимаются погибшие подводники Когтев с Бокием, два Ивана.
И подлетают к ним из небытия их отцы и деды,
И, не веря своим глазам, расчёсывают им их дреды,
И жрец восстаёт из саркофага и тоже направляется к ним,
И роняет слезу на усы, просто вылитый Горький Максим.
А где-то там, на Соловках, омытый дождями кровавых рос,
Алатырь-валун замироточил и ещё глубже в землю родную врос.
Арктика треснула и пополам раскололась,
И зазвучал надо всем над этим Христофора Гордынина голос:
Во имя мира и славных дел на Земле и её орбите –
Живите и процветайте, здравствуйте и живите!
И да славится наш народ, распылившийся из глубин божественного космического спрея,
И да наполняет нас гордостью, силой и радостным будущим наша прародина, наша Арктида, наша Гиперборея!»*

ЭПИЛОГ

*Как только закончил камлание Дрыщ,
В ту же минуту,
Шныряющий всюду, загадочный прыщ
В Грунину впёрся каюту.
– Ты видела?
– Кто вы?
– Сама прочитай.
Он сунул ей корочку.
– Но без засветки.
Ты тоже «открой своё личико мне, Гульчатая»,
Мы ж оба с тобой из разведки.
– Старлей Иванова, товарищ майор.
– Слыхала всю эту муру?
– Так точно!
– Игру не пойму до сих пор.
Что скажешь, агент ГЭРЭУ?
– Я в целом слегка изучила вопрос.
Случается всякое тут.
На севере есть необычный психоз,
Меряченьем это зовут.
Влияет на массы.
– Что ж это за зверь?
– Является чудо уму.
– Я в это не верю. Но верь ли, не верь,
Давай-ка писать Самому.
Доложим ему, что плохую игру
Гордынин ведёт Христофор,
Он всех подсадил на видений иглу.
– Диктуйте, товарищ майор.*

*Шифровка легла Президенту на стол,
На ней была приписка секретаря: «Желательно без проволоочки».
Он начал читать, как всегда, по диагонали, но когда прочел,
То снова и снова стал читать и перечитывать запавшие в душу строчки.
«Мы же не допускаем вечной молодости и наличие некоего возрождающегося Феникса».
Президент прислушался к раздавшемуся вдруг за окном лаю,
Подвинул стоящий на краю бюстик железного Феликса,
И, глядя в темноту, пробормотал задумчиво под нос: «Ну не знаю, не знаю...»*

